

Л. А. Герд

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ *и* РОССИЯ

1901 / 1914

Bosphore

Лора Герд

**Константинопольский
Патриархат и Россия. 1901–1914**

«Индрик»

2012

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

Герд Л. А.

Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 /
Л. А. Герд — «Индрик», 2012

ISBN 978-5-91674-233-6

Книга посвящена церковным аспектам русской политики в Балканском регионе. Общность веры с христианским населением Османской империи была сильным преимуществом России в ее борьбе за преобладание в Восточном Средиземноморье. В течение первых десятилетий XX в. Россия не предпринимала серьезных попыток радикальных политических изменений на Ближнем Востоке – ее лозунгом было сохранение статус кво в восточном вопросе. Единственным большим успехом русской дипломатии в этот период стало формирование Балканского союза в 1910–1912 гг., который должен был поддержать дальнейшее продвижение России в сторону проливов и Константинополя.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

ISBN 978-5-91674-233-6

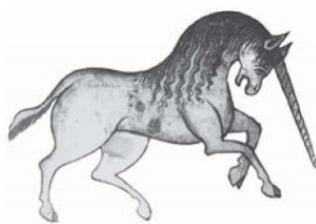
© Герд Л. А., 2012
© Индрик, 2012

Содержание

Введение	6
Русская политика на Балканах в 1901–1914 гг. Общий обзор	11
Борьба балканских народов за Македонию	12
Политика России на Балканах. Сотрудничество с Австро-Венгрией	17
Русско-австрийские попытки реформ в Македонии в рамках Мюльштадтского соглашения	19
Боснийский кризис 1908–1909 гг.	25
Подготовка Балканского союза в 1911–1912 гг.	28
Византийское наследие в русской общественно-политической мысли начала XX в.	35
Русские дипломатические и духовные представители в Константинополе в начале XX в.	56
Может ли русский архиерей служить в Константинополе?	65
Один канонический казус начала XX века	
Русская школа в Константинополе	70
Россия и Константинопольский патриархат. Церковная политика 1901–1914 гг.	71
Константинопольский патриархат при Иоакиме III (второе патриаршество, 1901–1912)	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сноска 10 стр 17
Лора Александровна Герд
Константинопольский
патриархат и Россия 1901–1914 гг.

Российская академия наук
Санкт-Петербургский институт истории
Греческий институт Филологического факультета СПб ГУ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-61-01400)

Рецензенты:
чл. – корр. РАН *И. П. Медведев*
д. и.н. *Е. Ю. Басаргина*

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Ближний Восток и Балканы являлись ареной соперничества западных держав – Англии, Франции, Австрии (Австро-Венгрии), Германии с одной стороны, и России – с другой. Постепенное ослабление и распад Османской империи открывали великим державам широкие просторы для колониальной экспансии. Обширные территории, крупные торговые порты Восточного Средиземноморья – все это привлекало внимание держав. Данный регион представлял особый геополитический интерес ввиду того, что через него лежал путь на Восток – к британским владениям в Индии, а также к странам центральной Азии и Китаю. Ключом к этому пути был Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы, соединяющие Черное море со Средиземным. Помимо конкуренции западных держав между собой, главное препятствие для их устремлений на Ближний Восток представляла Россия, которая со второй половины XVIII в. имела собственные интересы в регионе.

Получив в результате русско-турецких войн 1760-90-х гг. выход к Черному морю, Россия осознала своей первостепенной задачей обеспечение свободного доступа в море Средиземное, что давало ей возможность открытия новых торговых путей и экспорта сырья. Кроме соображений экономических, перед Россией лежала стратегическая задача: обширные южнорусские территории нуждались в обороне от посягательств со стороны Турции и европейских соперников. Поэтому преобладание в проливах и районе Константинополя стало для России первоочередным направлением в ее южной политике; путь к осуществлению этой перспективной цели лежал через Балканы.

Противостояние между Россией и западными державами за обладание проливами и Константинополем, господство на Балканах и в Восточном Средиземноморье определило все содержание политики на Ближнем Востоке в течение двух столетий и получило название восточного вопроса. На его решение были направлены военные и дипломатические усилия заинтересованных государств. Традиционно в историографии рассматриваются только военно-политическая и экономическая стороны восточного вопроса и при этом, как правило, недостаточно учитывается или вовсе игнорируется его важная религиозная составляющая¹.

Ближний Восток являлся перекрестком религиозно-политических интересов христианских государств еще со времен Средневековья. Иерусалим, Гроб Господень был центром паломничества еще с первых веков нашей эры. Обладание Палестиной стало заветной целью европейских правителей. Крестовые походы, направленные на освобождение Гроба Господня от сарацинов, привели к образованию нескольких государств на Ближнем Востоке, управляемых выходцами из Западной Европы, и первому серьезному столкновению интересов Запада с самым значительным в то время государством Восточной Европы – Византией. Захват Константинополя в 1204 г. положил конец старой системе монополии Византийской империи и явился началом новой эпохи национальных государств на Балканах. По мере политического ослабления Византии и особенно после окончательного завоевания Малой Азии и Балканского полуострова османами консолидировалось и возросло Рус-

---

¹ Восточному вопросу и проливам в политике великих держав посвящена большая литература. См.: *Успенский Ф.* Как возник и развивался в России Восточный вопрос. СПб., 1887; *Дранов Б. Л.* Черноморские проливы. М., 1948; *Jelavich B.* The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887. Bloomington; London, 1973; *Idem.* St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814–1974. Bloomington; London, 1974; *Sumner B. H.* Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. London, s. a.; *Saul N. E.* Russia and the Mediterranean. Chicago, 1970; *Княпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994; Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999; *Жуков К. А.* Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 13. Вып. 2. С. 10–22; *Лулева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010; и др.

ское государство. Получив от Византии христианскую веру, Русь восприняла также ее универсалистскую государственно-политическую идеологию. Византия традиционно считала себя наследницей Рима, который был обладателем всего культурного мира-ойкумены. Константинополь именовался Новым Римом, а жители восточной части империи называли себя ромеями, т. е. римлянами. Римская государственная идеология получила новое наполнение с принятием христианства как государственной религии; теперь все варварские народы рассматривались Константинополем как потенциальные объекты миссионерской политики. Крещение варваров сопровождалось их вовлечением в сферу византийских политических и культурных интересов, а в дальнейшем могло привести к включению этих территорий в состав империи².

Византийская имперская политическая концепция была полностью воспринята на Руси. После падения Константинополя в 1453 г. окрепшее Русское государство осознало себя преемницей Византии. Эти идеи нашли идеологическое обоснование в теории Москвы – Третьего Рима, поначалу носившей эсхатологический характер. Определенное политическое звучание теории византийского наследства получили во второй половине XVII в., когда постепенное продвижение России на юг привело ее к прямым столкновениям с Османской империей, и перспективы выхода к Черному морю стали реальностью.

Моральное право России считаться наследницей Византии в течение XVI–XVII вв. подтверждалось как восточными патриархами, так и многочисленными представителями духовенства, приезжавшими в Москву за пожертвованиями. В XVIII в. имперские амбиции России приобрели более отчетливые формы и направление, а к началу XIX столетия, казалось, приблизилось их осуществление – овладение Константинополем и проливами.

Между тем в начале XIX в. произошло формирование национальной идеи греческого народа, которая через несколько десятилетий переросла в знаменитую Великую идею – идею воссоздания Византийской империи и объединения всех исконных греческих земель в одном государстве со столицей в Константинополе. Первым практическим шагом в ее осуществлении была греческая революция 1821 г. и образование независимого Греческого государства. Если до начала XIX в. греки видели свое освобождение от османского ига только с помощью русского оружия, то в XIX в. они опирались больше на поддержку западных держав, в первую очередь враждебной России Англии. Результатом было столкновение двух имперских амбиций, двух претензий на восстановление Византийской империи – великодержавной русской и национальной греческой³.

Середина – вторая половина XIX в. – время формирования самостоятельных государств на Балканах и расцвета балканского национализма. Идеологической опорой для этих тенденций было образование национальных, независимых от Константинополя автокефальных церквей, что, как правило, сопутствовало государственному отделению от Османской империи, а иногда и предвзяло его. Провозглашение автокефалии Элладской церкви в 1833 г. (признана Константинополем в 1850 г.), Румынской в 1865 г. (признана в 1885 г.), Болгарской в 1870 г. (признана в 1945 г.), Сербской в 1879 г. – вот основные этапы этого процесса. Происходило разрушение основного принципа организации восточно-христианского мира в составе Османской империи – системы миллетов, т. е. немусульманских общин, пользовавшихся автономией. Восстановление и образование национальных автокефалий, имевшее прецеденты в поздневизантийскую эпоху, происходило самыми разнообразными путями,

---

² Концепция византийского содружества государств, образующих православную ойкумену, разработана в классической монографии по этому вопросу: *Obolensky D. The Byzantine commonwealth. Eastern Europe. 500-1453. London, 1971*; рус. пер.: *Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. Идеальная схема, построенная Оболенским, в последнее время пересматривается. См. исследование о византийской миссионерской политике: Иванов С. Л. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.*

³ *Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 371–518.*

встречало сильное противодействие со стороны Константинопольского патриархата, зачастую десятилетиями не признававшего ту или иную автокефалию и даже не остановившегося перед объявлением раскола в отношении Болгарской церкви. Реакция России и Константинополя на эту национально-политическую борьбу в ее конфессиональном ракурсе, оперирование понятиями церковного права и средневековыми шаблонами византийского и османского времени для прикрытия чисто политических целей является интереснейшей и все еще недостаточно исследованной страницей истории дипломатии и политического сознания конца XIX – начала XX столетия⁴.

Приняв на себя роль покровительницы восточных христиан, Россия наполняла все свои стратегические и политические инициативы в направлении Ближнего Востока религиозным содержанием: оправданием этих инициатив была поддержка православия. Таким образом, Иерусалим и Константинополь становились двумя объектами особого внимания русской политики – первый как главная святыня христианства, второй как символ христианской монархии. Старая средневековая идеология, как хорошо осознавали русские дипломаты XIX в., была незаменимым политическим орудием в руках России, тем орудием, которое давало ей неоспоримое преимущество перед западными державами: стержнем всей ближневосточной политики была опора на единое православное население Османской империи. Вместе с тем она же являлась источником политического ослепления и ошибок, которые постепенно привели Россию к потере своего исключительного влияния на дела православного Востока. Рыцарской военно-политической авантюрой в духе Крестовых походов была предпринятая Николаем I Крымская война; возвращение Гроба Господня в руки православных обернулось для России трагическим поражением и потерей черноморского флота. Не менее донкихотской была постоянная щедрая и, как правило, бескорыстная материальная помощь восточным патриархатам и монастырям. Исходя из общего принципа поддержки православия на Востоке, русское правительство отпускало ежегодные громадные суммы для церковных учреждений Ближнего Востока, причем отчет в расходовании этих денег требовался далеко не всегда, и зачастую они использовались не по назначению. Постоянная дипломатическая помощь, которой пользовались восточные церкви со стороны России, также исходила из соображений содействия притесняемому в Османской империи православию в противовес католической и протестантской пропаганде.

Во второй половине XIX в., умудренное опытом Крымской войны и неблагоприятной для России ориентацией всех балканских государств, из которых некоторые совсем недавно получили освобождение силой русского оружия, русское правительство начинает изыскивать новые методы политики на Ближнем Востоке и решения восточного вопроса⁵. Идея Третьего Рима в царствование Александра III приобретает иную конфигурацию – теперь на смену славянофильской идеологии приходит политика национальная. Византийская идеология в 1880-90-е гг. становится преобладающей в русской политике; она нашла обоснование в публицистике и переживавшей подлинный расцвет русской школе византийских исследований. Российская империя, утверждали теоретики русского неовизантизма конца XIX в., является единственной великой державой, имеющей православного царя; со временем она призвана господствовать над всем православным миром, включающим в себя Восточную Европу, Балканы и Ближний Восток. Однако неблагоприятные международные обстоя-

⁴ См.: *Arnakis G. G. The Role of Religion in the Development of Balkan Nationalism // The Balkans in Transition / Ed. by B. and Ch. Jelavich. Berkeley, 1963. P. 134–135; Clogg R. The Greek Millet in the Ottoman Empire // Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a plural Society. Vol. 1. The Central Lands / Ed. by B. Braude, B. Lewis. N. Y., 1982. P. 185–207; Kitromilides P. M. «Imagined Communities» and the Origins of the National Question in the Balkans // European Historical Quarterly. 1989. Vol. 19. № 2; Kraft E. Von der Rum Milletizur Nationalkirche in Sudesteuropa im Zeitalter des Nationalismus // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. Bd. 51. Hf. 3 S. 392–396; Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. М., 2010.*

⁵ *Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1–2.*

тельства принуждали ее выжидать и собирать свои силы для будущего решения восточного вопроса, когда осуществится мечта всей русской политики – восстановления единого православного царства.

К началу XX в. в этой стройной внешнеполитической концепции появляются трещины: с одной стороны, активизируются сторонники немедленных действий в ближневосточном регионе, с другой – энергично разрабатываются планы политики на Дальнем Востоке. Уже тогда для многих было очевидным, что перенесение акцентов русской внешней политики с Ближнего Востока на Дальний, с таким энтузиазмом разрабатывавшееся С. Ю. Витте и его сторонниками, не было правильным. Поражение в русско-японской войне и революция 1905–1907 гг. показали со всей очевидностью не только ошибочность этого направления для внутренних дел государства, но и его пагубность для ближневосточной политики. Затянувшееся бездействие России на Балканах привело к ее самоустранению от дел в Восточном Средиземноморье. Вооружившись все тем же мечом объединения православных народов, в 1911–1912 гг. русское правительство добилось создания Балканского союза, который, однако, оказался далеко не столь послушным указаниям из Петербурга, как хотелось его инициаторам. Балканские государства, стремившиеся сами овладеть Константинополем и проливами, были остановлены Россией, которая не желала видеть другого хозяина на берегах Босфора, кроме себя. Пик имперских притязаний России и развития византийской идеологии пришелся на годы Первой мировой войны, когда осуществление мечты казалось уже почти свершившимся. Революция 1917 г., однако, привела к крушению этих планов, а вместе с тем и к концу византизма в русской политике.

Сравнивая период начала XX в. с предыдущими двумя десятилетиями после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., нельзя не отметить все большую политизацию византийской идеологии в сознании русской правящей элиты; церковно-политическая идея Третьего Рима теперь из предмета научных исследований и теоретизирований становится программой для практических действий и прямой агрессии в ближневосточном направлении. С другой стороны, очевиден все больший разрыв между грандиозностью замыслов и возможностями их практического осуществления: громкие имперские лозунги с претензией на господство над всем православным Востоком и шаблонные фразы касательно помощи православию находятся в противоречии с политическим бессилием перед лицом враждебных балканских государств и стоящими за их спиной европейскими великими державами. Отдельные успехи дипломатии и даже в целом успешная постоянная работа по укреплению русского влияния через русские учреждения на Востоке – такие как Императорское Православное Палестинское Общество, русское монашество на Афоне и за его пределами, конечно, приносили свои плоды, но были лишь островками на фоне общей малоблагоприятной для России ситуации в восточном вопросе. Кризис достиг крайней точки к середине 1910-х гг. и разразился Первой мировой войной.

Настоящая книга является продолжением нашей работы по изучению церковной политики России на православном Востоке в конце XIX в.⁶ Ее целью является проследить дальнейшее развитие византийской идеологии в русском общественно-политическом сознании и влияние этой идеологии на политику на Балканах и Ближнем Востоке. Вторая задача работы состоит в восстановлении на основе неизданных архивных документов из российских и зарубежных архивов малоизученных или вовсе не известных страниц истории отношений России и Константинопольской церкви в начале XX в. Исследование политики России в пределах Вселенского патриархата проводится по основным направлениям, которые сформировались еще в предыдущий период: это непосредственные контакты русского правительства с патриархией и ее главой – патриархом; позиция России в таких важных для

---

⁶ Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

Константинополя проблемах, как боснийский церковный вопрос, отношения с султанским и младотурецким правительствами; участие русской дипломатии в поставлении сербов на македонские архиерейские кафедры патриархата (ускюбский церковный вопрос), отношения с Англиканской церковью. Особое внимание уделяется русской церковной политике в годы подготовки Балканского союза, Балканских войн и времени до начала Первой мировой войны. Отдельные главы посвящены наиболее крупным церковно-политическим сюжетам: центральному для Балкан греко-болгарскому церковному вопросу, главному камню преткновения для русской дипломатии после 1872 г.; русскому присутствию на Св. Горе Афон и русскому монашеству в Дечанском монастыре в старой Сербии. Хронологические рамки монографии определяются началом правления Иоакима III (1901), патриаршество которого составило принципиально новый этап в истории Константинопольской церкви, и вступлением России в Первую мировую войну в июле 1914 г. Некоторые линии церковно-политических отношений выходят за пределы 1914 г. и продолжаются вплоть до 1917 г.; в отдельных случаях мы позволяем себе проследить их до логического конца. Сосредотачивая свое внимание на балканском регионе и Константинополе, мы оставляем за пределами исследования участие России в контактах Вселенской церкви с другими восточными патриархатами, Элладской и Кипрской церквами. Отчасти мы делаем это сознательно: отношения России и православного Востока за пределами Константинопольского патриархата заслуживают отдельных исследований, а история русской политики в Иерусалимском патриархате на протяжении последних десятилетий успешно разрабатывается целой группой исследователей⁷.

---

⁷ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; см. также статьи Р. Б. Бутовой, И. Ю. Смирновой на страницах журнала «Палестинский сборник».

Русская политика на Балканах в 1901–1914 гг. Общий обзор

На рубеже XIX и XX столетий Балканы были одним из самых напряженных регионов Европы. Освободительная борьба балканских народов происходила на фоне острых противоречий между этими народами за раздел территорий. Общая взрывоопасная ситуация усугублялась борьбой великих держав за сферы влияния при подготовке будущего раздела османских европейских владений. Неудивительно, что Балканы, этот «пороховой погреб Европы», занимали значительное место в политике Англии, Франции и, в первую очередь, России и Австро-Венгрии. С конца XIX в. усиливается германское влияние на Османскую империю. Постепенно Германия, официально выступавшая гарантом неприкосновенности Турции, заняла господствующее положение в ее экономике и военной области. Получив концессию на строительство Багдадской железной дороги, германское правительство прокладывало себе дорогу в сторону Персидского залива и открывало простор для дальнейшей экспансии. С проникновением германского капитала в турецкую экономику России удавалось только отклонять наиболее опасные для нее проекты – например, прокладку северного варианта Багдадской железной дороги на Диарбекир-Ван, которая могла непосредственно угрожать безопасности кавказских границ⁸. Усилия Англии, не согласной делиться позициями на Ближнем и Среднем Востоке, и Франции, претендовавшей на господство в Сирии и Палестине, были также направлены на борьбу с германскими амбициями. На Балканах шла борьба между Россией и Австро-Венгрией, которые имели там непосредственные территориальные интересы: России был необходим свободный выход через проливы в Средиземное море и гарантия безопасности черноморского побережья, Австро-Венгрии – выход в Эгейское море, что предусматривало подчинение западных регионов полуострова. Интересы Австро-Венгрии не ограничивались Адриатикой, а шли гораздо дальше – в сторону Македонии и важнейшего

Эгейского порта Фессалоники; венское правительство имело своих сторонников в лице болгарского князя и сербского крала, а также болгарского и сербского купечества, заинтересованных в интенсивных торговых контактах через Дунай. Все это создавало реальную угрозу устремлениям России к расширению своего влияния на славянские государства и укреплению позиций на подступах к проливам и Константинополю. Как Россия, так и Австро-Венгрия активно использовали политических агентов и церковную пропаганду. Католические миссионеры из Австрии, поддерживаемые Ватиканом, развернули настоящую кампанию среди местного населения – как славянского, так и албанского⁹. Одновременно они служили и политическими агентами, доставляя информацию в австрийские дипломатические представительства. Россия же продолжала свою традиционную политику поддержки православия.

---

⁸ *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 638–640; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 291–293; *Бондаревский Г. А.* Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903). Ташкент, 1955; *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1948; *Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. М., 1976. С. 178–188.

⁹ *Mülinen G., von.* Die lateinische Kirche im Türkischen Reiche. Berlin, 1901; *Ippen Th. A.* Das religiöse Protectorat Oesterreich-Ungarns in der Turkey // Die Kultur. 1902. Bd. III. S. 298–316; Das Kulturprotectorat Oesterreich-Ungarns in der Türken // Fremdblatt. Feb. 2, 1913.

Борьба балканских народов за Македонию

Берлинский конгресс 1878 г. оставил Македонию в пределах Османской империи. Тем самым было положено начало борьбы за эту территорию балканских государств – Греции, Болгарии и Сербии. На владение Македонией претендовали все три государства, так как ее население было смешанным: греки жили преимущественно в городах и по побережью, во внутренних же областях преобладали славяне. Между различными славянскими диалектами жителей не было четких границ, – следовательно, национальная идентификация их зависела, прежде всего, от успеха пропаганды политических агентов и от церковной принадлежности¹⁰. Мнение русского правительства касательно национальности македонских славян не было стабильным и зависело от политической ситуации: если сразу после русско-турецкой войны Россия рассчитывала на болгар как на свой оплот на Балканах, то к началу XX в. МИД был склонен поддерживать сербский элемент. «Является ли Македония болгарской областью? – спрашивал известный русский дипломат и общественный деятель Г. Н. Трубецкой. – На этот вопрос долгое время в России, Англии и других европейских государствах давался утвердительный ответ. На самом деле, у многих из наших консулов, на месте изучавших этот вопрос, ответ давался иной. Македония – не чисто болгарская и не чисто сербская область, но славяне, в ней обитающие, представляют нечто вроде теста, из которого можно сделать как сербов, так и болгар»¹¹. Сельское население поначалу относилось к болгарской политической пропаганде без особого энтузиазма; ее проводниками являлся тонкий слой интеллигенции в лице священников, учителей и торговцев; с годами, однако, эта агитация принесла свои плоды. В результате, делает вывод Трубецкой, к 1912 г. можно было говорить не о Македонии, а о Македоно-Болгарии¹².

Противоречия между греческим и славянским населением Македонии начали проявляться еще в первой половине XIX в., с подъемом национального самосознания балканских славян; постепенно они переросли в открытые конфликты. Начало борьбы было положено еще в 1860–70-е гг. с образованием самостоятельной Болгарской церкви. По замыслу лидеров болгарского освободительного движения, который нашел поддержку со стороны российского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, в территорию Болгарского экзархата должны были входить большинство епархий Македонии со смешанным греко-славянским населением. После провозглашения болгарской схизмы в 1872 г. начался период борьбы за эти епархии между Константинопольской патриархией и экзархатом¹³. Болгарская церковь утверждалась путем получения султанских бератов – документов на право осуществ-

¹⁰ В конце XIX в. этническая карта Македонии неоднократно становилась предметом российских научных экспедиций. Если в 1880-е годы большинство славян называли себя просто райями, т. е. подданными султана, то спустя одно-два десятилетия их национальная принадлежность определялась церковными границами: экзархисты однозначно идентифицировали себя с болгарскими, патриархисты не ставили национальный вопрос на первый план.

¹¹ Записка кн. Г. Трубецкого о задачах России в мировой войне. 10 января 1917 г. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4313. Л. 11. В это время Г. Н. Трубецкой занимал пост вице-директора Первого департамента МИД.

¹² Там же.

¹³ Литература по предыстории и провозглашению болгарской схизмы обширна. См.: *Маркова З.* Болгарската Екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Кирил, патр. Български.* Граф Н. П. Игнатиев и Българският църковен въпрос. Изследване и документи. София, 1958; *Бонева В.* Българското църковно-национално движение 1856–1870. София, 2010. Русское правительство, официально уклонившееся от высказывания мнения по вопросу о схизме, фактически проигнорировало собор 1872 г. и продолжало считать их православными; каноническое общение между церквями было, однако, прервано. Дальнейшее его отношение к греко-болгарскому вопросу зависело от политических обстоятельств. До войны 1877–1878 гг. оно симпатизировало болгарам, начиная с 1880-х гг. – сербам и грекам. При этом факт существования схизмы продолжал быть большой помехой для русской политики на Балканах. Об отношении России к схизме после 1878 г. и попытках ее преодоления см.: *Герд А. А.* Константинополь и Петербург. С. 225–308, а также соответствующую главу настоящего исследования, где указана библиография вопроса.

может и в будущем не осуществиться, и тогда она «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов»; дальнейшие действия четников, направленные не только против турецких властей, но и против сербов и греков, полностью исключили такую возможность. В Болгарии в 1893 г. возникли военные македонско-одринские братства. В качестве руководящего органа легальной организации македонских обществ в Болгарии в марте 1895 г. был создан Македонский комитет (впоследствии Верховный македонский комитет), который также провозгласил своей целью автономию Македонии. Первые шаги болгарских дружин нельзя назвать удачными; действия отрядов не имели достаточной организации, и они нередко занимались грабежом. Четники осознавали свою неподготовленность вести борьбу с регулярной турецкой армией и старательно избегали стычек с ней. В результате деятельность отрядов обернулась широкомасштабной провокацией, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан Македонии с тем, чтобы привлечь внимание общественности в Европе и России и добиться провозглашения автономии Македонии под давлением держав. От действий четников страдало, прежде всего, мирное население, у которого отряды вымогали продовольствие и деньги. Странники активных действий и немедленного восстания (Я. Сандански, Х. Чернопеев, С. Михайлов и др.) противопоставляли себя более умеренным «верховистам», членам легального Верховного комитета; дело дошло до открытого конфликта. Осенью 1902 г. вспыхнуло восстание в Горна Джумая, в которое было втянуто несколько десятков приграничных сел. В результате его подавления погибло несколько сот человек, а три тысячи беженцев отправились в Болгарию. В первой половине 1903 г. многочисленные террористические акты четников спровоцировали погром болгарского населения в Фессалонике, а затем в Битоли. С января 1903 г. проводилась подготовка крупнейшего за этот период Илинденского восстания, которое явилось пиком борьбы македонских болгар за независимость в первые годы XX в.

Митрополит Герман Каравангелис

Аналогичным образом действовала греческая сторона, сочетая пропаганду национальной идеологии через школьное дело и просветительские общества с вооруженной борьбой партизанских отрядов. Для греков борьба за Македонию была важнейшей составной частью осуществления великой идеи – объединения всех исторических греческих земель в одно государство и восстановления Византийской империи. В 1894 г. в Греции была создана патриотическая организация ЕЭлкг] етацта (Национальное общество), целью которой было

укрепление эллинизма в греческих областях, находящихся под турецким владычеством. Первоначально она была ориентирована на Крит, но начиная с 1896–1897 гг. стала посылать отряды в Македонию. В состав общества входили многие известные деятели того времени – византинист С. Ламброс, профессор Н. Политис, юрист А. Матесис. Однако самыми деятельными членами его были профессиональные военные – К. Мазаракис, Павлос Мелас, капитан Геннадис и др. В 1902 г. была основана еще одна конспиративная организация – «Амина» («Оборона»), целью которой была поддержка греческих общин и централизация греческих сил в Македонии.

Опорой греческого влияния в Македонии были дипломаты, духовенство и школьные учителя. Вскоре после своего вторичного избрания на патриарший престол в 1901 г. Иоаким III уступает давлению со стороны греческого посольства в Константинополе и назначает в Македонию молодых, энергичных и хорошо образованных архиереев, всецело преданных делу эллинизма: Германа Каравангелиса в Касторию, Хризостома Калафатиса в Дранию, Иоакима Форопулоса в Битоли. Они не только начали тесное сотрудничество с греческими дипломатическими представителями, но нередко брали на себя инициативу вооруженной борьбы против экзархии¹⁷. Поистине символом церковно-национальной борьбы стал Касторийский митрополит Герман Каравангелис (1900–1908). Он находился в тесном контакте с военными отрядами, посылавшимися в Македонию из Греции. Сам Герман ездил по Македонии в сопровождении вооруженного до зубов отряда и нередко силой заставлял экзархистов передавать своим противникам ключи от сельских церквей. Постепенно он организовал целый ряд боевых отрядов и фактически был координатором их действий. В 1901–1902 гг. ему удалось привлечь на свою сторону Котаса из Рулии, который был мухтаром своей деревни и был известен тем, что отстаивал права односельчан от произвола турецких солдат¹⁸. Вслед за тем он убедил перейти на сторону греков экзархиста Гелева, Вангелиса и других предводителей. Была у Германа также целая сеть агентов, которые внешне принадлежали к болгарской Внутренней организации, но на деле служили греческой стороне (большинство из них получало жалование от митрополита)¹⁹.

Греческая организация быстро пошла в рост после назначения Иона Драгумиса (родственника П. Меласа) вице-консулом в Монастырь. В это же время в Афинах был образован Македонский комитет. Под давлением Германа Каравангелиса П. Мелас, А. Мазаракис и С. Драгумис выслали первый боевой отряд, сформированный в Греции; он состоял из критян, которые предприняли действия против болгарских четников во время Илинденского восстания²⁰. Греки всячески старались подчеркнуть свою лояльность по отношению к турецким властям. Так, на встрече между Хильми пашой и Салоникским митрополитом Иоакимом в греческом консульстве летом 1904 г. специально отмечался факт взаимной поддержки греческого духовенства и османского правительства²¹. Обострение греко-болгарских отношений в Македонии и случаи расправы греков над болгарскими жандармерии расценивались русскими обозревателями как верный признак «незрелости местных элементов для автономной жизни» и правильности политики, направленной на сохранение status quo²².

¹⁷ Константинова Ю. Балканската политика на Гърция в края на XIX и началото на XX век. Велико Търново, 2010. С. 293.

¹⁸ Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966. P. 122–125.

¹⁹ Деятельность митрополита Германа отчасти нашла отражение в его мемуарах: *Καραβαγγέλης Γ. Ο Μακεδονικός Αγών. Απομνημονεύματα*. Θεσσαλονίκη, 1959.

²⁰ Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. P. 144–145.

²¹ Московские ведомости. 21 августа 1904 г. № 230.

²² Petrus. Новый фазис македонского вопроса // Московские ведомости. 8(21) декабря 1904 г. № 339.

В августе 1904 г. П. Мелас был назначен главнокомандующим всеми греческими отрядами в районе Кастории и Монастыря; в том же году он был убит в стычке с турецкими солдатами, после чего его имя стало, наряду с митрополитом Германом, символом борьбы за Македонию²³. По сути, партизаны использовали традиционные методы греческих клефтов – они осуществляли внезапные нападения на отряды противника, а затем скрывались в лесах и горах. Не все руководители греческого движения разделяли подобную тактику. Так, Л. Коромилас, греческий генеральный консул в Салониках, считал ошибкой использовать отряды, состоявшие исключительно из местных партизан-клефтов. Он предпочитал формирование смешанных отрядов из местных жителей и выходцев из Греции; во главе подобных отрядов должны были стоять профессиональные офицеры, специально обученные для борьбы в Македонии. Руководство отрядами предполагалось осуществлять через посредство греческих дипломатов в городах Македонии. Одновременно в Македонию из Греции переправлялось оружие, которое хранилось в греческих монастырях, митрополичьих и частных домах. Этот план, представленный в 1905 г. К. Мазаракисом в Афинах, послужил основой для дальнейших действий в течение нескольких лет²⁴. Запрет перехода деревень в экзархию после Илинденского восстания и активизация деятельности греческих отрядов привели к тому, что славянское население предпочитало оставаться под властью патриархии. Когда в 1907 г. несколько консулов в Битоли посетили с. Скочивир, русский представитель спросил группу крестьян, почему они считаются греками-патриархистами, раз не знают греческого языка. Крестьяне отвечали, что они действительно не греки и не знают греческого языка, но предпочитают оставаться под патриархией в вере своих отцов и дедов и не хотят ничего другого, только жить мирно²⁵.

В 1905–1906 гг., не в последнюю очередь по причине внутренних разногласий, деятельность болгарских чет ослабла. В то же время активность греческих и поддерживавших их сербских отрядов, напротив, возросла. Партизанские действия продолжались до начала Балканской войны 1912 г., а противостояние греческого и славянского населения в Македонии закончилось только после окончательного проведения границ и обмена населением, происшедшего гораздо позднее.

---

²³ *Νοτάρης Ι. Παύλος Μελάς, βιογραφία*. Θεσσαλονίκη, 1955; *Μελά Ν. Παύλος Μελάς*. Αθήνα, 1999.

²⁴ *Ibid.* P. 214–220.

²⁵ *Битоски К.* Дејноста на Пелагониската митрополија. С. 287. См. также: *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 433–443.

Политика России на Балканах. Сотрудничество с Австро-Венгрией

К началу XX в. Россия не могла рассчитывать на поддержку ни одного из балканских государств, за исключением Черногории. Болгария, хотя и проводившая после официального примирения в 1896 г. менее враждебный в отношении России курс, продолжала по-прежнему придерживаться ориентации на Австро-Венгрию. Сербия после русско-турецкой войны также заняла проавстрийскую позицию, и только после майского переворота 1903 г., приведшего к восшествию на престол Петра Карагеоргиевича, снова обратила свои взгляды на Россию²⁶. Греция же на протяжении многих десятилетий после Крымской войны ориентировалась в своей политике преимущественно на Великобританию, и, соответственно, отношения ее с Россией были крайне сдержанными. Опоры для деятельной политики на Балканах у России в тот момент не было; не чувствовала она и готовности самостоятельно начинать военные действия. Осознавая невозможность осуществлять активную наступательную политику в отношении проливов и Константинополя, русское правительство в конце 1890-х гг. избрало в качестве наиболее приемлемой линии поддержку status quo на Балканах и в Турции²⁷. Для того чтобы обеспечить устойчивое положение на Балканах и помешать сепаратным действиям Австро-Венгрии, в Петербурге приняли решение пойти на соглашение с венским кабинетом. Австрийская сторона также была склонна, по крайней мере на словах, отказаться от традиционного антирусского курса. К отказу от немедленных наступательных действий на Балканах австро-венгерское правительство побудил также внутренний кризис конца 1890-х гг. В 1896 г., во время посещения Вены Николаем II, между А. Б. Лобановым-Ростовским и А. Голуховским было достигнуто соглашение о постоянных контактах. Подписанное в 1897 г. в Петербурге соглашение сводилось к «необходимости поддержания теперешнего status quo столь долго, сколько позволяют обстоятельства» и определило на десять лет сравнительно мирное развитие австро-русских отношений. Обе стороны отвергали всякую мысль о завоеваниях на Балканском полуострове, вопрос касательно Константинополя и проливов признавался предметом обсуждения всех европейских держав. При этом Австро-Венгрия оставляла за собой право в случае изменения существующего положения превратить оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию, присоединить Новобазарский санджак и ставила вопрос об образовании независимого княжества Албании. Эти меры должны были предотвратить создание на Балканах большого славянского государства, которое могло стать оплотом России²⁸.

В первые годы XX в. Россия была занята разработкой проектов развития дальневосточной политики, в результате чего балканское направление находилось в состоянии стагнации. Поэтому решение македонского вопроса оттягивалось на неопределенные сроки, и в Петербурге не торопились с помощью назревавшему революционно-освободительному движению. Тем не менее, полностью отказаться от традиционного курса на поддержку балканских народов Россия не собиралась. Чтобы обеспечить себе поддержку со стороны Бол-

²⁶ Вучо Н. Привредна историја Србије. Београд, 1955; Павлюченко О. Б. Россия и Сербия 1888–1903. Киев, 1987; Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988; Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989; Поповић Н. Б. Србија и царска Русија. Београд, 2007.

²⁷ Невозможность захвата проливов была наглядно доказана провалом проекта А. И. Нелидова в 1896 г. См.: Хвостов В. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 64–67; Он же. Проблема захвата Босфора // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 100–129; История дипломатии. Т. II. С. 342–343; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 270–271; Княпина Н. С. Балканы и проливы. С. 186–187.

²⁸ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 290–291.

гари, русское правительство в 1902 г. заключило с ней военный договор²⁹, а после государственного переворота и прихода к власти прорусской династии Карагеоргиевичей в 1903 г. оказывало поддержку и Сербии³⁰. В конце 1902 г. Россия возбудила перед Портой вопрос о проведении реформы управления в трех македонских вилайетах (Салоникском, Косовском и Монастырском). Аналогичное предложение султану сделали Англия и Франция. Чтобы избежать открытого вмешательства во внутренние дела империи, 8 декабря 1902 г. султан подписал декрет о проведении реформ в Македонии. Речь шла о разработке административной, судебной и полицейской реформ.

Австро-венгерское правительство не могло не принять участие в столь важном для него деле, и потому венский кабинет предложил Петербургу сотрудничество в рамках соглашения 1897 г. Разумеется, австрийское правительство хотело воспользоваться этим предложением для активизации собственных действий: например, летом 1903 г. под предлогом защиты австрийских граждан против повстанцев в Салониках были высланы военные корабли без консультации с русским правительством. В начале 1903 г. в ходе визита нового российского министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа в Вену была разработана так называемая Венская программа реформ, которая характеризовалась умеренностью и не обнаруживала больших отличий от декабрьского проекта Турции. Программа была вручена великому визирю российским и австрийским послами в Константинополе. Согласно этому проекту, Турция должна была поручить иностранным офицерам реорганизацию местной жандармерии и полиции. Предполагалось ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления. Порта должна была принять меры против произвола четнических отрядов и даровать амнистию политическим арестованным и беженцам³¹.

---

²⁹ *Helmreich E. C., Black C. E.* The Russo-Bulgarian military convention of 1902 // *Journal of Modern history*. Vol. IX. Dec. 1937. P. 471–482.

³⁰ *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. С. 632–635; *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903. М., 1996.

³¹ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 290–294.

Русско-австрийские попытки реформ в Македонии в рамках Мюрцштегского соглашения

Несмотря на свое формальное согласие, Порта не принимала никаких решительных мер к осуществлению реформы. Весной-летом 1903 г. напряжение в Македонии достигло крайней точки и вспыхнуло восстание, известное под именем Илинденско-Преображенского (действия разворачивались в период между 2 и 19 августа, днями Ильи Пророка и Преображения). Восстание, в котором участвовали только македонские болгары, не было поддержано греческим населением и было жестоко подавлено турецкими войсками³². Эти события означали провал Венской программы и заставили Россию и Австро-Венгрию форсировать вопрос о реформах. В сентябре 1903 г. в замке Мюрцштег близ Вены, во время встречи императоров Николая II и Франца Иосифа, было выработано соглашение о дальнейших реформах (подписание состоялось 2 октября). Мюрцштегское соглашение, подписанное министрами иностранных дел В. Н. Ламздорфом и А. Голуховским, в основном повторяло пункты, изложенные в февральской программе. Наиболее важным элементом нового проекта было требование назначить при генерал-инспекторе двух гражданских агентов (по одному от России и Австро-Венгрии). Под руководством обеих держав должна была проводиться реформа жандармерии, а также преобразование административных и судебных учреждений.

В. Н. Ламздорф

Предусматривалось обязательное участие христиан в этих учреждениях; расследование уголовных и политических преступлений также предполагалось предоставить смешанным комиссиям. Турецкое правительство обязывалось выделить особые суммы для репатриации христиан, бежавших в Болгарию и другие места, восстановления школ, церквей и домов христиан, потерпевших ущерб во время Илинденского восстания. После некоторых

---

³² *Сиянов Х.* Освободительные борби на Македония. Т. 1. Илинденското възстание. София, 1933. У российского МИДа не было единства в отношении к восстанию: русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев отстаивал суровое его подавление, в то время как агент в Софии был на стороне повстанцев. См.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., б. г. С. 54.

колебаний, последовав совету Германии, 24 ноября 1903 г. Абдул-Гамид принял Мюрцштегскую программу³³.

Британский кабинет, оказавшись отстраненным от реформ в Македонии, был в высшей степени недоволен русско-австрийским соглашением. Еще до встречи в Мюрцштеге, в конце августа 1903 г., министр иностранных дел Г. Лэнсдоун заявил, что «австро-русский проект реформ мертв», и со своей стороны начал активную разработку нового плана³⁴. Англия выдвинула контр-проект, согласно которому предполагалось поставить во главе провинции правителя – христианина или мусульманина – под контролем европейских чиновников. Эта программа означала коллективный контроль над Македонией. Попытки английской дипломатии сплотить под своей эгидой Францию, Италию и Болгарию против России и распространить проект реформ на Адрианопольский вилайет с целью будущей передачи его Болгарии на первых порах не имели успеха.

В начале 1904 г. при генерал-инспекторе Х. Хильми паше два гражданских агента – Н. Н. Демерик (российский ген. консул в Бейруте) и Г. Мюллер – приступили к работе. Согласно ст. 1 Мюрцштегской программы, они должны были не только всюду сопровождать генерал-инспектора, но также ездить по вилайетам и собирать информацию, чтобы обращать его внимание на злоупотребления властей и на нужды христианского населения³⁵. Другой орган был призван контролировать реорганизацию жандармерии; в этом принимали участие все державы, каждая в выделенном ей секторе. По настоянию Австро-Венгрии главнокомандующим жандармерии был назначен итальянский генерал Эмилио де Джорджис, адъютантами которого стали австрийский подполковник граф И. У. Салис-Севис и русский генерал Ф. А. Шостак. Проект военной реформы долго не утверждался, так как державы не могли договориться о распределении сфер деятельности. Уже в самом начале этих переговоров стало очевидно преобладание Австро-Венгрии; с мнением русских представителей далеко не всегда считались. В конце концов, при посредничестве Великобритании в начале апреля 1904 г. компромисс был достигнут. Австро-Венгрия получила для осуществления реформ Ускюбский санджак, Россия – Солунский, Англия – Драмский, Франция – Серрский. С началом русско-японской войны необходимо было успокоить общественное мнение, недовольное пассивностью правительства в балканских делах. Русская консервативная пресса с удовлетворением писала о заботе России о балканских славянах и ее мнимых успехах в Македонии³⁶.

Однако дело осуществления реформ почти не двигалось; особенно упорно сопротивлялась Порта проведению финансовой реформы, к которой Англия со своей стороны проявляла наибольшее внимание. После поражения России в войне с Японией британский кабинет изменил свой курс и стал искать сближения с Россией как потенциальным партнером в борьбе с Германией. Давление британского министерства в Петербурге привело к подписанию в январе 1905 г. финансового проекта, разработанного послами Австро-Венгрии и России в Константинополе. По сути, он вполне вписывался в Мюрцштегскую программу реформ, хотя его авторы стремились представить его как нечто принципиально новое. Теперь предполагался не формальный, но реальный надзор над всеми финансовыми операциями под контролем генерала-инспектора и гражданских агентов. Этот план, не согласованный с другими державами, вызвал негодование в Риме и Париже. Венская же диплома-

³³ О Мюрцштегской программе и действиях по ее осуществлению см.: *Diplomatische Aktenstücke über die Reformation in Mazedonien*. Rotbuch I. 1902–1906. Wien, 1906 (издание документов); *Ruchti J.* Die Reformation Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. Die Durchführung der Reformen. Wien, 1969; *Понов П.* Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция 1903–1908. София, 1974; Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. 3. София, 1997. С. 8–25; *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. P. 112–116.

³⁴ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. P. 112–113.

³⁵ *Ruchti J.* Die Reformation Österreich-Ungarns und Russlands in Mazedonien 1903–1908. S. 49.

³⁶ См. статью «Наша балканская политика» // Московские ведомости. 4 (17) ноября 1904 г. № 305.

тия вела свою интригу, натравливая албанское население западной части Балкан на македонских христиан. По мере развертывания партизанских действий в Македонии и албанского движения в западной части Балкан турецкое правительство под давлением Англии согласилось распространить полицейскую реформу и на Адрианопольский вилайет. Представители великих держав в середине 1905 г. выступили с представлениями Порте по поводу ее бездействия по отношению к греческим и болгарским вооруженным отрядам. Аналогичные представления были обращены и к правительствам в Софии, Афинах и Белграде. 28 ноября 1905 г. Австро-Венгрия и Россия указали правительствам трех балканских государств, что осуществление реформ тормозится не столько турками, сколько деятельностью отрядов и непрерывными посягательствами на жизнь и имущество населения. Все три правительства ответили, что они делают все возможное, чтобы предотвратить формирование и отправку отрядов; вместе с тем они оправдывали их действия, мотивируя их необходимостью защищаться от противников³⁷.

В 1905 г. Лэнсдоун предложил со своей стороны новый проект финансовой реформы, к которой предполагал привлечь Францию и Италию. Целью этого проекта было отстранить австрийских и русских гражданских агентов и поставить окончательную точку в Мюрцштегской программе. 8 мая 1905 г. было получено согласие всех держав на осуществление финансовой реформы; согласие турецкой стороны было дано только 5 декабря³⁸. Сменивший в 1906 г. Лэнсдоуна на посту министра иностранных дел Англии Э. Грей не проявлял симпатий ни к болгарам, ни к грекам. Более того, в течение 1906 г. он собирал информацию о деятельности греческих комитетов в Кавале и митрополитов Драмы, Гревены и Монастыря. В мае 1906 г. по указанию британского посольства великий визирь потребовал от патриарха смещения митрополита Монастыря. В сентябре того же года был убит епископ Корицы, и при расследовании дела обнаружены документы, свидетельствовавшие о его связях с партизанами; в ноябре Э. Грей адресовал греческому правительству меморандум по этому вопросу, в котором снова подчеркивал, что греческие вооруженные отряды являются главным препятствием осуществления преобразований³⁹. В течение 1906 г. реформы окончательно зашли в тупик. Христиане мало участвовали в местном управлении по причине незнания турецкого языка, а также из-за того, что их по-прежнему не допускали до ответственных должностей. 27 февраля 1907 г. российский и австрийский послы в Константинополе дали инструкции гражданским агентам сотрудничать с представителями финансовой комиссии.

На протяжении 1907 г. державы продолжали посылать афинскому правительству представления по поводу деятельности греческих отрядов в Македонии.

28 сентября 1907 г. Австро-Венгрия и Россия направили ноту соответствующего содержания правительствам трех балканских стран, в которой указывалось, что замирение края и проведение реформ возможно только при условии прекращения партизанских действий; в случае же их продолжения можно ожидать только репрессии со стороны Порты. Особые внушения были сделаны в Афинах, в том числе и британскими представителями. Греческое правительство, как и прежде, ссылалось на необходимость защищаться от болгар. Между тем, в июле 1907 г. афинский кабинет предложил Англии и Франции сотрудничество в военной сфере, которое было одобрительно воспринято французской стороной; более того, в случае принятия англо-французского проекта реорганизации флота предполагалась помощь в македонском и критском вопросах. Готовность европейских держав к подобному сотрудничеству, помимо прочего, объяснялась боязнью усиления активности России в балканском регионе – ведь война с Японией закончилась, и последствия революционного кризиса также

---

³⁷ Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. P. 243.

³⁸ Ibid. P. 244–249.

³⁹ Ibid. P. 288–294.

начали преодолевать. Впрочем, этот план так и не был осуществлен из-за оппозиции со стороны греческого морского ведомства⁴⁰.

К 1907 г. идея Мюрцштегской программы оказалась изжитой. Сотрудничество России и Австро-Венгрии, которое, по сути, скрывало за собой соперничество двух держав, фактически закончилось. В Петербурге усиливалось подозрение, что внимание Австро-Венгрии при новом министре иностранных дел А. Эрентале было нацелено не столько на проведение реформ, сколько на подготовку аннексии Боснии и Герцеговины. Постепенно вопрос о реформах становился частью возрождения старой идеи союза трех императоров (Германии, России и Австро-Венгрии) и присоединения к нему Франции с целью изоляции Англии и Италии. Тем самым, по замыслу Вены и Берлина, можно было предотвратить англо-русское сближение. Поэтому Эренталь соглашался на половинчатые шаги в сторону русской дипломатии, что нашло выражение в принятии проекта судебных реформ И. А. Зиновьева; в августе 1907 г. в виде русско-австрийской ноты он был вручен Порте. После подписания русско-английского соглашения 31 августа 1907 г. Великобритания и Россия выступили с новыми проектами касательно реформ в Македонии. Россия предлагала, чтобы Франция, Англия, Германия и Италия пользовались в финансовой комиссии теми же правами, что и русский и австрийский гражданские агенты⁴¹. 18 декабря 1907 г. Форин офис отправил российскому и австрийскому послам в Лондоне А. К. Бенкендорфу и П. Менсдорфу меморандум с вопросом касательно дальнейшей политики в Македонии. Учитывая то, что представления, адресованные правительствам трех балканских государств, остались безрезультатными, а беззакония со стороны вооруженных отрядов продолжались, английский кабинет требовал корректировки политики держав⁴². Положительная сторона британского предложения заключалась в расширении османской жандармерии, которая должна была гарантировать осуществление реформ. Второе предложение лондонского кабинета заключалось в отправлении новых нот правительствам трех балканских государств; оба проекта не были поддержаны австрийским и русским министрами иностранных дел.

Внешне разрыв русско-австрийского сотрудничества проявился в конце 1907 г., когда Австро-Венгрия и Германия все-таки отказались поддержать согласованный ранее с Россией проект судебной реформы в Македонии. Германский посол в Константинополе проявил себя, по словам посла И. А. Зиновьева, «как естественный защитник Турции», а австрийский посол вообще уклонился от выступления при обсуждении проекта⁴³. Финалом в разрыве русско-австрийского соглашения по вопросу реформ явилось одобрение со стороны султана строительства Новобазарской (Митровицкой) железной дороги в конце января 1908 г., имевшей дальнейшую перспективу в сторону Фессалоники⁴⁴. Этот акт являлся прямым нарушением Мюрцштегской программы и давал очевидные преимущества в балканском регионе Германии и Габсбургской монархии. Уже в марте 1908 г.

---

⁴⁰ Ibid. P. 328–331.

⁴¹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912 г. М., 1960. С. 214.

⁴² Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. P. 345.

⁴³ Восточный вопрос во внешней политике. С. 301.

⁴⁴ Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 640–642.

А. П. Извольский

Вена почти ультимативно требует от Порты концессии на прокладку Новобазарской железной дороги и вместе с тем предлагает подписать двустороннюю военную конвенцию относительно вилайетов Солунского, Янинского, Шкодрского, Битольского и Косовского при сохранении политического суверенитета в них⁴⁵. Официальным концом Мюрцштегской программы можно считать май 1909 г., когда Порта запросила согласие держав на уничтожение международной финансовой комиссии; 24 августа 1909 г. (уже после Боснийского кризиса) она была упразднена⁴⁶.

На фоне обострения противоречий между Россией и Австро-Венгрией руководитель внешней политики России (с 1906 г.) А. П. Извольский выдвинул программу, которая склонялась к укреплению франко-русского союза и смягчению противоречий с Англией. Одновременно предполагалось сохранение дружественных отношений с Германией, не вступая с ней в союз, и продолжение сотрудничества с Австро-Венгрией на базе взаимных уступок. Осуждая осторожную политику лавирования России между интересами соперничающих с ней держав, которой придерживался его предшественник В. Н. Ламздорф, Извольский, по сути, был вынужден продолжать ее, что объяснялось слабостью страны и боязнью быть втянутыми в войну 31 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение о разграничении интересов обеих стран в Иране, Афганистане и Тибете. Важнейшей целью российского правительства при разработке условий соглашения было также добиться от Великобритании санкции на изменение неблагоприятного для России режима проливов, установленного Парижским трактатом 1856 и лондонской конвенцией 1871 г. Несмотря на кажущееся согласие английского кабинета, никаких уступок России в этом вопросе сделано не было. Сближение сначала Англии и Франции, а затем Англии и России положило начало новой перегруппировке великих держав на блок центральных сил (Германии и Австро-Венгрии) и Антанту⁴⁷.

---

⁴⁵ Штилькова В. И. Отношение западноевропейских держав к Младотурецкой революции // Новая и новейшая история. 1971. № 3. С. 37.

⁴⁶ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. С. 215.

⁴⁷ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 302–308; Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. С. 606–617, 642–644; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 30–33; Langer W. L. Russia, the Straits question and the European Powers, 1904–1908 // The English Historical Review. Jan. 1929. Vol. XLIV. № 173. P. 59–85.

Переход к активной политике на Балканах нашел поддержку в консервативных славянофильских кругах. «Приспело время, – писали по поводу прокладки Митровицкой железной дороги «Московские ведомости», – вместо гомеопатического лечения македонских бед по рецепту мюрцштегскому, обратиться к другим, более серьезным приемам и средствам, – а прежде всего к дарованию этим вилайетам областной автономии, как это предуказано и Берлинским трактатом. Если Германия и Австро-Венгрия не признают ныне возможным настаивать на этой статье трактата, [...] то России придется искать для проведения ее в жизнь других путей, других союзников. [...] Новая ориентировка нашей политики по вопросу македонскому необходима и потому еще, что сотрясения македонской почвы, разбегаясь волнообразно, доходят до Закавказья»⁴⁸.

Недостаточно трезво оценивая международную ситуацию и подстрекаемый теми кругами российского общества, которые были настроены на деятельную политику России на Балканах, на Особом совещании 24 августа 1907 г. Извольский выступил с планом отказа от чисто оборонительной политики на Ближнем Востоке и объединения усилий с Англией. Предложение Извольского начать активную политику в отношении Турции стало предметом обсуждения на совещании 21 января 1908 г.; свои идеи министр снова высказал в феврале 1908 г. Однако планы Извольского были отвергнуты как П. А. Столыпиным, так и товарищем военного министра А. А. Поливановым, который указывал на опасность очередных военных авантур⁴⁹. Извольскому пришлось ограничиться только дипломатическими мерами: в апреле 1908 г. были предприняты переговоры по балканским делам с Австро-Венгрией.

---

⁴⁸ Передовая статья «Македонская зарница» // Московские ведомости. 2 (15) февраля 1908 г. № 28.

⁴⁹ *Шебунин Л. Н.* Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926. С. 93–97; История дипломатии. Т. II. С. 643–644.

Боснийский кризис 1908–1909 гг.

Согласно 25 статье Берлинского трактата, Австро-Венгрия заняла провинции Босния и Герцеговина; официально оккупация объявлялась временной, а верховный суверенитет по-прежнему сохранялся за султаном. Австрийский гарнизон был введен и в Новобазарский санджак, овладение которым также входило в перспективные планы австрийских политиков. Не имевшая, в отличие от Англии и Франции, заморских колоний, Австро-Венгрия видела главный путь дальнейших территориальных приобретений в проникновении на Балканы. Босния и Герцеговина, а также Санджак, рассматривались как путь в Салоники и Константинополь. Заключение между Австро-Венгрией и Россией в 1897 г. договора о сохранении *status quo* на Балканах несколько не ослабило экспансионистские стремления австрийского правительства. Поощрение активности России на Дальнем Востоке имело непосредственной целью нейтрализовать ее на Балканах и тем самым открыть простор для действий Австро-Венгрии⁵⁰.

В 1906 г., когда в России на смену министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу пришел А. П. Извольский, осторожного А. Голуховского в австрийском МИДе сменил А. Эренталь. Будучи в 1899–1906 гг. послом в Петербурге, он тщательно изучил состояние русских финансов и военных возможностей за последние годы; у него были все основания быть уверенным, что Россия не захочет вступать в войну, что обеспечивало свободу для действий Австрии. Еще в Петербурге, в 1904 г. Эренталь предлагал Голуховскому осуществить аннексию Боснии и Герцеговины, пользуясь занятостью России на Дальнем Востоке; взамен предлагалась помощь в изменении режима черноморских проливов; в 1907 г. он снова поднял вопрос об осуществлении этого плана. После получения министерства Извольский предпринял ряд шагов к тому, чтобы склонить Англию, а также центральные державы к поддержке планов российской дипломатии, нацеленных на открытие проливов для военных судов. На встрече Эренталья с Извольским в Вене в сентябре 1906 г., по всей видимости, в данном вопросе была достигнута предварительная договоренность. В качестве «цены» за такое согласие предполагалось согласие русского правительства на окончательное поглощение Австро-Венгрией Боснии, Герцеговины и Санджака. По крайней мере в своих будущих действиях Эренталь уже подразумевал, что Россия не станет возражать против аннексии этих территорий. Решение о строительстве железной дороги от Уваца до Митровицы, которая должна была обеспечить австрийские перевозки в направлении Салоник, было неожиданностью для русского МИДа и в значительной мере обострило отношения между двумя державами. В феврале 1908 г. стало ясно, что с мюрцштегской программой было покончено, а в памятной записке, поданной 1 мая 1908 г. русскому правительству, содержались прозрачные намеки о необходимости по-новому трактовать соглашение 1897 г. Ревельские переговоры 9–10 июня 1908 г. укрепили Извольского в его заблуждении относительно готовности английского правительства поддержать Россию в ее требованиях касательно проливов. 2 июля министр написал ответную памятную записку австро-венгерскому правительству, в которой он выразил принципиальное согласие обсудить вопрос о Боснии и Герцеговине в обмен на удовлетворение русских требований в проливах⁵¹.

Младотурецкая революция июля 1908 г. ускорила исполнение планов австрийского правительства. Следующей задачей Эренталья была изоляция Сербии, что было успешно достигнуто подогреванием сербско-болгарских противоречий и согласием на провозглашение Фердинанда царем в сентябре 1908 г. 15–16 сентября 1908 г. состоялась встреча Эрэн-

⁵⁰ Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Л., 1964. С. 15–32.

⁵¹ Там же. С. 60–74; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 103–155.

таля с Извольским в Бухлау, на которой русский министр окончательно дал свое согласие на аннексию, пытаясь при этом выговорить «известные компенсации» для России и балканских государств. Эренталь дезинформировал Извольского о сроках и методах осуществления аннексии и, по сути, поставил его перед свершившимся фактом⁵². 8 октября 1908 г. аннексия была официально провозглашена на очередной сессии делегаций в Будапеште. Одновременно о ней получили извещения главы держав. В своей речи Эренталь говорил об успехах Австро-Венгрии в обеспечении порядка в провинции, о «благородном» шаге, состоявшем в предоставлении Санджака Турции, компенсацией за который и должно было послужить присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии.

Благоприятно отнеслась к свершившемуся событию Германия, которая и прежде поддерживала Эренталья в его планах. Большое моральное значение для Австро-Венгрии имело одобрение Ватикана, стоявшего за спиной австрийской католической пропаганды на Балканах⁵³. Франция и до определенной степени Англия долгое время после аннексии придерживались выжидательной позиции. Что касается России, то непредусмотрительный шаг Извольского был для нее настоящим провалом. Уже в октябре 1908 г. как Франция, так и Англия отказались продолжать переговоры по поводу проливов. В русской прессе посыпался град обвинений против неудачной политики министра, «за чечевичную похлебку» продавшего интересы балканских славян. Чтобы реабилитировать себя, Извольский принялся отстаивать идею созыва европейской конференции и говорил о необходимости предоставить «компенсации» Сербии и Черногории. Однако идея конференции, разумеется не встретившая сочувствия в Вене, провалилась, и русской дипломатии пришлось в силу обстоятельств вернуться к возрождению старой идеи – сплочению сил балканских народов перед общими врагами – Турцией и Австро-Венгрией. В период 1897–1908 гг. эта идея из-за соглашения с Австро-Венгрией и русско-японской войны по сути игнорировалась русскими дипломатами; теперь она снова стала актуальной. Основой подготовки такого союза могла стать только традиционная линия покровительства России православным народам, в первую очередь славянам. Российской дипломатии здесь приходилось действовать без всякой поддержки со стороны европейских держав. К ноябрю 1908 г. во внешней политике России наступило изменение: вместо курса на международную конференцию, т. е. на активную борьбу за совмещение австро-русского соглашения с образованием антиавстрийского союза балканских государств, был временно принят курс на пассивное выжидание событий⁵⁴.

В Турции, Сербии и Черногории аннексия вызвала сопротивление, выразившееся, в первую очередь, в бойкоте австрийских товаров. Зимой 1908–1909 гг. в условиях все большего напряжения Австрия готовилась к войне против Сербии; из Константинополя был отозван австрийский посол. Но уже в результате переговоров в январе-феврале 1909 г. договоренность с Турцией была достигнута: она признавала аннексию, и Австрия выплачивала 2,5 млн. тур. лир компенсации. Между тем Австрийское правительство уже налаживало переговоры о выступлении Болгарии против Сербии. В срыве военных планов Австро-Венгрии большую роль сыграло дипломатическое вмешательство России, которая обещала болгарскому правительству урегулирование спора с Турцией в обмен на отказ от союза с Австрией⁵⁵. Напряженность достигла своего апогея в марте 1909 г., когда Германия фактиче-

⁵² *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. С. 74–83.

⁵³ *Писарев Ю. А.* Реакционная роль католицизма в освободительном движении югославянских народов Австро-Венгрии в 1905–1914 гг. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Т. VIII. С. 144–149.

⁵⁴ *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 230–235, 254.

⁵⁵ *Мартыненко А. К.* Позиция России в связи с провозглашением независимости Болгарии в 1908 г. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958. С. 3–112.

ски заставила Петербург прекратить поддержку Сербии, а последняя была вынуждена полностью отказаться от своих претензий⁵⁶.

«Дипломатическая Цусима» Извольского продемонстрировала его недальновидность как политика и в то же время явилась очередной иллюстрацией соотношения сил на Балканах: потерявшая в предыдущие десятилетия свои позиции, Россия в начале XX в. могла, в лучшем случае, только сдерживать агрессивные устремления европейских держав; предпринять какие-либо самостоятельные активные шаги ей и на этот раз не удалось. Деятельность МИДа в это время характеризовалась отсутствием твердого курса, зависимостью от конкретной ситуации, постоянными колебаниями и непродуманными планами; роль кабинета была не менее противоречивой⁵⁷. Более удачными оказались действия русской дипломатии в следующий период, во время подготовки Балканского союза.

---

⁵⁶ *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис. С. 142–150.

⁵⁷ *Георгиев А. В.* Царизм и российская дипломатия накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 58–63.

Подготовка Балканского союза в 1911–1912 гг.

После боснийского кризиса положение на Балканах стало взрывоопасным. Российское правительство постепенно осуществляло взятый в 1908 г. курс на создание союза балканских государств, который рассматривался в качестве преграды австрогерманской экспансии на Ближний Восток. В 1909 г. произошел принципиальный поворот во внешней политике России – она отказалась от идеи реванша на Дальнем Востоке и от идеи похода на Индию для подрыва британских позиций, и сосредоточилась на противодействии Германии и Австро-Венгрии. Осенью 1910 г. в составе дипломатического ведомства произошли перемены: А. П. Извольского на посту министра иностранных дел сменил С. Д. Сазонов, товарищем министра стал А. А. Нератов, а занимавший этот пост Н. В. Чарыков был в 1909 г. направлен послом в Константинополь. Новый министр иностранных дел на протяжении всех шести лет своего управления МИДом последовательно занимал позицию, ориентированную на сотрудничество с Антантой⁵⁸. Что касается Н. В. Чарыкова, его политическая программа состояла в создании всебалканской конфедерации с участием Турции как оплота России против Австро-Венгрии; по прибытии в Константинополь, в начале августа 1909 г. он вел переговоры о встрече Николая II с султаном⁵⁹. В 1911 г. русское правительство снова сочло возможным поднять вопрос о проливах. В октябре 1911 г. Н. В. Чарыков предпринял демарш с целью изменения режима проливов со стороны турецкого правительства. Одновременно ставился вопрос о железных дорогах и установлении прочных добрососедских отношений с балканскими государствами, в том числе с Турцией. Неудача этого предложения, сорванного английской дипломатией, в очередной раз показала невозможность самостоятельных наступательных действий России в отношении Турции⁶⁰.

⁵⁸ Последней крупной попыткой накануне мировой войны войти в соглашение с германским лагерем была встреча Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме 4 ноября 1910 г. В ходе переговоров обсуждалось сохранение status quo на Балканах, неприкосновенность балканских государств и Османской империи (*Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 328–336).

⁵⁹ Там же. С. 336–345.

⁶⁰ История дипломатии. Т. II. С. 711–714; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 338–345.

С. Д. Сазонов

Вместе с тем итало-турецкая война 1911 г. послужила стимулом, побудившим балканские государства объединиться между собой и начать войну против общего врага – Турции. Русская дипломатия деятельно способствовала образованию такого блока. Полного единства в русских дипломатических кругах по этому вопросу не было. А. П. Извольский стремился создать блок славянских государств; он считал, что Сан-Стефанский договор 1877 г. должен по-прежнему оставаться основой русской политики, но ему следовало претерпеть определенные изменения для удовлетворения интересов Сербии⁶¹. П. А. Столыпин, С. Д. Сазонов и Н. В. Чарыков полагали на том этапе наиболее целесообразным создание всебалканской конфедерации с участием Турции⁶². В конце 1908 – начале 1909 г. в ходе борьбы политических группировок вокруг последствий боснийского кризиса направление политики русского правительства менялось несколько раз. Потерпев неудачу в создании балканского союза с участием Турции, направленного против Австро-Венгрии и Германии, Россия согласилась на формирование блока из христианских государств Балканского полуострова, что было в русле ее традиционной политики в Восточном Средиземноморье⁶³. Идея создания Балканского союза нашла широкую поддержку в среде как неославянофилов, так и публицистов, стоящих на эллинофильских позициях. Желая успеха этому «крестовому походу», профессор Петербургской духовной академии И. И. Соколов связывает его с выполнением традиционной миссии России на Ближнем Востоке⁶⁴.

Работа России над созданием Балканского союза началась 18 апреля 1909 г., когда состоялась встреча сербского короля и болгарского царя. В феврале 1910 г. в Петербург прибыла болгарская делегация во главе с царем Фердинандом и премьер-министром А. Малиновым; предлогом к визиту была благодарность за признание Россией независимости Болгарии. Целью посещения было обсуждение будущих границ Болгарии: заявка болгар на территорию, предусмотренную Сан-Стефанским договором и даже несколько более (Болгария претендовала на Фессалонику, Скопие (Ускюб), Тетово, Адрианополь и восточную границу по линии Энос-Мидия), не была поддержана А. П. Извольским. Переговоры продолжались в Софии, но так и не были доведены до конца. Преемник А. Малинова на посту премьер-министра Болгарии И. Гешов приступил к увеличению личного состава армии и милитаризации страны. В сентябре 1910 г. был выдвинут проект сербско-болгарского смешанного комитета. В 1911 г. возобновились русско-болгарские переговоры о военной конвенции. Дальнейшему укреплению отношений способствовало посещение в августе 1911 г. болгарским князем Борисом Киева, где он присутствовал при открытии памятника Александру II и встречался с Николаем II⁶⁵.

Самым деятельным сторонником сближения Сербии и Болгарии был посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг. Говоря о задачах России на Ближнем Востоке, он подчеркивал необходимость для нее встать твердой ногой на берегах Босфора, у выходных дверей «Русского озера», т. е. Черного моря; «облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славян-

⁶¹ *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 57.

⁶² *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 336–354.

⁶³ *Милюков П.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. С. 54–55. *Helmreich E. Chr.* The diplomacy of the Balkan wars. 1912–1913. Cambridge, 1938. P. 147–151; *Langer W. L.* Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League I I The Political Science Quarterly. September 1928. Vol. XLIII. P. 321–363; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. С. 278–293; *Зайончковский А.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 214–216; *Stavrianos L. S.* Balkan Federation: A History of Movement towards Balkan Unity in Modern Times. Northampton, 1941; и др.

⁶⁴ *С[околов] И. И.* Христиане в Турции // Церковный вестник. 1911. № 51–52. С. 1608–1615.

⁶⁵ *Малинов А.* Странички из нашата нова политическа история. Спомени. София, 1938. С. 83–88, 147, 162.

ским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове. Осуществить свою собственную вековую историческую задачу»⁶⁶. Несколько более осторожными были его коллеги в Софии А. В. Неклюдов и Л. В. Урусов, опасавшиеся неготовности России к вступлению в войну против центральных сил. В ходе переговоров, поддержанных также Францией, болгарский и сербский министры иностранных дел И. Е. Гешов и М. Милованович договорились о приблизительном разделе территорий: Сербия получала право на территорию к северо-западу от Шар-Планины (Новобазарский санджак, Косово, Метохию и др.), Болгария – на территорию Фракии к востоку от Родоп и р. Струмы. Особенно острые споры вызвали районы Ускюба (Скопие), Велеса и Струги в Македонии. Сербии эта область была нужна для прикрытия будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии на Ускюб и Велес шли наиболее удобные пути в долину Вардара, к центру ее будущих македонских территорий. Так и не договорившись между собой, сербский и болгарский представители согласились на обозначение «спорной зоны», судьба которой подлежала арбитражу России. Накануне подписания договора, в апреле 1912 г., болгарская делегация во главе с председателем Народного собрания С. Даневым отправилась в Ливадию на встречу с Николаем II. 1 мая Данев поехал в Петербург, где встречался с С. Д. Сазоновым. Министр не советовал болгарам начинать активных действий; уклончивым был и его ответ на вопросы касательно Адрианопольского вилайета⁶⁷. Наконец, 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский союзный договор; 12 мая союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции⁶⁸. Заключение сербо-болгарского союза в 1912 г. справедливо расценивается как крупная дипломатическая победа России над Австро-Венгрией на Балканах⁶⁹. Одновременно с сербо-болгарскими происходили и греко-болгарские переговоры – уже без активного участия русской дипломатии, зато не без помощи Англии. Договор был подписан 29 мая 1912 г.; 5 октября состоялось заключение военной конвенции: в случае войны с Турцией Греция выставляла 120 тыс. человек, Болгария – 200 тысяч⁷⁰.

Сыгравшая ключевую роль в формировании балканского союза, Россия, однако, вовсе не желала быстрого начала военных действий⁷¹. В сентябре 1912 г. С. Д. Сазонов через болгарского посланника в Петербурге убеждал софийский кабинет воздержаться от военного выступления и одновременно рекомендовал Порте немедленно приступить к реформам в Македонии. Более того, в начале октября в балканских столицах и в Константинополе русским правительством была вручена декларация, осуждавшая меры, способные нарушить

⁶⁶ Там же. С. 162.

⁶⁷ *Гешов И. Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 35–36.

⁶⁸ Текст договора: Международные отношения эпохи империализма. Т. 19. Ч. II. С. 265–268; *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 г. Киев, 1961. С. 165; История дипломатии. Т. II. С. 734–740; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 345–349; *Helmreich E. Chr.* The diplomacy of the Balkan wars. P. 36–68; *Маджаров М.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. София, 1998.

⁶⁹ *Војводић М.* Србија у међународним односима. С. 57.

⁷⁰ *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн. С. 174–180; *Хвостов В. М.* История дипломатии Т. II. С. 742–743; *Helmreich E. Chr.* The diplomacy of the Balkan wars. P. 69–80.

⁷¹ Русские политические партии по-разному толковали положение на Балканах. Если крайние правые были сдержанны и считали, что Россия не должна вмешиваться в войну, то националисты, октябристы и кадеты вели панславистскую агитацию и требовали взятия Константинополя и проливов. Поддержку панславистам оказывали министры А. В. Кривошеин, И. Г. Щелковитов и С. И. Тимашов, а из дипломатов посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. Осторожная позиция С. Д. Сазонова, которую разделял премьер-министр В. Н. Коковцов, вызвала в Петербурге славянофильские демонстрации против министра иностранных дел (*Шебунин Л. Н.* Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926. С. 104; *Helmreich E. Chr.* The diplomacy of the Balkan wars. P. 153–155; *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. С. 744; *Војводић М.* Србија у међународним односима. С. 59).

мир. В Петербурге опасались, что война может привести к вмешательству Австро-Венгрии и Германии, а Россия, ослабленная русско-японской войной, по-прежнему не была готова к активным действиям на Балканах⁷².

Однако результатов декларация не дала: 9 октября военные действия против Турции начала Черногория, 17 октября – Сербия и Болгария, 18 октября – Греция. Турецкие войска быстро терпели поражение на всех фронтах. Продвижение болгарских войск до линии Чаталджи (в 45 км от Константинополя) обострило вопрос о проливах. Это вызвало сильное беспокойство в Петербурге, – русское правительство, с одной стороны, опасалось закрытия проливов для иностранных судов, с другой – не могло допустить занятия болгарями Константинополя. Учитывая проавстрийские настроения царя Фердинанда, возможность международной оккупации Константинополя в случае его падения и военного выступления Австро-Венгрии и Румынии, русское правительство обратилось к Англии и Франции с призывом воспрепятствовать дальнейшему продвижению болгарской армии. Обращение России не было поддержано; напротив, британский кабинет видел в случае занятия Константинополя болгарями возможность осуществить выгодную для Англии международную охрану проливов, что привело бы к господству английского флота в восточном Средиземноморье. 7 ноября британский министр иностранных дел Э. Грей выдвинул проект нейтрализации проливов. Одновременно под предлогом защиты христианского населения с согласия Порты через Дарданеллы вошла союзная англо-французская эскадра. Проект отправки аналогичной русской эскадры через Босфор был отвергнут ввиду материальной необеспеченности подобной операции. Русское правительство, таким образом, настаивало на сохранении Константинополя и проливов в турецких руках, надеясь в будущем при более благоприятных обстоятельствах разрешить вопрос в свою пользу⁷³.

18 октября 1912 г. С. Д. Сазонов сформулировал следующие условия: 1) отказ великих держав от территориальных приобретений на Балканах; 2) признание балканскими государствами принципа равновесия сил, то есть их отказ от междоусобной войны; 3) сохранение за Турцией суверенитета над проливами и полосой территории, обеспечивающей их военную защиту⁷⁴. Пассивная позиция С. Д. Сазонова встретила возражения в Совете министров. На заседаниях 19, 22, 29 ноября и 5 декабря 1912 г. обсуждался вопрос о боеспособности российской армии. Военный министр В. А. Сухомлинов ориентировал правительство на войну; его поддерживали панслависты, руководители военной партии во главе с в. к. Николаем Николаевичем и министры А. В. Кривошеин, С. И. Тимашов и И. Г. Щегловитов⁷⁵. Выжидательное направление, однако, снова взяло верх.

В ноябре 1912 г. сербские войска вышли на Адриатическое побережье, что встретило сильное противодействие Австро-Венгрии; чтобы помешать созданию крупного южнославянского государства, Австро-Венгрия совместно с Италией выдвинули проект независимой Албании, которая должна была стать их орудием в борьбе против сербов и поддерживавшей их России. 3 декабря 1912 г. было подписано перемирие, а 17 декабря открылась конференция послов в Лондоне под председательством Э. Грея, которая была призвана подвести итоги Балканской войны. Инициатором созыва конференции была Россия, заинтересованная в скорейшем завершении войны. Кроме того, Россия надеялась сколотить новый союз балканских

⁷² Писарев Ю. Л. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 58–69.

⁷³ Там же. «Общий интерес сохранения безопасности Константинополя требует удержания защитной зоны под реальным суверенитетом султана. Зона определяется линией от устья Марицы, включая Адрианополь, к Черному морю», – так формулировал С. Д. Сазонов желательные условия мира на Балканах (телеграмма русским представителям за границей от 20 октября 1912 г.). Цит. по: Шебунин А. Н. Россия на Ближнем Востоке. С. 106–107.

⁷⁴ Писарев Ю. Л. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия. С. 66.

⁷⁵ Он же. Россия и международный кризис в период первой балканской войны (октябрь 1912 – май 1913 г.) // История СССР. 1986. № 4. С. 56–67.

государств, включая Румынию, что должно было помочь ей в борьбе против центральной коалиции и решить проблему проливов⁷⁶.

Новый поворот событий с наступлением болгарской армии в направлении Константинополя в конце марта 1913 г. вызвал разногласия у держав: Англия была против взятия болгарами Чаталджи и предложила ввести в проливы международный флот; Франция, желая воспрепятствовать появлению России в проливах, предложила коллективную морскую демонстрацию; Австро-Венгрия открыто заявила, что не возражает против занятия болгарскими войсками Константинополя, что, по ее расчетам, должно было довести Болгарию до краха. Русское правительство, не находя благоприятной возможности для захвата проливов, уговорило болгар заключить перемирие и воздержаться от взятия Чаталджи; взамен была обещана помощь в разделе Македонии⁷⁷. В целом усилия России на этом этапе были направлены на примирение между собой балканских государств, в первую очередь Сербии и Болгарии. 30 мая 1913 г. был подписан лондонский мирный договор, согласно которому Турция уступила своим противникам европейские владения по линии Энос-Мидия; Адрианополь вошел в состав Болгарии, Фессалоника, Эпир и Крит отошли к Греции. Нерешенным оставался вопрос о занятых греками островах Лемнос, Тенедос и Имврос, находящихся у входа в Дарданеллы, а также о статусе Афона⁷⁸.

Итоги первой Балканской войны, однако, не удовлетворили болгарское правительство: подстрекаемый Австро-Венгрией, Фердинанд 29 июня 1913 г. начал новую войну против своих бывших союзников, которая окончилась полным поражением; Турция заняла Адрианополь, а Румыния – южную Добруджу; порт Кавала переходил к Греции; территория Сербии увеличилась на 39 000 км². Результаты войны были закреплены Бухарестским договором между Болгарией, Грецией, Сербией, Черногорией и Румынией (подписан 10 августа) и Константинопольским договором между Болгарией и Турцией (26 сентября). Требование России оставить в руках Болгарии порт Кавалу, выдвинутое на бухарестской конференции в августе, не было поддержано Францией. Распад Балканского союза явился тяжелым для России итогом Балканских войн; начало второй Балканской войны расценивалось как крупный неуспех русской дипломатии⁷⁹. Однако и без того было ясно, что Балканский союз вряд ли мог быть долговечен. Как писал А. П. Извольский, «вторая Балканская война избавила нас от весьма тяжелой обязанности взять на себя разверстку Македонии между союзниками. Задача эта была абсолютно неразрешима и поссорила бы нас разом со всеми Балканскими государствами»⁸⁰.

Создание Балканского союза, в результате которого почти весь полуостров был освобожден от турецкого владычества, конечно, было важным достижением русской дипло-

⁷⁶ *Он же*. Балканы между миром и войной (Лондонские конференции 1912–1913 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 4. Июль-август. С. 63–75.

⁷⁷ *Војводић М.* Србија у међународним односима. С. 59–61.

⁷⁸ *Гошев А.* Балканските войни. Т. II. София, 1931. С. 483–484; *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 г. Киев, 1961. С. 117–120; Ход заседаний лондонской конференции подробно изложен в кн.: *Helmreich E. Chr.* The Diplomacy of the Balkan Wars. P. 249–340. См. также: Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 – июль 1913). СПб., 1914; *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. С. 750–754.

⁷⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 349–367; История дипломатии. Т. II. С. 754–759.

⁸⁰ А. П. Извольский – С. Д. Сазонову. 1 (14) августа 1913 г. Цит. по: *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период Балканских войн. С. 226. Балканские войны получили широкий резонанс в России, особенно среди публицистов-славянофилов, причем их результаты оценивались в зависимости от симпатий автора той или другой народности. Одни обвиняли русское правительство в недостаточной решительности, другие понимали невозможность сохранения Балканского союза; одни укоряли правительство в том, что оно не оказало должной поддержки болгарам, другие – что мало поддержало сербские требования. См.: *Бауер О.* После Балканской войны // Современник. 1913. № 6. С. 214–225; *Водозов В.* Балканская война и Россия // Современник. 1913. Кн. 11. С. 264–271 (проболгарская позиция); *Якушкин В.* Балканские войны и их результаты. М., 1914; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913 (просербская позиция); и др.

матии. Однако потеря позиций в ходе лондонских конференций и очевидное поражение русской политики в итоге второй Балканской войны свело на нет этот успех и заставило политических обозревателей отрицательно расценивать все действия правительства в период 1912–1913 гг. Славянофильская и националистическая пресса обвиняла правительство в нерешительности и неспособности доводить дело до конца. Главная ошибка России заключалась, на их взгляд, в том, что она не вмешалась в войну и не оказала действенную помощь союзникам⁸¹. «Россия потеряла свой престиж на Балканском полуострове и особенно в Болгарии – вот одно из немаловажных последствий двух последних войн на Балканском полуострове,» – писал в конце 1913 г. один из журналистов-славянофилов. Внешним выражением перемены в болгарском обществе было падение русофильского кабинета С. Данева и замена его проавстрийским правительством В. Радославова. Единственной реальной выгодой, полученной Россией от ее политики, рассматривался факт невступления болгар в Константинополь, ценность которого также вызывала сомнения. «Таким образом, – продолжал тот же автор, – балканская политика России в последние два года едва ли не должна быть признана грубой ошибкой даже с точки зрения самой русской дипломатии; еще строже должна быть ее оценка, если мы будем оценивать ее с точки зрения общих интересов цивилизации и культуры»⁸². Как сложную и неблагоприятную для России склонен оценивать ситуацию на Балканах, сложившуюся в итоге обеих войн, и современный исследователь⁸³.

Балканские войны явились лишь прологом к Первой мировой войне. Получив освобождение от Турции, балканские народы не разрешили внутренних противоречий, а великие державы не получили удовлетворения своих амбиций – восточный вопрос так и не был разрешен. Как показывают документы конца 1913 – начала 1914 г., российский МИД, а также военное и морское ведомства по-прежнему считали, что страна не готова к широкомасштабным вооруженным действиям против Турции. С. Д. Сазонов высказывался против войны с Турцией и за сохранение ее власти над проливами и Константинополем. 23 ноября 1913 г. С. Д. Сазонов представил Николаю II доклад о необходимости готовиться к борьбе за проливы. В это время германские офицеры занимались реорганизацией турецкой армии, а Англия помогала восстанавливать флот, что представляло крайнюю опасность для России. Турция недолговечна, говорилось в этом документе. «Проливы в руках сильного государства – это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. [...] Кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного. Он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах». Поэтому необходимым является, продолжал Сазонов, усиление российских военно-морских сил в Черном море, которое позволило бы в любую минуту предупредить занятие проливов всякой иной державой⁸⁴. 21 февраля 1914 г. в Петербурге состоялось очередное совещание по вопросу проливов под председательством С. Д. Сазонова. На нем рассматривалась возможность десантной операции; удар предполагалось отложить до 1916 или 1917 г.⁸⁵. Вместе с тем в задачи России входило создание жизнеспособных славянских государств на Балканах, которые стали бы ее союзниками. Рост русофобских настроений в Болгарии, обвинявшей Россию в своих неудачах в войне и в отказе допустить болгарскую армию в Константинополь, привел к тому, что опорой России на Балканах, наряду с неизменно дружественной Черногорией, оставалась Сербия. Именно ее русские политики в 1913–1917 гг. считали потенциальным ядром сильного единого славянского государства

⁸¹ Россия на Ближнем Востоке // Московские ведомости. 16 (29) января 1914 г. № 12.

⁸² *Водовозов В.* Балканская политика и Россия // Современник. 1913. Кн. 11. С. 271.

⁸³ *Писарев Ю. Л.* Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия. С. 67.

⁸⁴ *Шебунин Л. Н.* Россия на Ближнем Востоке. С. 108–111.

⁸⁵ *Војводић М.* Србија у међународним односима. С. 65.

в регионе. Как писал начальник первого отдела МИДа А. М. Петряев, программой максимум российского правительства будет создание «великой Сербии» – единого Сербско-Хорватского государства⁸⁶. Месяцы, разделявшие Бухарестский договор и начало Первой мировой войны, МИД посвятил усилиям склонить правительства балканских государств на сторону Антанты. Было очевидно, что новая война неизбежна.

В целом русская политика 1900-1910-х гг. на Ближнем Востоке вообще и на Балканах в частности характеризуется пассивностью и несамостоятельностью. Связанное соглашениями с Австро-Венгрией, занятое русско-японской войной и революцией, в период до 1908 г. русское правительство тщательно избегало вмешательства в конфликты и прикладывало все усилия к сохранению status quo на Балканах. В 1909–1912 гг., продолжая линию на сохранение неприкосновенности Османской империи, которая доминировала после 1878 г., и не пускаясь в рискованные военные авантюры, Россия, тем не менее, «повернулась лицом к Ближнему Востоку»: МИД приступил к созданию блока балканских государств. Действия дипломатии в этом направлении увенчались успехом, и к 1914 г. Россия, как и другие великие державы, оказалась перед новой картой Балканского полуострова. Однако все политические комбинации, предпринимавшиеся русским правительством на Балканах, служили одной цели: подготовке почвы для решения восточного вопроса. Первостепенной для русской политики начала XX в. оставалась проблема проливов и Константинополя. От дипломатических и военных действий в ходе Первой мировой войны зависело окончательное решение восточного вопроса.

---

⁸⁶ Писарев Ю. А. Югославянский вопрос в балканской политике России в 1913–1915 гг. (По неизданным и малоизвестным документам) // Исследования по истории стран юго-восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983. С. 108–120; см. также: Хвостов В. М. История дипломатии Т. II. С. 772–773; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 378–383.

Византийское наследие в русской общественно-политической мысли начала XX в.

Внешнеполитическая концепция России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. основывалась на одной общей идее – объединения православного мира во главе с Россией. Эта неовизантийская политическая идеология, теория Третьего Рима в условиях Нового времени, формируется во второй половине XVII в., когда впервые встал вопрос о выходе России к Черному морю. После азовского похода Петра I и особенно победоносных войн Екатерины второй половины XVIII в. целью устремлений России в южном направлении стало овладение Константинополем и утверждение на берегах проливов Босфора и Дарданелл. Владение проливами было необходимо России как для безопасности южных рубежей страны, так и для гарантии свободной торговли в Средиземноморском бассейне. Путем к достижению этой цели было преобладание России на Балканском полуострове.

Военно-политические задачи нашли благоприятную почву в идеологии. Для России это была старая идея восстановления Византийского царства, господствующего над всем православным миром, над всей ойкуменой; только центром этого мира теперь становилась Российская империя и ее столица⁸⁷. Концепция Третьего Рима, начало которой было положено иноком псковского Елеазарова монастыря Филофеем в XVI в. и имевшая поначалу чисто эсхатологический характер, гласила, что после падения второго Рима-Константинополя в мире остается только одно православное царство – Московское. Россия – единственная хранительница истинной православной веры, а ее столица призвана стать Третьим Римом, центром христианской ойкумены. На этой идее основывалась вся русская философия истории до середины XX в.⁸⁸. Провозглашение московского патриаршества в 1589 г., в котором русские усматривали непосредственное преемство с Византией, и царское коронование Ивана Грозного, признанное в 1560 г. восточными патриархами, явились актами, утверждавшими за Московской Русью авторитет прямой наследницы Византийской империи. Дальнейшему развитию этих взглядов способствовали постоянные поездки представителей восточного духовенства за материальной помощью в Россию в XVI и особенно в XVII в. С XVII в. Россия рассматривалась православными христианами Османской империи как их будущая освободительница от турецкого ига; более того, некоторые иерархи добровольно помогали русскому правительству, доставляя сведения военно-политического характера (самым известным из них был иерусалимский патриарх Досифей)⁸⁹.

---

⁸⁷ Идея Третьего Рима, которая приобрела политическое значение для России в XVII в., при Петре I была подчинена западной доктрине империи. В XIX в. русские историкософы пытались привести обе идеи в гармонию. Что касается русских политиков имперского периода, то большинство из них не задумывались над смыслом теории, но только использовали ее чисто инструментально.

⁸⁸ Из обширной литературы по истории идеи «Третьего Рима» укажем только: *Синицына Н. В.* «Третий Рим». Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

⁸⁹ История отношений России с православным Востоком в XVI–XVII вв. и формирование византийской политической идеологии на русской почве подверглись систематическому изучению московским профессором Н. Ф. Каптеревым: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2. Сергиев Посад, 1914; *Он же.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1667–1707 гг.). М., 1891; *Он же.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895. Идеи Каптерева нашли развитие в новейших исследованиях: *Фонкич Б. А.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003; *Каишанов С. М.* Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004; *Ченцова В. Г.* Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010; *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011; *Панченко К. А.* Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 271–285.

Мечты об освобождении силой русского оружия, бытовавшие на Востоке поначалу только в пророчествах и народных песнях, с XVIII в. обрели практическое воплощение в совместных действиях русской армии и флота во время средиземноморских кампаний. Триумфом ближневосточной политики России были победоносные войны второй половины XVIII в., в результате которых она не только приобрела большие территории по Черному морю, но и заключила Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., согласно которому впервые получила официальное право покровительства православному населению Османской империи, то есть право открыто вмешиваться во внутренние дела Турции. Греческий проект Екатерины II был первым полумифическим-полуреальным планом восстановления Византийского православного царства⁹⁰.

В соответствии с заявкой России на восстановление Византии и освобождение христиан Османской империи, главной опорой ее ближневосточной политики являлась православная церковь. Поддержка православия на Востоке стало знаменем русской политики в этом регионе вплоть до начала XX в., а опора на греческую и славянскую иерархию и общая вера с широкими слоями многонационального православного населения Османской империи являлась идеологическим оружием этой политики, – оружием, которого не было ни у одной из конкурировавших с Россией европейских держав. Поэтому ближневосточная политика Российской империи вплоть до революции 1917 г. носила в значительной мере религиозный по форме характер, и церковная составляющая была ее стержнем. Начала православия, самодержавия и народности, провозглашенные в качестве официальной доктрины Российской империи в первой половине XIX в., в полной мере были применимы к ближневосточной политике страны с XVIII в., с той поправкой, что понятие народности заменялось понятием всепра-вославного единства единоверных народов.

Успех этой политической концепции был основан на организации жизни немусульманского населения Османской империи. Еще со времен османских завоеваний на Ближнем Востоке все немусульманские народы объединялись в миллеты – административные единицы по этническому признаку и, прежде всего, принципу вероисповедания. Каждый миллет пользовался внутренним самоуправлением. Православное население входило в так называемый Рум миллети, или греческую (ромейскую) общину, подчиненную Константинопольскому патриарху. Централизация церковного управления была выгодна туркам и совпала с интересами греков; вследствие этого славянское и арабское православное население империи постепенно эллинизировалось. Патриарх стал этнархом, вождем своего народа, он сосредоточил в своих руках власть как духовную, так и гражданскую, и тем самым было ликвидировано двоевластие императора и патриарха, имевшее место в Византии. Православная община жила по законам византийского права, а патриарх отвечал перед Портой за законопослушность своей паствы. Таким образом, Вселенский патриархат в Османской империи был своего рода полуавтономным «государством в государстве»⁹¹. С ростом национального самосознания и подъемом освободительных движений Балканского полуострова понятия нация и вероисповедание были идентичны, вследствие чего национально-политические и национально-религиозные вопросы не разделялись. Следует отметить, что понятие народного, которое употребляли русские политики, отличалось от европейского понятия национального, воспринятого балканскими народами в XIX в. Церковь становилась знаменем и орудием политической борьбы, в которой духовенство принимало самое деятельное участие.

⁹⁰ *Hosch E.* Das sogenannte «griechische Projekt» Katharinas II // *lahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1964. Bd. 12. S. 168–206; *Маркова О. П.* О развитии так называемого «греческого проекта» (80-е гг. XVIII в.) // *Вопросы методологии и изучения источников по истории внешней политики России.* М., 1989. С. 5–46; *Ариш Г. А.* Предыстория греческого проекта // *Век Екатерины. Дела балканские.* М., 2000. С. 209–213; *Стегний П. В.* Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // *Новая и новейшая история.* 2002. № 4. С. 100–118.

⁹¹ Подробнее об этом см.: *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904.

Таким образом, в задачи русской политики входило поддерживать православие в лице его духовенства и народа и создавать себе почву для будущего формирования, по мере ослабления и распада Турции, союза восточно-христианских народов под предводительством России и ее императора.

Эта политическая схема уже в конце XVIII – начале XIX в. встретила противодействие со стороны других европейских держав, имевших свои экономические и политические интересы в восточном Средиземноморье, – Англии, Франции и Австрии. С Австрией, которая предъявляла непосредственные территориальные претензии на западную часть Балканского полуострова, пыталась договориться еще Екатерина II в ходе переговоров по греческому проекту В начале XIX в. противостояние держав приобрело четкие формы: задачей европейских правительств было не допустить Россию до преобладания на Балканах и в проливах, которые были торговым и стратегическим путем на Восток. Чтобы обеспечить себе тыл на Балканах, державы использовали подъем национальных движений христианских народов для того, чтобы разъединить их и ориентировать не в сторону России, а в сторону Запада. Для этого использовались разные методы – материальная, военная помощь, деятельность политических агентов, а также католический и протестантский прозелитизм, имевший к тому времени богатый опыт на территории Турции.

К началу XIX в., казалось, все было подготовлено для последующего постепенного наступательного продвижения России в сторону Константинополя. Именно в России получила начало и финансовую поддержку греческая революционная организация Филики Этерия. В это время русская политика на Ближнем Востоке совершила крупную ошибку: Александр I, верный идеям Священного союза, не поддержал греческого восстания 1821 г. и тем самым отвратил симпатии греков от России. Этого ждала британская политика, которая, напротив, оказала самую деятельную помощь греческой революции. Молодое греческое государство было в значительной степени ориентированным на западные державы, и его правительство, особенно во второй половине XIX в., придерживалось профранцузского, а затем пробританского курса⁹². При Николае I восточная политика вышла из состояния стагнации, однако излишнее доверие союзам с европейскими правительствами и здесь сыграло свою отрицательную роль.

Крымская война 1853–1856 гг., поводом к которой опять-таки послужила защита интересов православия на Ближнем Востоке, явилась переломным событием в истории восточного вопроса. Поражение в Севастополе было во многом и крушением великодержавных амбиций России на Ближнем Востоке. После 1856 г. Россия, лишенная своего черноморского флота, в значительной степени потеряла и авторитет среди христиан Османской империи. Десятилетия после Крымской войны были для России временем восстановления утраченных позиций. Деятельность дипломатии, в том числе посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, подготовила почву для будущих попыток решения восточного вопроса военным путем. Победоносная русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к созданию полунезависимого Болгарского княжества, которое должно было стать опорой русской политики на Балканах. Вместе с тем Берлинский конгресс 1878 г. показал со всей очевидностью, что Россия не имеет возможности воспользоваться плодами своих побед и проводить на Ближнем Востоке самостоятельную политику; западные державы не допустили создания сильного большого южнославянского государства под русской эгидой. В этом в очередной раз сыграла свою негативную роль непоследовательность русской внешней политики и старание дипломатии угодить западным державам.

---

⁹² Ари Г. А. Этеристское движение в России. М., 1970; Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. С. 223–370.

1860-70-е годы – время трансформации в России первоначального философского славянофильства в политическую идеологию. Внешнеполитическая сторона славянофильства, выразившаяся в творчестве Ф. И. Тютчева и Ф. М. Достоевского и нашедшая пространное теоретическое обоснование в трудах И. С. Аксакова и Н. Я. Данилевского, по сути, была модификацией византийской идеи на славянской почве. Освобождение южного славянства, общеславянское единство во главе с Россией знаменовало собой очередной шаг на пути к осуществлению идеи восстановления православного царства со столицей в Константинополе. То, что русские войска остановились на пороге Великого Города, так и не решившись войти в него, рассматривалось лишь как временная остановка на пути к осуществлению великого исторического предназначения России⁹³.

После русско-турецкой войны, и особенно после воцарения Александра III, в 1881 г. всеславянская идеология сменяется на национально-русскую. Миротворческая политика 1880-90-х гг., отчасти вынужденная невозможностью немедленных дальнейших действий по решению восточного вопроса, провозгласила самодостаточность России и ее невмешательство в дела Ближнего Востока. Двадцатилетний период после 1878 г. был временем выжидания, подготовки – дипломатической и идеологической – более деятельной политики, которую, как надеялись, будет возможно проводить в последующие десятилетия. В это время предпринимаются попытки к преодолению неблагоприятных, мешающих России факторов в жизни православного Востока, в частности болгарской схизмы. В 1882 г. было создано Императорское Православное Палестинское Общество, в цели которого входила как научная деятельность по изучению истории христианства на Востоке, так и активная работа по поддержке православных арабов Палестины и Сирии, организация школ, деятельная помощь русскому паломничеству⁹⁴. В 1880-90-е гг. по-новому осмысляются идеи византийского наследия, консервативная общественно-политическая мысль разрабатывает идею Третьего Рима на новом этапе. Теперь акцент ставится уже не на освободительной миссии России в отношении народов Османской империи, а на идее *translatio imperii*. Россия призвана воплотить и развить в себе все лучшее, что было достигнуто византийской цивилизацией.

Среди факторов, способствовавших укреплению и развитию неовизантийской государственной идеологии, одно из первых мест принадлежит русской школе византийских исследований, которая в конце XIX – начале XX в. переживает подлинный расцвет⁹⁵. Конечно, здесь не идет речь о прямом идеологическом заказе – ученые-византинисты придерживались разных политических взглядов и не стремились согласовывать свои исследования с правительственным курсом. Тем не менее, многие из них были убежденными монархистами, которые в силу своих профессиональных интересов не могли не оглядываться

⁹³ *Казин А. А.* Историософия Тютчева // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 216–220; *Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики России // Литературное наследство.* 1935. Т. XIX–XXI. С. 177–250; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Июнь 1876 г. // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Л., 1981. Т. 23. С. 45–50; *Милюков П.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев (Публичная лекция, читанная 22 января 1893 г. в аудитории Исторического музея). М., 1893; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии. Л., 1977; *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994; *Скотникова В. Г.* Византийская традиция в русском самосознании. СПб., 2002; *Георгиева Т.* Славянската идея в Русия. 30-50-те години на XIX век. Велико Търново, 2009; *Διάλλα Α.* Η Ρωσία απέναντι στα Βαλκάνια. Ιδεολογία και πολιτικό δευτέρο μισότου 19ου αιώνα. Αθήνα, 2009.

⁹⁴ *Stavrou T. G.* Russian interests in Palestine. 1882–1914. Thessalonike, 1963; *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Св. Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Россия в Св. Земле. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2000.

⁹⁵ Изучение петербургской школы русского византиноведения явилось предметом многолетних изысканий ряда специалистов в рамках программы «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге», опубликованных в трех томах под ред. И. П. Медведева: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999; Мир русской византистики. СПб., 2004.

на опыт Византии. Некоторые из них, преимущественно историки церкви, принимали деятельное участие в церковно-политической жизни России своего времени. Так, профессор Петербургской духовной академии И. Е. Троицкий в течение 20 лет был ближайшим советником обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева по восточной политике Русской церкви⁹⁶. Большое значение для укрепления авторитета России на Ближнем Востоке имела деятельность Русского археологического института в Константинополе (основан в 1894 г.)⁹⁷. Хотя институт преследовал преимущественно научные цели, его директор, академик Ф. И. Успенский не мог оставаться в стороне от политики; он являлся ближайшим советником русского посольства в Константинополе, с его участием происходили все заседания по церковно-политическим вопросам. По своим убеждениям Успенский принадлежал к новому поколению, представители которого считали, что Россия на Востоке должна преследовать исключительно свои собственные национальные цели.

Начиная с середины XIX в. русская имперская идея входит в столкновение в другой имперской идеей византийского происхождения – греческой великой идеей (Μεγάλη ιδέα), идеей объединения всех исторически греческих областей в одно царство со столицей в Константинополе. Корни великой идеи восходят к XIII в., когда разоренная сельджуками и крестоносцами Византия впервые осознает необходимость объединения своих земель под скипетром греческого императора. Постепенно происходит отождествление Византии именно с греческим народом, с эллинизмом; империя теряет свое наднациональное вселенское значение. Понятия «эллины» и «православный» становятся почти синонимами, и задача греческого царства теперь состоит не в завоевании новых территорий, а в возвращении своих исторических земель. Эта идеология доминирует в сознании греческого народа на протяжении всего османского владычества, которое воспринималось как временное состояние. По мере успехов русско-турецких войн, ослабления Турецкой империи и особенно после образования независимого Греческого государства в 1830 г. греческая национальная идея крепнет и получает дальнейшее развитие. Середина XIX в. – эпоха роста национального самосознания всех балканских народов, которое очень быстро преобразовалось в агрессивный национализм. Османская империя и Балканы представляют собой характерный пример постепенной замены старой идеологии, основанной на религиозном принципе, новой идеологией эпохи национализма. При этом знаменем национальной борьбы стало православие, что привело к отождествлению нации и религиозной принадлежности и в то же время к подмене церковных понятий национальными⁹⁸. В это время в афинских интеллектуальных кругах происходит теоретическое обоснование великой идеи. Греция – родина европейской культуры, основа византийской цивилизации; от нее получили христианскую веру все православные народы, утверждали афинские профессора и публицисты. Поэтому возвращение доминирующего положения греческого народа в восточном Средиземноморье и на Балканах является восстановлением исторической справедливости, победой культурного начала над варварством⁹⁹. Не последнюю роль в развитии великой идеи сыграли британские филлеллины – как романтически настроенные почитатели античной Эллады, так и трезвые поли-

⁹⁶ Герд Л. А. И. Е. Троицкий: по страницам архива ученого // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 8–40. В течение 20 лет Троицкий получал письма от своего корреспондента в Константинополе Г. П. Беглери, которые служили одним из важных ориентиров для политики Св. Синода. См.: Россия и православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому. 1878–1898 / Изд. подг. Л. А. Герд. СПб., 2003.

⁹⁷ Παπουλίδης Κ. Κ. Το Ρώσικο Αρχαιολογικό Ινστιτούτο του Κωνσταντινουπόλεως (1894–1914). Θεσσαλονίκη, 1987; Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999.

⁹⁸ Λέκκας Π. Η εθνικιστική ιδεολογία. Πέντε υποθέσεις εργασίας στην ιστορική κοινωνιολογία. Αθήνα, 1992; Μεταλλινός Γ. Ορθοδοξία και Ελληνικότητα. Αθήνα, 1992; Karpat K. An inquiry into the social foundations of nationalism in the Ottoman state: from social estates to classes. From millets to nations. Princeton, 1973; Modern Greece: Nationalism and nationality. Athens, 1990.

⁹⁹ Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. С. 323–333.

тики, постепенно подчинившие Грецию английскому влиянию. Ко второй половине XIX в. греческие политики, уверенные в успехе осуществления великой идеи с помощью западных держав, видели непосредственную угрозу для эллинизма в русской имперской идеологии, которую они называют обобщающим словом «панславизм»¹⁰⁰.

Термин «панславизм», который до сих пор является базовым в греческой и западной историографии, посвященной участию России в восточном вопросе, по сути, некорректен, а в ряде случаев и прямо неверен. В XIX в. его использование было, как правило, очень удобной политической ширмой, за которой стояло сопротивление любым русским инициативам на Балканах. По справедливому замечанию слависта А. Н. Пыпина, „опасности панславизма“ – только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда к России... Остается возмутительным факт, что ради „опасностей панславизма“ несчастное балканское славянство осуждалось и еще осуждается на рабство; что ради этих опасностей отвергались безобразия турецкого правления»¹⁰¹. Если в период до 1878 г. понятие «панславизм» еще было в какой-то мере применимо к русской политике на Балканах, то в 1880-90-е гг. оно становится просто условным ярлыком в устах противников России. Вряд ли возможно говорить о политике панславизма России на Ближнем Востоке и Балканах в 1900-10-е гг., когда лишь некоторая часть русских общественных и политических деятелей придерживались славянофильских (вернее, неославянофильских) взглядов, в то время как большинство, разочаровавшись в идее опоры на южных славян, проповедовали русскую национальную политику; кроме того, в России всегда были сторонники филэллинского направления, которые ратовали за всеправославное единство во главе с греческим народом.

Подогреваемое Великобританией, греческое правительство стремилось к эллинизации всей церкви на Востоке; поднятие национального духа греков в Османской империи посредством школьного дела, разнообразных культурно-просветительских обществ и непосредственно авторитетом священников и архиереев было первейшей задачей политики эллинизма. Прежде всего это касалось Македонии, где преследовалась цель максимальной эллинизации славянского населения¹⁰². В Малой Азии деятельность просветителей была направлена на укрепление национального самосознания греческого населения внутренних малоазийских областей, многие из которых уже забыли родной язык и перешли на турецкий (караманлиды). В Константинополе проводником национальных идей в церкви был Смешанный совет при патриархе, который находился в тесном взаимодействии с греческим посольством и получал оттуда руководящие указания. Влияние греческих националистов на патриархат, в котором оставалось по-прежнему немало более умеренных архиереев, было большим препятствием для русской политики, ставившей во главу угла принцип наднациональности и подлинно вселенского духа Константинопольской церкви. В 1880-е гг. давление греческого национализма на патриарха Иоакима III привело к открытому конфликту с премьер-министром Х. Трикуписом¹⁰³. В начале XX в., с обострением национальных про-

¹⁰⁰ *Fischei A.* Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart, 1919; *Kohn H.* Panslavism. Its History and Ideology. Notre Dame, 1953; *Petrovich M. B.* The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870. New York, 1956.

¹⁰¹ *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 183–186.

¹⁰² *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. София, 1980; *Трайков В.* Националните доктрини на балканските страни. София, 2000; *Трайкова В.* Гръцката пропаганда в Одринска Тракия // Исторически преглед. Т. XLIX. Кн. 3. С. 20–45; *Σταύρου Θ.* # #ν Κωνσταντινουπόλει #λληνικ#ς Φιλολογικ#ς Σύλλογος. #θ#ναι, 1967; *Σύλλογος προς διάδοσιν των Ελληνικών γραμμάτων.* Η δράσις του Συλλόγου κατά την εκατονταετία, 1869–1969. Αθήνα, 1970; *Παπαδόπουλος Σ.* Εκπαίδευση και κοινωνική δρ-στηριότητα του Ελληνισμού της Μακεδονίας κατά τον τελευταίο αιώνα της Τουρκοκρατίας. Θεσσαλονίκη, 1970; *Βούρη Σ.* Εκπαίδευση και εθνικισμός στα Βαλκάνια. Η περίπτωση της Βορειοδυτικής Μακεδονίας 1870–1904. Αθήνα, 1992; *Μπελιά Ε.* Εκπαίδευση και αλτρωτική πολιτική. Η περίπτωση της Θράκης 1856–1912. Θεσσαλονίκη, 1995; *Μαμώνη Κ.* Σύλλογοι Θράκης και Ανατολικής Ρωμυλίας (1861–1922). Θεσσαλονίκη, 1995; *Μπονίδης Κ.* Οι ελληνικοί φιλεκπαιδευτικ οισύλλογοι ως φορέας εθνικής παιδείας και πολιτισμού στην διαφιλονικουμένη Μακεδονία (1869–1914). Θεσσαλονίκη—#θήνα, 1996; *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. С. 433–445.

¹⁰³ *Καρδαράς Χ.* Ιωακείμ Γ' -Χαρ. Τρικούτης. Η αντιπαράθεση. Απο την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη

творечий на Балканах, произошло окончательное отождествление интересов Вселенской церкви с греческими национальными интересами, и идеи наднационального характера патриархата оказались похороненными. Это привело к дальнейшему охлаждению отношений России с Константинопольским патриархатом.

Однако и в среде самих вдохновителей Великой идеи не было полного согласия. Часть константинопольских банкиров понимали, что их богатство и влияние обязано существованию Османского государства; поэтому они выработали свою концепцию Великой идеи – создания объединенного греко-турецкого государства старого имперского типа, в котором греки постепенно займут все ключевые позиции. Осью и центром этого государства была Константинопольская патриархия¹⁰⁴. Более жизнеспособным, тем не менее, оказался другой, агрессивный националистический вариант Великой идеи, направленный на консолидацию всех территорий с греческим населением в одно национальное государство¹⁰⁵. Границы этих территорий никогда не были определены четко: если максимальные претензии греков распространялись на всю южную часть Балканского полуострова, где обитало смешанное греко-славянское население, а также на побережья Черного и Средиземного морей и значительную часть Малой Азии, то более трезвые из политиков ставили перед собой задачу включения в Греческое государство островов Эгейского моря, Македонии и южной части Фракии, Константинополя и прилегающих к нему территорий, а также береговой линии Средиземного моря. Эгейское море, таким образом, должно было стать «греческим озером». Афинский вариант Великой идеи пользовался поддержкой западных держав, заинтересованных в ослаблении Турции и осуществлении в будущем своих колониальных интересов на Ближнем Востоке путем создания небольших зависимых балканских государств. Согласно второму сценарию и развивались дальнейшие политические события на Балканах. Страх перед экспансией «русского панславизма» на православном Востоке был столь велик, что уже в 1917 г., перед поездкой на собор Русской церкви, Александрийский патриарх Мелетий Метаксакис намеревался посвятить свою речь не восстановлению патриаршества в России и перспективам межцерковного общения, а обвинениям по поводу деятельности русских организаций в Палестине и русского монашества на Афоне, – то есть выбрать путь, заведомо обреченный на провал любых созидательных инициатив.

Курс на сохранение status quo на Балканах сковывал и развитие мессианских идей в России. Толчком к выходу из состояния стагнации послужили поражение в русско-японской войне и революция в России. Объявление свободы слова и печати, назначение министром иностранных дел А. П. Извольского, склонного к активной политике на Ближнем Востоке, – все это способствовало пробуждению идей наступательного движения России в сторону ее «исторической вотчины» – Константинополя. В этом вопросе соглашались политики как левых, так и правых партий. В начале 1908 г. П. Б. Струве выступил в газете «Русская мысль» со статьей о «Великой России» и советовал направить все силы на бассейн Черного моря,

(1878–1884). Αθήνα, 1998.

¹⁰⁴ Одним из представителей этого направления был А. Сулиотис-Николайдис. См.: Σου-λιώτης-Νικολαΐδης Α. Η Μεγάλη ιδέα // Καρράς Ν. Με ιδεολογία Ελληνική-Νεοέλληνες πνευματικοί ήρωες. Αθήνα, 1998. Σ. 103–110; Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. С. 447–450. См. также: Αναγνωστοπούλου Σ. Μικρά Ασία, 19^{ος} αι. – 1919: οι ελληνορθόδοξες κοινότητες. Από το μιλλέτ των Ρωμιών στο Ελληνικό Έθνος. Αθήνα, 1998; Κονόρτας Π. Οθωμανικές θεωρήσεις για το Οικουμενικό Πατριαρχείο 17^{ος}– αρχές 20^{ου} αιώνα. Αθήνα, 1998; Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προσμία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^{ου} αιώνα. Αθήνα, 2003.

¹⁰⁵ Идеологами этого направления были члены фанариотских семей (Суцо, Карафеодори, Маврокордато, Драгуми), которые имели своих представителей в Константинополе и Афинах. Из их среды вышли почти все греческие и многие оттоманские дипломаты XIX – начала XX в. См.: Blinkhorn M., Veremis T. Modern Greece: Nationalism and Nationality. Athens, 1990; Σιγάλας Ν. Ο σχηματισμός της νεοελληνικής έννοιας ελληνισμός // Τα ιστορικά. 2001. Τ. 28. № 34; Константинова Ю. Стефанос Драгумис като идеолог и вдъхновител на гръцката въоръжена пропаганда в Македония (края на XIX – начало на XX век) // Исторически преглед. 2008. Кн. 5–6. С. 211–231.

ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры, так как из экономического господства там России «само собой вытечет ее политическое и культурное преобладание на всем так называемом Ближнем Востоке»¹⁰⁶. «Московские ведомости» радостно подхватили эту идею, переставив в ней акценты в соответствии с традиционной монархической теорией: «Мы считаем Ближний Восток нам близким, родным, своим не в силу экономических выгод [...], – а наоборот, в силу наших двадцати пяти-вековых уже связей с этим греческим, а потом византийским Востоком, откуда мы почерпнули некогда свою образованность, где и донныне не совсем еще потухли ее старые, греко-славянские очаги». Под «Ближним Востоком» автор этой статьи понимал не только турецкие территории, но также и славянскую часть Австро-Венгрии, на которую тоже должно, по его мысли, распространяться русское влияние. Черное море, «Русское море», должно стать «естественной базой нашего могущества в наших отношениях к Турции и к христианам Востока, а равно и к великим державам Средиземноморского бассейна»¹⁰⁷.

Речь министра иностранных дел А. П. Извольского в Думе 4 апреля 1908 г., в которой впервые прозвучал термин «национальная политика», послужила новым стимулом к развитию неовизантийского направления в общественно-политической мысли. В отличие от узконациональных политических программ балканских государств, где отождествление этнической и церковной принадлежности было залогом национального выживания и основой строительства государства, Российская империя в своей внешней политике на Ближнем Востоке никогда не ставила во главу угла принцип национальной исключительности. Еще в 1880-е годы, с поворотом политики к национальным началам, за основу ее была взята византийская наднациональная, вселенская идеология. Именно возвращение Константинопольскому патриархату его подлинного вселенского назначения было объявлено лозунгом церковной политики России конца XIX в. Строя проекты вовлечения в свою государственно-идеологическую сферу других православных народов, ни русское правительство, ни теоретики этих планов не предполагали какого-либо национального давления на эти народы: напротив, развитие культуры каждого из народов приветствовалось. Другое дело, что идеальная концепция не всегда работала на практике там, где была возможность ее практического осуществления.

Своего апологета русская имперская идея в начале XX в. нашла в лице Л. А. Тихомирова (1852–1923). В прошлом революционер-народник, в конце 1870-х гг. Тихомиров пришел к крайним консервативным убеждениям и представил обоснованную теорию русского монархизма, связав его с монархизмом византийским как своим непосредственным предшественником¹⁰⁸. «Византийская государственность, – писал он, – лишь в очень малой степени строилась на идее царя-Божия служителя. Эта идея только освятила абсолютистскую власть, которая, однако, не получила перестройки сообразно с ней, а сохранила юридически староримский смысл». Недостатки римской государственной системы, не давшей развиваться социальному строю, привели к неспособности Византийской империи ассимилировать включенные в нее народности и не дали византийскому автократу развиваться в истинную верховную власть¹⁰⁹. «Настоящий тип монархической верховной власти, – продолжал Тихомиров, – определяющей направление политической жизни, но в деле управле-

¹⁰⁶ Русская мысль. Январь 1908 г. С. 146.

¹⁰⁷ Передовая статья «На Ближнем Востоке» (Московские ведомости». 7(20) марта 1908 г. № 56).

¹⁰⁸ Тихомиров А. А. Монархическая государственность. СПб., 1905. 2-е изд. СПб., 1992.

¹⁰⁹ Заметим, что Тихомиров, как и многие монархисты его времени, не являвшиеся профессиональными историками, видел византийское самодержавие в том ракурсе, который соответствовал его концепции. Исследования XX в. показали, насколько далеко эти построения стояли от исторической реальности. См.: *Dagron G. Empereur et Pretre. Etude sur le «Cesaropapisme» Byzantin.* Paris, 1996. Рус. пер.: *Дагрон Ж. Император и священник. Этюда о византийском «цезарепапизме».* СПб., 2010.

ния строящего государства на нации, живой и организованной, – этот тип государственности суждено было, впоследствии, развить Московской Руси, взявшей благодаря урокам Византии монархическую верховную власть в основу государства, а в своем свежем национальном организме нашедшей могучие силы социального строя, в союзе с которыми монарх и строил свое государство»¹¹⁰.

По мнению Тихомирова, Россия представляет собой страну с благоприятными условиями для выработки идеальной монархической верховной власти. «Политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монархия, как верховенство национального нравственного идеала, и она много веков вела народ к преуспеянию, к всемирной роли, к первой роли среди народов земных – именно на основе такого характера государства»¹¹¹. Монархический принцип силен в нравственном единении с народом, однако в России это единение после Петра I было чрезвычайно слабо. Идеалом монарха для Тихомирова является Александр III, которого он сравнивает с Константином Великим. Церковь – самая крепкая опора царской власти в России. Русское национальное сознание, пробудившееся в лице славянофилов, вступило во второй фазис своего развития в лице Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева; теперь этому сознанию, как считал Тихомиров, суждено пережить новый, более высокий этап¹¹². Эти идеи были подхвачены другими теоретиками русского самодержавия, среди которых все чаще высказывалась уверенность, что в скором времени «Константинопольская вотчина» станет русской¹¹³.

Л. А. Тихомиров

С начала 1909 г. Тихомиров стал главным редактором «Московских ведомостей» и сделал газету рупором своих взглядов. «По историческим своим преданиям, – писал по поводу выступления Извольского корреспондент газеты, – Россия является прежде всего представи-

¹¹⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 193–195.

¹¹¹ Там же. С. 388.

¹¹² Тихомиров А. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев // Тихомиров А. А. Критика демократии. М., 1997. С. 515–516.

¹¹³ Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998; Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. Одесса, 1913.

тельницей тех материальных и нравственных благ, какие выработаны ее! собственной жизнью, по началам, завещанным ей Византией и южнославянскими ее спутницами». В задачи России входит «если не материальное, то хотя бы нравственное воздействие на области некогда византийские». Далее в той же статье расставляются национальные приоритеты русской политики на Ближнем Востоке. «По своему же историческому призванию, – продолжает публицист, – Россия должна служить опорой для развития в культурной области прежде всего русского народа, затем – начал славянских, а наконец, – греко-славянских, ибо она является ныне, как встарь Византия, главным носителем идей чистого христианства»¹¹⁴.

Неудача Извольского в боснийско-герцеговинском вопросе на время приостановила развитие воинственно-наступательных настроений. В апреле 1909 г. вышла в свет большая статья П. Б. Мансурова, одного из самых авторитетных сотрудников МИДа на Ближнем Востоке, в которой автор дает анализ создавшейся ситуации и намечает дальнейшие пути развития русской политики. Статья является своего рода программным документом, выражающим основные положения идеологии имперского византизма в русской ближневосточной политике начала XX в. Русское общество, писал Мансуров, не хочет мириться с дипломатическим поражением и унижением отечества. Для России по-прежнему актуален вопрос о проливах, впервые поставленный в XVIII в. Первоочередной задачей в настоящий момент является охрана Балканского полуострова и Малой Азии от натиска германской политики, проявлением которой служат постройка Багдадской железной дороги и другие начинания Германии и Австро-Венгрии. Экономическая сторона вопроса до сих пор не играла существенной роли. Особое значение придавал Мансуров традиционному идеологическому орудию России на христианском Востоке, православному веру, которая является общей нравственной почвой для России и славянских народов на Балканах. «Несмотря на все наши ошибки и, главным образом, на наше невнимание, это единение является еще неистощимым нашим капиталом в области политики»¹¹⁵. По мнению Мансурова, опора на одних только славян является ошибкой; это отвратило от России православную Румынию, сохранение связей с которой важно как с географической и стратегической, так и экономической точки зрения.

П. Б. Мансуров

¹¹⁴ Основы национальной политики // Московские ведомости. 9(22) апреля 1908 г. № 83.

¹¹⁵ Мансуров П. Россия и Ближний Восток // Московские ведомости. 22 апреля 1909 г. № 90; 25 и 25 апреля 1909 г. № 92 и 93.

«Менее важное значение в материальном смысле, но первостепенное в духовном имеют отношения наши с греками. В руках последних находятся древние патриаршеские престолы и главный из них – Константинопольский. Вселенское положение Православия и его внутренняя жизнь зависят, главным образом, от отношений русской и греческой церквей. Наступают времена, когда разрозненные силы отдельных церквей не будут более отвечать требованиям служения истине Православия. Уже для предстоящего нашего поместного собора одни силы Русской церкви недостаточны, чтобы разрешить подлежащие его суждению вопросы, а нетрудно предвидеть в будущем необходимость и вселенского собора». Призвание России – быть третейским судьей между балканскими народностями. Венцом примирительной политики России было бы образование федерации балканских народностей без национальной исключительности. На данном этапе Мансуров склонялся к проекту конфедерации с участием Турции, однако в будущем единение народов под руководством России виделось ему только на основе православия, которое было единственной базой как внутренней силы государства, так и стержнем его политики на Ближнем Востоке. «У нас нет другой нравственной силы для того, чтобы вдохновить в ее целом народную жизнь, кроме православной веры, а без духа не может стоять великое государство; оно неизбежно должно подвергаться тогда тому, чему подвергается теперь наше отечество. Вопрос нашей внутренней народной жизни и главный внешний ее вопрос сводятся к одному: внутри воссоздать духовное единство народной жизни [...]; на Востоке – найти путь к единению с православными народными массами и к возможному осуществлению их идеалов в общественной и политической жизни. Средства и тут к тому заключаются в подъеме общественной жизненной силы православной Церкви»¹¹⁷.

Кроме неославянофильского и национально-русского течений в русской общественно-политической мысли, византийские идеи в период 1901–1914 гг. нашли выражение в филэллинском направлении. Филэллины, так же как и другие монархисты, предполагали главенство России в будущем устройстве православного мира; это устройство мыслилось ими не иначе как объединение православных государств в некую общность, которая должна была противостоять католическо-протестантскому Западу; в этом они, пожалуй, наиболее приближались к идеалу царства времен Ивана Грозного. Конечной целью борьбы за объединение было окончательное освобождение христианских народов Турции и формирование конфедерации православных государств под русской эгидой со столицей в Константинополе. Таким образом, осуществлялась вековая мечта русской ближневосточной политики и восстанавливалась Византийская империя – идеальное христианское государство. Между русскими националистами и грекофилами не всегда существовала четкая граница. Наряду со славянофильским большинством в МИДе, некоторые из дипломатов (М. К. Ону, П. Б. Мансуров), неизменно выступая защитниками русских интересов на Востоке, отдавали предпочтение греческому элементу на востоке перед славянским. Были, однако, и такие церковные политики, которые ставили греческие интересы во главу угла, отождествляя их с восстановлением идеального православного царства, Византийской империи.

Главным идеологом филэллинского направления в первые годы XX в. стал профессор Петербургской духовной академии Иван Иванович Соколов. Византист, историк Церкви, автор нескольких фундаментальных трудов о церкви в Византии, в первые годы XX в. он сосредоточил свое внимание на истории Константинопольского патриархата в Новое время¹¹⁸. Стержнем идеологии Соколова был византизм – воссоздание идеального тео-

¹¹⁷ Там же. 25 апреля 1909 г. № 93.

¹¹⁸ Родился в семье священника с. Алексеевка Саратовской губ. в 1865 г. Учился в Саратовском духовном училище и семинарии, в 1890 г. окончил Казанскую духовную академию. Ученик Ф. А. Курганова. В 1894–1903 гг. преподавал в Петербургской семинарии. С 1903 г. в Петербургской духовной академии по кафедре истории греко-восточной церкви после разделения церквей. С 1904 г. – ординарный профессор. По приглашению В. В. Васильевского с 1895 г. вел раздел русской

кратического государства по образцу Византии. Церковнополитическое credo И. И. Соколова было отчетливо заявлено в его вступительной лекции по кафедре истории греко-восточной церкви, прочитанной в Петербургской духовной академии 1 ноября 1903 г.¹¹⁹. Что такое для Соколова византизм? «Под византизмом вообще нужно разуместь всю совокупность особенностей церковногосударственной жизни Византии, характеризующих эту империю своеобразными культурно-историческими чертами внутреннего устройства и быта, в отличие от иных европейских государств. Византизм [...] есть синтез характеристических свойств Византии, как самостоятельного государства, основной дух и характер ее церковно-религиозного строя, принципы политического быта, основное направление и задачи местной культуры, идеалы господствующего населения и т. п.»¹²⁰. Византия, идеальное государство в глазах автора, «провозгласила идею соподчинения целей государства и церкви, теснейший союз между этими двумя учреждениями при юридической независимости того и другого»¹²¹. В палеологовский период истории Византии в области гражданской византизм переживал упадок; зато он переживал расцвет в церковно-религиозной сфере, сохранился вплоть до падения империи «и даже пережил это историческое событие, передав некоторые из составных своих элементов новейшему эллинизму»¹²². Именно Византия, заключает Соколов, «впервые выработала систему оцерковленного государства, установила такие принципы личной и общественной жизни, создала такие культурно-исторические идеалы, которые в конечном практическом своем осуществлении могли бы дать человечеству всегда привлекающее его пресловутое счастье»¹²³. Этот идеал, синяя птица счастья византизма вдохновляла всю деятельность И. И. Соколова как историка, преподавателя и, прежде всего, как церковного политика и журналиста.

Соколов был главным редактором журнала «Церковный вестник», на страницах которого за 15 лет он регулярно помещал сообщения, заметки и обширные статьи о текущих событиях церковной жизни Востока. В публикациях «Церковного вестника» идеи Соколова, зачастую идущие вразрез с официальной политикой Синода, выразились с наибольшей полнотой. После назначения в 1906 г. секретарем Палестинского общества А. А. Дмитриевского И. И. Соколов становится деятельным сотрудником «Православного Палестинского сборника», помещает в него свои статьи, и журнал постепенно отходит от той проарабской ориентации, которой характеризовался в предыдущие годы. Именно на страницах «Палестинского сборника» мы читаем такие строки, написанные Соколовым еще в 1905 г.: «Как же не приветствовать этот единственный идеал, как не преклониться пред величием и блеском былой славы Византии! И бесспорно, кто знает всю глубину и мощь национальнополитического гения Византии, кто знаком с удивительным духом жизни, любви, света, коим обладала Византийская церковь, кто, наконец, выразумел светлые идеи и универсальные идеалы византийской культуры, блеск которой одинаково озарял и инославный запад, и православ-

---

библиографии в «Византийском временнике». Результатом скрупулезной работы И. И. Соколова в архиве Константинопольского патриархата явилась его докторская диссертация «Константинопольская церковь в XIX в.» (СПб., 1904). См.: 25-летие ученой педагогической деятельности проф. И. И. Соколова // Церковный вестник. 1915. № 33. С. 992–997; Карпук Д. Церковно-историческое наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии Соколова Ивана Ивановича (1865–1939). СПб., 2005. Дипломная работа; Лебедева Г. Е. Из истории византиноведения и неозеллинистики в России: И. И. Соколов // *Μοσχόβια*. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. С. 229–246.

¹¹⁹ Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Вступительная лекция по кафедре истории греко-восточной Церкви (от разделения церквей), прочитанная в Санкт-Петербургской Духовной Академии 1-го ноября 1903 г. СПб., 1903.

¹²⁰ Там же. С. 1–2.

¹²¹ Там же. С. 8.

¹²² Там же. С. 3–4.

¹²³ Там же. С. 42–43.

ный славянский восток, тот не может без сочувствия относиться к национально-политическим стремлениям греков»¹²⁴.

И. И. Соколов

Во всех спорных вопросах, касающихся национальных противоречий на Балканах или в Палестине, Соколов неизменно вставал на точку зрения греков и Константинопольской патриархии. Он явился прямым продолжателем рыцарского бескорыстного отношения к православному греческому Востоку, которое до него представляли А. С. Норов и Т. И. Филиппов¹²⁵. Вселенская патриархия для Соколова была прямой наследницей идеального духа Византии; все нестроения в церковной жизни вызваны не внутренними причинами, исходящими из самой церкви, а стремлением западных держав и враждебной османской власти расшатать устои этой церкви. Незаконными и противоречащими священным канонам были, с точки зрения Соколова, требования балканских народов, стремившихся к церковной автокефалии. Сила церкви – в ее единстве, а духовным главой всех православных народов должен быть народ греческий, от которого получили свет христианства все прочие народы, в том числе и русский. Какие пути осуществления идеала православного царства, восстановления Византийской империи в XX в. видел И. И. Соколов? В силу своих филэллинских симпатий он, конечно, не мог не сочувствовать греческой великой идее – объединению всех греческих земель под знаменем короля эллинов. Вместе с тем он оставался русским патриотом, сочувствовал имперским амбициям России на православном Востоке, мечтал о русском кресте на Св. Софии и объединении всех православных народов под эгидой России. Противостояния между двумя имперскими идеями – русской и греческой – Соколов сознательно не замечал, равно как и возможности греко-славянских противоречий в будущем идеальном царстве Христовом на земле. Византийский идеал в его сознании не допускал полутонув, а стремление к осуществлению этого идеала зачастую заставляло не только замалчивать, но и искажать очевидные исторические факты.

---

¹²⁴ Соколов И. И. Вести с Востока // Сообщения ИППО. 1905. Т. 16. С. 429.

¹²⁵ Особенно близкие дружеские отношения связывали Соколова с Константинопольским патриархом Иоакимом III, от которого он получил титул «архонта иеромнимона апостольского Вселенского патриаршего престола». Иерусалимский патриарх Дамиан даровал Соколову титул «архонта протонотария апостольского Иерусалимского патриаршего престола» и золотой крест с частичкой Животворящего Креста. От греческого короля он получил орден Спасителя II степени.

Младотурецкая революция 1908 г. поставила вопрос об объединении сил православия против панисламизма; в этой связи в очередной раз стал обсуждаться вопрос помощи восточным церквям со стороны России. «И конечно, такая помощь желательна, возможна и необходима только со стороны единой могущественной Северной державы, – писал по этому поводу И. И. Соколов. – У нас обычно думают, что историческая миссия России на православном Востоке закончилась вместе с провозглашением в Турции конституции. Но это мнение несправедливо и не соответствует ни фактическому положению православия на Востоке, нуждающегося ныне в покровительстве и поддержке со стороны России несколько не меньше доконституционной эпохи, ни подлинному характеру исторического призвания нашего отечества на Ближнем Востоке, задачи которого не связаны той или другой формой политического там строя. Достоверная история наших сношений с Востоком, программа и задачи нашей политики, начертанные в своем существе еще Петром Великим и Екатериной Великой, самая сущность пресловутого восточного вопроса обязывают деятелей великой православной империи вновь протянуть руку братской помощи бедствующим христианам Востока и опять и опять стать на страже интересов восточного православия. [...] К сожалению, в последнее время у нас не стало интенсивного внимания к Ближнему Востоку, а на первый план были выдвинуты интересы Востока Дальнего. Но жизнь уже разбила наши мечты о Дальнем Востоке. С другой стороны, теперь уже нет серьезного основания для прежнего увлечения младотурками, за которыми еще так недавно ухаживала наша дипломатия, перед которыми пресмыкались некоторые политические наши деятели и воскурляли фимиам наши публицисты. [...] И на нас, русских, теперь лежит прямой долг искупить свой грех забвения наших зарубежных братьев по вере и крови и отступничества от подлинных задач русской политики на Православном Востоке и твердой рукой, при свете дипломатического опыта и последних лет, вести великое дело покровительства, защиты и поддержки православных христиан на Востоке, без различия национальностей, – так как поход панисламизма направлен против всей Православной Греко-Восточной Церкви»¹²⁶.

Как триумф эллинизма и византизма приветствовал И. И. Соколов освобождение Афона греческими войсками в ходе Балканской войны (2 ноября 1912 г.). Следует радоваться, писал он, что теперь на Афоне развевается знамя православного царства. «Эллинизм, претворенный гением народа в византизм, достиг на Афоне удивительного развития. [...] Эллинизм примирял всех обитателей Афона, независимо от национальности, подчинял их господствующему своему течению, вводил в круг общих иноческих идеалов и побуждал всех жить и молиться по руководству созданных им уставов и чинопоследований». В храмах Афона все молятся за греческого василевса Константина XII, преемника византийских царей в защите и покровительстве Афону, писал Соколов. Вопрос о международном статусе Афона, по мнению автора, создан искусственно; он обещает «как всегда, искусственный сдвиг правильной политики в сторону всевозможных колебаний и приключений»¹²⁷. Трудно найти более противоречащие действительности на Афоне строки, чем вышедшие из-под пера русского историка церкви и публициста. Соколов, разумеется, был прекрасно знаком с многолетним противостоянием греческого и славянского монашества на Афоне, с конфликтами между русскими и греческими иноками и с настроениями русских насельников в связи с освобождением Св. Горы. В данном случае перед нами образец мифологизации сознания, когда кажущееся осуществление давно вынашиваемой идеи заставляло даже самых глубоких знатоков христианского Востока вполне искренне не замечать реальности.

Начало XX в. – время активного обсуждения церковных реформ в России. Как деятельный участник Предсоборного присутствия (1906), Предсоборного совещания (1912) и

¹²⁶ С[околов] И. И. Христиане в Турции // Церковный вестник. 1911. № 51–52. С. 1608–1615.

¹²⁷ Вести с Афона // Церковный вестник. 1912. № 42. С. 1317–1318.

Собора 1917–1918 гг., И. И. Соколов неоднократно выступал с докладами о возможности заимствования греческой практики в России. В 1906 г. он сделал обширный доклад о поводах к разводу в Византии; в последующие годы много занимался изучением внутренней жизни церкви на Востоке. Будучи горячим поклонником греческого православия, Соколов, тем не менее, понимал, что церковь на Востоке находится в других условиях и потому «не все то, что на Востоке выработали кинотский устав и приходская практика, может иметь безусловное приложение и соответствующее применение к условиям и формам нашей приходской жизни». Уставу одного из константинопольских приходов – в Ставродромии – он посвящает подробное исследование¹²⁸. Безусловный интерес для Русской церкви представляла организация епархий на Востоке, что становится предметом еще одной работы Соколова¹²⁹. Результатом последней поездки Соколова на Восток явилась его статья о церковном суде в Константинопольском патриархате¹³⁰.

И. И. Соколов выступил одним из самых ревностных сторонников восстановления патриаршества в Русской церкви, которое, по его мнению, должно было связываться непосредственно с образцом Византии и Константинопольского патриархата до турецкого завоевания. Всероссийский патриарх должен быть избран собором иерархов, но не мирян, так как он не имеет гражданских функций. «Ввиду аналогии в положении нашей Церкви именно с судьбой церкви Византийской, [...] наше внимание неизбежно обращается к практике Церкви Византийской, как прототипу и для тех патриарших выборов, которые и ныне производятся на греческом Востоке». Церковно-народному собранию в России, как православной империи, нет места. Император должен выбирать патриарха из трех кандидатов – вот желательный для России порядок патриарших выборов¹³¹.

23 октября 1917 г. И. И. Соколов выступил с докладом о патриаршестве на соборе Русской православной церкви¹³². Свой доклад Соколов начинает с подробной историко-канонической справки касательно органичности патриаршества для церковного законодательства. Идеал, к которому нужно стремиться в области высшего церковного управления, основа всего церковного строя – это сочетание начал единоличного, т. е. патриаршеского, и соборного. «Патриаршество есть цель соборности и в то же время и орган, а соборность есть основа патриаршества». Далее автор рисует близкую, на его взгляд, к идеалу картину жизни Константинопольского патриархата как в византийское время, так и в последующие столетия. Категорически не соглашаясь с обвинениями Вселенского патриархата в цезарепапизме, которые звучали в устах некоторых историков Церкви, Соколов утверждает, что «папизм по самой своей природе чужд восточному православию и не совместим с господствующими на Востоке правовыми воззрениями и историческими задачами. И нам при восстановлении патриаршества нет никакого основания опасаться папизма»¹³³. Не менее резко автор доклада признает несостоятельную критику морального облика и личных качеств константинопольских патриархов. Он приводит несколько примеров, начиная с Фотия в IX в. и заканчивая Иоакимом III в XX столетии, которые ясно свидетельствуют, на его взгляд, о том, что патриархи неизменно стояли на высоте своего призвания. «Деятельность патриархов была изумительна. Это были лучшие люди от народа, просвещенные, морально-авторитетные, само-

¹²⁸ В. [Соколов И. И.] Приход в Константинополе // Церковный вестник. 1912. № 38. С. 1189–1193.

¹²⁹ Соколов И. И. Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Пг., 1914.

¹³⁰ С[околов] И. И. Церковный суд в Константинопольском патриархате в современном его состоянии // Церковный вестник. 1914. № 39. С. 1181–1188.

¹³¹ [Соколов И. И.] Избрание Всероссийского патриарха // Церковный вестник. 1913. С. 129–135.

¹³² Деяния священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 383–391 (Деяние 29).

¹³³ Там же. С. 387.

отверженные, понимавшие задачи и потребности времени и энергично направлявшие всех к определенной цели». Их служение – непрерывный подвиг и страдание за веру¹³⁴.

От возвышенного дифирамба Константинопольскому патриархату Соколов переходит к насущным проблемам Русской церкви. «Назревает отделение Церкви от государства. Значит, положение Русской церкви будет приблизительно таково, в каком находится, например, Константинопольская церковь. Правда, там – иноверное правительство, но ведь хорошо известно, что нам ждать особых милостей от нашего правительства не приходится», – продолжает свои рассуждения Соколов. Между тем всему восточно-христианскому миру предстоят общие задачи перед лицом инославного мира, и потому «абсолютно необходима всеобщая коалиция православных церквей, необходимо мобилизовать все силы для противодействия завоевательному замыслу инославия», – вот в чем состоит, по мнению автора доклада, ближайшая задача Русской церкви¹³⁵.

В докладе И. И. Соколова слышится неуверенность и опасение за судьбу православия во всем восточно-христианском мире – ведь война еще не закончилась. Особенно скорбным является подтекст, связанный с потерей главной опоры Церкви в государстве в лице православного царя. С крушением монархии в России для всех идеологов византийско-монархического направления в русской политике обрушился самый стержень их построений. Привыкшие рассуждать по определенным, заданным историей шаблонам, они искали параллелей в истории церкви либо Византии, либо Османской империи и не представляли себе иных форм ее существования в государстве демократического типа¹³⁶. Созвучные мысли в отношении восстановления патриаршества и его роли в реформированном Российском государстве высказывал другой участник собора, один из видных дипломатов на Балканах, мыслитель и общественный деятель Г. Н. Трубецкой. «С падением императорской власти происходит изменение идеологии. Император являлся защитником Церкви. Целых двести лет продолжалось это. 200 лет мы вели борьбу за православие на Востоке. Кто же будет хранителем этого векового наследия в Русской церкви после падения царской власти? Таким хранителем может быть только патриарх»¹³⁷.

Филэллинского направления в русской общественно-церковной жизни придерживался настоятель русской посольской церкви в Константинополе архимандрит Иона (Вуколов) (1899–1913). Убежденный сторонник греческой церкви на Востоке, он явился автором целого ряда статей и брошюр в защиту восточной православной Церкви. Подобно Т. И. Филиппову и И. И. Соколову, он выступал за бескорыстную помощь греческим школам, церквям и монастырям со стороны России. В отличие от прославянски настроенного посла И. А. Зиновьева, архимандрит Иона выступал защитником греков, греческого духовенства и церковной практики. Идеализируя греческую церковную жизнь, он считал полезным перенять опыт Востока даже в деле сокращения служб и модернизации языка богослужения¹³⁸.

¹³⁴ Там же. С. 389.

¹³⁵ Там же. С. 390.

¹³⁶ После Октябрьской революции И. И. Соколов преподавал в Киевском университете, где с 1919 г. занял кафедру византологии (после смерти Ю. А. Кулаковского) и читал лекции по истории Византии и византийской историографии. В 1920–1921 гг. прочел спецкурс о судьбах эллинизма и славянства на Ближнем Востоке, вел занятия по новогреческому языку. В 1927 г. преподавал новогреческий язык в ленинградском институте востоковедения. В ночь на 22 декабря 1933 г. был арестован и выслан в Уфу, где писал работу по истории Башкирии. Скончался в 1939 г.

¹³⁷ Деяния священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 396.

¹³⁸ *Иона, архим.* Свет с Востока. Письма архимандрита Ионы, настоятеля посольской церкви в Константинополе, о церковных делах православного Востока. СПб., 1903. В почти открытом противостоянии архимандрита Ионы и И. А. Зиновьева повторилась ситуация 1850-х гг., когда посольство придерживалось прославянской ориентации, а настоятель посольской церкви – прогреческой. См.: *Петров* Н. Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Август. Т. 7. С. 274–286. Разница состояла в том, что теперь в посольстве уже шла речь не столько о поддержке южных славян против греков, сколько о защите русских интересов в регионе.

В условиях готовящегося отделения Церкви от государства он выступил со статьей об устройстве церкви на Востоке. В Турции, писал он, духовенство не получает жалования от государства и живет за счет пожертвований, зато пользовалось привилегиями.

Младотурецкое правительство посягнуло на эти привилегии, оно потребовало от всех государственных чиновников подписки в том, что они не будут участвовать в политических партиях. Духовенство отказалось дать такую подписку, так как они не являются государственными служащими. Сила восточного христианства – в разных обществах (силлогах). По мнению о. Ионы, для России православный Восток с его церковнокорпоративным устройством мог бы послужить хорошим примером, а от казенных пособий, которые к тому же даются с таким трудом, следует вовсе отказаться¹³⁹.

В отличие от «Церковного вестника», значительно более сдержанным по отношению к грекам был тон официального органа Св. Синода «Церковных ведомостей». Позиция «Церковных ведомостей» в наибольшей степени отражала официальную точку зрения Русского Св. Синода – позицию невмешательства и соблюдения равновесия. В начале 1900-х гг. в журнале помещались отдельные публикации И. И. Соколова, однако впоследствии он приобрел скорее славянофильский характер, что нашло выражение в материалах по греко-болгарскому вопросу. Направление журнала задавалось канонистом С. В. Троицким, который регулярно печатал в «Прибавлениях» к «Церковным ведомостям» сообщения и статьи по православному Востоку. В начале 1900-х гг. в «Церковных ведомостях» поместил несколько своих статей И. И. Соколов, однако впоследствии он отошел от этого издания и выступал почти исключительно на страницах «Церковного вестника».

В нескольких номерах «Церковных ведомостей» за 1903 г. печаталась статья по вопросу русской церковной политики на Ближнем Востоке¹⁴⁰. Один из главных недостатков русского религиозного стремления на Восток автор видел в том, что образованное общество в России утратило интерес к монашеству; слабая сторона паломничества в Палестину состоит в том, что в нем участвуют одни простолюдины. Отсутствие образованных людей среди русских афонских монахов, по мнению автора, также является причиной того, что им «нет дела до общих нужд православия на Востоке, они направляют свои заботы единственно на утверждение и упрочение своего обособленного здесь положения»¹⁴¹. На дело помощи православию на Востоке автор смотрел в традиционно филэллинском духе. Размеры католического и протестантского прозелитизма на Востоке, пожертвования католиков в пользу Вселенской и Иерусалимской патриархии, усилия англикан к сближению с православными, опасность распространения антирусских настроений среди греков – все это должно вызывать в русском обществе стремление не осуждать греков, а оказывать им всемерную поддержку. «Как бы ни были велики и многочисленны у греков недостатки, выискивать которые иные так охочи, на нас все-таки лежит долг оказывать им помощь, а не отворачиваться с таким исполненным фарисейской гордости и бессердечия приговором: греки уже неспособны служить христианству, не стоит нам ни в чем их поддерживать и оказывать помощь, вся будущность и сила христианства на Востоке – в одной России». Вместе с тем автор далек от слепого преклонения перед греками и понимал негативную сторону уклонения восточного духовенства в узкий национализм. Так, без особого восторга он комментировал ажиотаж, поднятый греческими газетами по поводу сбора пожертвований в пользу Иерусалимского патриархата в 1902 г. Получение регулярной финансовой помощи из Греции, источниками которой станут западные державы, говорилось в другой статье того же автора,

¹³⁹ *Иона, архим.* Церковно-общественная жизнь на Православном Востоке и русская церковная реформа // Церковный вестник. 1912. № 51–52. С. 1604–1608.

¹⁴⁰ *И. П.* Русское народное дело на христианском востоке. Его современные нужды и потребности // Церковные ведомости. Прибавления. 1903. 16 августа. № 33. С. 1237–1244; 23 августа. № 34. С. 1281–1287; 30 августа. № 35. С. 1315–1321.

¹⁴¹ Там же.

как нельзя более на руку врагам православия на Св. Земле. Он склонен скорее в пользу советов касательно помощи этой церкви, которые были предложены Иоакимом III, – а именно более рационального расходования денежных поступлений в пользу Святогробского братства, получаемых от русских паломников¹⁴².

В период 1901–1914 гг. церковная составляющая русской политики на Ближнем Востоке, которой дипломатия придавала такое большое значение, составляла круг интересов только консервативной части русского общества. Именно в околоцерковных и монархических кругах находит почву для своего развития неовизантийская идеология, определявшая внешнеполитический курс России на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Либеральные, и тем более левые партии, выступавшие за секуляризацию русского общества и государства, не придавали церковной политике большого значения, показателем чего служит почти полное отсутствие статей на церковнополитические темы в соответствующих периодических изданиях. Тем не менее, национально-политические идеалы монархистов и либералов на Ближнем Востоке во многом совпадали, что стало особенно очевидным в годы Первой мировой войны.

Идея объединения православных народов Балкан осуществилась при дипломатическом посредничестве России в 1912 г.; однако это был не тот союз, о котором мечтали русские идеологи православного единства. Вторая Балканская война показала всю непрочность Балканской лиги и ее зависимость как от неумеренных амбиций самих балканских народов, так и от борющихся между собой за сферы влияния великих держав. Становилось ясно, что балканские войны являются лишь прологом к большой войне за окончательное решение восточного вопроса. Наивысшее развитие имперская византийская идеология в России получила в 1914–1915 гг., когда казалось, что настал час осуществления политических мечтаний последних двух с половиной столетий. С самого начала войны русская печать исполнилась статей о том, что эта война и есть та великая освободительная война для всех поработанных христианских народов Востока, которой так ждал русский народ, а с момента вступления в войну Турции в октябре 1914 г. в русской прессе, независимо от направлений, разворачивается поразительный триумф политического романтизма. Для консерваторов и церковных политиков близкое взятие Константинополя было осуществлением вековой мечты русского народа, начиная от Олега и Святослава, реализацией мессианского предназначения России, восстановление христианского царства. Для либералов и демократов это означало новые экономические возможности России, взаимодействие культур Востока и Запада.

Двумя основными церковно-политическими вопросами для России была судьба Константинополя и Палестины. К 1915 г., когда успешное окончание войны казалось близкой реальностью, появилось множество статей и книг по поводу будущего русского Константинополя. Уже и теперь Константинополь является крупнейшим русским портом, – писал автор одной из них. – В его гавань заходит судов более, чем в любой русский порт. Через Константинополь ежегодно проходит до 40 миллионов пудов русского хлеба, что составляет 85 % хлебного экспорта России. Константинополь – это «ключи от нашего дома». Нейтралитет проливов для России неприемлем. Только владея Босфором и Дарданеллами, Россия может преградить неприятельскому флоту вход в Черное море. В тех же целях лежащие при выходе из Дарданелл острова Имврос и Тенедос должны отойти к России. Более того, чтобы иметь сухопутное сообщение с обоими проливами, России необходимо включить в свои пределы также южный берег Черного моря¹⁴³. В общей эйфории, охватившей русское общество

¹⁴² И. П. Денежные затруднения Иерусалимской церкви и помощь ей из Константинополя и Афин // Церковные ведомости. 1903 г. № 8. С. 298–302.

¹⁴³ Чиркин Г. Ф. Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке. Пг., 1915. С. 20–21. См. также: Захаров Н. А. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западно-европейских держав. Доклад, читанный в петроградском клубе общественных деятелей 23 января 1915 г. Пг., 1916; Гагарин С. Константино-

в первой половине 1915 г., рождались совершенно фантастические выступления и статьи. Например, один из авторов писал о том, что поскольку Россия по своим размерам превосходит древнюю Византию, она должна иметь не одного, а много патриархов: такие города как Москва, Киев, Петроград, Вильна, Казань, Тифлис и Иркутск должны стать патриаршими престолами. Вопросы общего значения решались бы на соборах русских и восточных иерархов, причем русские иерархи занимали бы первенствующее место. Вопрос о взаимоотношениях восточных церквей требует полной реорганизации всего церковного строя на Востоке и нового соборного оформления великих исторических перемен, которые произошли за последние десять веков¹⁴⁴. Новый освобожденный Царьград станет колыбелью царства Христова на земле; после водружения креста на Св. Софии прекратится разделение христианского мира на разные ветви, – проповедовал еще один церковный журналист¹⁴⁵. Неудивительно, что в такой атмосфере рождались идеи сбора средств на крест на Св. Софии, чтобы при вхождении русских войск в город он был уже готов.

Осуществление вековой мечты о взятии Константинополя казалось свершившимся фактом не только для попавших в общую струю массовой национальной истерии, но и для самих руководителей русской политики. В начале 1915 г., во время Дарданельской операции союзников, Англии и Франции было необходимо дополнительно заручиться поддержкой России, и они предложили раздел территории Турции в случае успешного завершения войны. Согласно подписанному 8-12 марта секретному договору, Россия должна была получить в свое владение Константинополь, проливы и ближайшие прилегающие к ним территории. В марте же начались операции русского флота в направлении Босфора¹⁴⁶. В связи с подписанием этого договора в различных российских ведомствах были составлены записки для внутреннего пользования, касающиеся будущего устройства русского Константинополя – военного, экономического, церковного. Записки для Св. Синода составляли И. И. Соколов и архиепископ Антоний (Храповицкий). И. И. Соколов создал пространный текст с большим историческим введением, посвященным положению Церкви в Византии. Настоящее положение вещей он рассматривал как восстановление Византийской империи под скипетром русского царя и связывал события войны с восстановлением патриаршества в России. Русский патриарх займет второе место после Вселенского, который, в свою очередь, получит подобающее ему первенство по чести в православном мире. Константинополь может стать своего рода второй столицей и одной из резиденций русского царя¹⁴⁷. Архиеп. Антоний, еще ранее известный своими филэллинскими настроениями, предлагал освобожденный русским оружием Константинополь непосредственно передать в руки греков в качестве благодарности за то, что они некогда просветили Русь светом христианства¹⁴⁸.

23 марта 1915 г. датируется докладная записка о патриархате и Св. Софии директора РАИК Ф. И. Успенского. Отвергая как утопические все планы слияния патриархата с Россией-

польские проливы. Историко-политический очерк // Русская мысль. 1915. Апрель. С. 96–122.

¹⁴⁴ М. А. К чему церковным сферам нужно готовиться? (К вопросу о будущей организации отношений между восточными церквями) // Колокол. 11 февраля 1915 г. № 2630.

¹⁴⁵ Будущая колыбель царства Христова // Колокол. 18 марта 1915 г. № 2660.

¹⁴⁶ Документы, отражающие подготовку этого соглашения, см. в кн.: Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. С. 221–304. Однако уже в годы войны стала ясной несбыточность этих надежд: 21 февраля 1917 г. министр иностранных дел Покровский подчеркивал, что соглашение о проливах не более чем «вексель», подписанный Англией, Францией и Италией, который останется простым клочком бумаги, если Россия к началу мирных переговоров фактически не завладеет проливами (Проливы (сборник) / Пред. Ф. Ротштейна; доп. ст. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 88–93). Октябрьская революция выбросила этот «ненужный клочок бумаги в сорную корзину истории» (там же. С. 94), а после перемирия 30 октября 1918 г. Англия заняла господствующие позиции в Константинополе и проливах.

¹⁴⁷ Лисовой Н. Н. Русская церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. 2002. С. 156–196.

¹⁴⁸ Там же. С. 203, 211.

ским Св. Синодом, с Афоном, с Грецией, он призывает в отношении него «придерживаться строго канонических правил и церковной практики при царях византийских». Не исключает Успенский, впрочем, и возможности, наиболее выгодной для России: патриарх – турецкий чиновник, «и кто решится утверждать, что патриарх не признает более выгодным для себя и для интересов эллинизма разделить участь султанского правительства», – восклицает он¹⁴⁹. Авторы некоторых записок настаивали на необходимости включения русского архиерея в состав константинопольского Синода;¹⁵⁰ другие, напротив, считали это неразумным и говорили, что отношения русского архиерея в Константинополе с патриархом могут быть только братскими¹⁵¹. Были и другие проекты, которые предусматривали полную русификацию Константинополя и превращение его в один из русских губернских городов, и низведение патриарха на уровень епархиального архиерея.

Ф. И. Успенский

Некоторое понятие о возможном отношении русской власти к Вселенскому патриарху в том случае, если бы Константинополь действительно стал русским, можно получить на примере действий русских властей в 1916–1917 гг. в занятом русскими войсками Трапезунде. Несмотря на неоднократные предупреждения Св. Синода о том, чтобы соблюдалась величайшая осторожность по отношению к Трапезундскому митрополиту и греческому духовенству, оккупационные власти встретили с их стороны настороженное и даже враждебное к себе отношение¹⁵². Вряд ли можно предполагать, чтобы действия находящихся под влиянием националистической эйфории русских военных начальников, по крайней мере на первых порах, были особенно деликатными. Касательно Палестины также существовало несколько проектов, бурно обсуждавшихся на заседаниях Славянского благотворительного общества:

¹⁴⁹ Герд Л. А. Еще один проект «русского Константинополя». Записка Ф. И. Успенского 1915 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2007. Т. XXX. С. 424–433.

¹⁵⁰ [Дмитриевский А. А.] «Константинопольская церковь и русская власть». Машинопись с пометами А. А. Дмитриевского // ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 20–47.

¹⁵¹ «Вселенский патриарх и русская гражданская власть в Константинополе». Б/д, б/п. // Там же. Л. 48–50.

¹⁵² Шавельский Г., *протопресвитер*. Воспоминания последнего русского протопресвитера армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 187–193.

они сводились к присоединению Палестины к Англии, к России или к ее нейтрализации под надзором союзных государств (или только православных народов)¹⁵³.

Уже к лету 1915 г. стало ясно, что дарданельскую операцию союзников, несмотря на поддержку России, не удастся осуществить так быстро, как хотелось, и разговоры о русском Константинополе начинают утихать. Они возобновляются в 1916 г., когда депутат Думы П. Н. Милюков произнес речь по поводу ставшего всем известным секретного договора марта 1915 г., за что впоследствии удостоился от большевиков прозвища «Милюкова-Дарданельского». По мере продвижения русских войск на кавказском фронте наиболее смелые из русских авторов говорят уже не только о владении проливами и Константинополем, но о присоединении к России всей Малой Азии – Анатолии, Киликии и северной Месопотамии, залива Александретты. «Приобретение нами Малой Азии не только обеспечит нам владение проливами и даст прямой сухопутный выход в Средиземное море, но и принесет нам благоприятную область, необычайно выгодную в экономическом отношении. Мы не только найдем здесь прекрасные и удобные пространства для нашей колонизации, но в естественных произведениях почвы и в ископаемых рудах мы получим источник необычайных богатств»¹⁵⁴.

Не прошло и года, как все эти фантастические мечты о почти всемирном господстве православной империи Третьего Рима разрушаются сначала февральской, а затем октябрьской революцией. В 1917 г. русские монархисты еще не понимали значения совершающихся событий. Византинист А. А. Дмитриевский после февральской революции продолжает проповедовать традиционные идеи с амвона Николо-Барградской церкви в Петрограде¹⁵⁵. За несколько дней до октябрьского переворота бывший генконсул в Фессалонике А. К. Беляев заверял греческого посланника в Петрограде в верности России своей исторической миссии – защищать православные народы Востока и оказывать им всемерную поддержку, а нестроения в политической жизни страны полагал временным явлением¹⁵⁶. И только события конца 1917 г. подвели окончательную черту под византийским периодом в русской общественно-политической мысли, а вместе с тем наступил конец и эпохе политического романтизма в России.

---

¹⁵³ Пумилевский] Н. Будущая судьба Палестины // Руководство для сельских пастырей. 1915. № 23. С. 579–580; Аукинский А. Будущее Палестины // Родная жизнь. 1915. № 22. С. 2–3; Будущее Палестины // Миссионерское обозрение. 1915. № 4. С. 624–625; А. П. К судьбам Святой Земли // Русский паломник. 1915. № 15. С. 239–240.

¹⁵⁴ Яценко А. Русские интересы в Малой Азии. М., 1916.

¹⁵⁵ Герд А. А. А. Дмитриевский как староста Николо-Барградской церкви в Петербурге // Родное и вселенское. Сборник к 60-летию Н. Н. Лисового. М., 2006. С. 105–123; Рогозный П. Г. «Пред нашими взорами совершился суд над историей» (Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. 2007. С. 447–455.

¹⁵⁶ Донесение посланника в Петрограде министру иностранных дел Н. Политису от 19/2 октября 1917 г. АУЕ. Фак. 8956. Тр. В.

Русские дипломатические и духовные представители в Константинополе в начале XX в.

Первостепенное значение, которое имела церковная составляющая в политике России на Ближнем Востоке, требовало от сотрудников константинопольского посольства постоянно входить в сложные вопросы канонического права, изучать опыт церковной истории предшествующих столетий, без которого было невозможно разобраться в современной ситуации. Среди русских дипломатов в Турции всегда были люди, особенно близко знакомые с церковной тематикой: в 1860-70-е гг. посол Н. П. Игнатьев, в 1880-е М. К. Ону¹⁵⁷, в 1900-10-е гг. М. В. Кохманский и Б. С. Серафимов¹⁵⁸, и беспрерывно на протяжении нескольких десятилетий – П. Б. Мансуров, которого можно назвать настоящим специалистом по национально-церковным противоречиям Балкан и Ближнего Востока¹⁵⁹. Пожалуй, ни одно решение по важным церковно-политическим делам не принималось без его совета; неоднократно он предпринимал поездки на Афон для переговоров с греками, русскими и другими славянами. Хорошими знатоками церковных дел на Востоке были русские генеральные консулы в Иерусалиме и Фессалонике, а также консулы в других крупных городах Османской империи – Смирне, Бейруте, Дамаске, Адрианополе. Постоянно иметь контакты с местным духовенством и знать все тонкости церковных дел неизбежно приходилось всем консулам и вице-консулам на местах: ведь каждый митрополит (греческий, болгарский, армянский) представлял ту или иную этно-конфессиональную группу в данном регионе Османской империи. Послы в Константинополе конца XIX – начала XX в. (А. Б. Лобанов-Ростовский, А. И. Нелидов, И. А. Зиновьев, Н. В. Чарыков, М. Н. Гире) также уделяли большое внимание церковной политике, регулярно вели переговоры с патриархом, членами Синода, Болгарским экзархом, по мере необходимости осуществляли посредническую функцию между церковными представителями и Портой, а в сложных конфликтных ситуациях использовали авторитет России для непосредственного давления на турецкое правительство в защиту интересов Церкви, а также для избрания или устранения того или иного иерарха.

В 1897 г. послом в Константинополь был назначен И. А. Зиновьев¹⁶⁰. Не считая возможным поддерживать в балканских национальных конфликтах ни греческую, ни болгар-

---

¹⁵⁷ Михаил Константинович Ону (1835–1901), выпускник Лазаревского института восточных языков, первый драгоман, затем советник посольства в Константинополе, с 1889 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции.

¹⁵⁸ Борис Саввич Серафимов (1882 – после 1940 г.), выпускник арабо-персидско-турецко-татарского отдела факультета восточных языков Петербургского университета. С 1909 г. на службе по МИДу; сотрудник 1 департамента (1909); и. о. секретаря и драгомана консульства в Алеппо (1911); 3-й драгоман миссии в Константинополе (1914). После эвакуации посольства в 1914 г. остался в Константинополе и занимался делами, связанными с русскими подданными. В годы войны служил военно-морским агентом при миссии в Афинах, далее в Берне. В 1920-30-е гг. председатель Нансеновского комитета в Болгарии, занимался делами русских эмигрантов.

¹⁵⁹ Павел Борисович Мансуров (1860–1932) – дипломат, духовный писатель. Его отец, Борис Павлович (1828–1910), был главой Палестинского Комитета, одного из важнейших русских учреждений на Ближнем Востоке середины XIX в. (см.: Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 108–119, 121–126). П. Б. Мансуров служил сотрудником русского посольства в Константинополе (1898–1903), чиновником особых поручений МИДа (1905–1912), директором московского Главного архива иностранных дел (1915–1917), был одним из учредителей и участников «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова; член поместного собора 1917–1918 гг. В константинопольском посольстве выступал экспертом по церковным делам и неоднократно ездил с особыми поручениями на Афон. В течение многих лет своей дипломатической службы он досконально изучил церковную политику на Востоке и придавал первостепенное значение церковной составляющей российской ближневосточной политики. Его перу принадлежат работы: Очерки с православного Востока. Сергиев Посад, 1904; Константинопольская церковь. Очерк основных начал строя ее в XIX веке. Ч. I. Центральное управление. М., 1909.

¹⁶⁰ Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917), выпускник Лазаревского института восточных языков, в 1851 г. поступил на службу в московский главный архив МИДа. В 1871 г. назначен дипломатическим агентом при румынском князе; в 1876 г. аккредитован в качестве чрезвычайного посланника при персидском шахе. С 1883 г. директор Азиатского департамента

скую сторону, он встал на защиту сербских интересов в Македонии. Благодаря его усилиям состоялось назначение митрополита-серб в Ускюб (Скопие). В целом, ввиду избранного русским правительством курса на сохранение status quo в Македонии, действия посла были направлены на смягчение противостояния и поддержку османских властей: так, после Илинденского восстания 1903 г. он настаивал на применении к повстанцам всех мер строгости. В переговорах с болгарским экзархом одним из главных требований было ограничение деятельности болгарских комитетов. Преемник Зиновьева Н. В. Чарыков (1909–1912)¹⁶¹ сыграл большую роль в налаживании переговоров при создании балканской лиги; в церковных делах его важнейшей заботой было, как и прежде, смягчение греко-болгарских противоречий и создание условий для снятия схизмы. Последний посол царского правительства в Константинополе М. Н. Гире (1912–1914)¹⁶², уже имевший опыт дипломатической службы на Балканах, непосредственно связывал защиту интересов православия в Турции с русскими интересами: оказание помощи Вселенскому патриархату в 1913–1914 гг. ставилось им в прямую зависимость от уступок политического характера (в вопросах снятия болгарской схизмы, преобразования Халкинской школы). В деле русского монашества на Афоне Гире присоединился к точке зрения российского Св. Синода и был одним из организаторов изгнания имяславцев в 1913 г. Церковная жизнь на Востоке в начале XX в. характеризуется крайней политизированностью и исключительным накалом противоречий на Балканах, потому в это время мы не встретим тех доверительных отношений между русскими представителями и греческим духовенством, которые еще возникали иногда во второй половине XIX в. Русская имперская политика для греков теперь все больше отождествлялась с враждебным эллинизмом «панславизмом»; простора для духовных и гуманитарных контактов оставалось все меньше и меньше. Положительные инициативы все более уступали место давлению с позиции силы.

Защита интересов православия на Ближнем Востоке и опора на христианское население Турции требовали от русского правительства наличия большого числа специально подготовленных сотрудников, которые бы занимались исключительно церковными делами. Единственной структурой, которая в некоторой степени отвечала этим требованиям, была Русская Духовная миссия в Иерусалиме, существовавшая с 1847 г. С 1882 г. к ней присоединилось Императорское Православное Палестинское Общество. Однако эти две организации, в задачи которых входило поддержание православия в Палестине и Сирии, не распространяли свою деятельность на другие регионы Османской империи. Кроме того, масштабы их деятельности не могли сравниться с развернутой сетью агентов католической и протестантской пропаганды, осуществлявшей свою работу через церкви, монастыри, школы и благотворительные заведения во всех уголках Турции. На протяжении нескольких десятилетий в российском МИДе и Св. Синоде неоднократно ставился вопрос об учреждении в османской столице русской духовной миссии. В задачи такой миссии должны были входить непосредственные контакты с Константинопольским патриархом и налаживание более тесных связей между церквями. Миссия могла взять на себя функцию распределения материальной помощи бедным церквям и монастырям балканского и малоазийского районов Турции, а

МИДа. В 1891 г. назначен посланником при короле шведском и норвежском. В 1897–1909 гг. посол в Константинополе. С 1909 г. член Государственного совета.

¹⁶¹ Николай Валерьевич Чарыков (1855–1930), выпускник Александровского лицея. С 1883 г. дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе; с 1886 г. политический агент в Бухаре. В 1896–1897 гг. дипломатический агент в Болгарии; с 1897 г. министр-резидент при святейшем престоле папы Римского; с 1900 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии; с 1905 г. посол в Голландии. В 1908–1909 гг. товарищ министра иностранных дел. В 1909–1912 гг. посол в Константинополе.

¹⁶² Михаил Николаевич Гире (1856–1932), сын министра иностранных дел Н. К. Гирса. Выпускник пажецкого корпуса, участник войны 1877–1878 гг. На службе в МИДе с 1878 г. Был посланником в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, послом в Константинополе (1912–1914) и в Риме (с 1915).

также доставлять в Св. Синод сведения о положении Церкви. Наличие в столице русского представителя – духовного лица в качестве настоятеля миссии могло бы смягчить отношения греческого и болгарского духовенства с русскими дипломатами и усилить церковную сторону этих контактов. Однако этот проект так и не был осуществлен из-за сложности международной ситуации и необходимости для российского правительства соблюдать крайнюю осторожность и не нарушать хрупкое равновесие. Не в последнюю очередь здесь сыграло роль нежелание МИДа и константинопольского посольства создавать ситуацию «двоевластия» и провоцировать конфликты между русскими учреждениями, пример чему уже был в Иерусалиме. Нереализованным остался и другой проект – назначение русского консула на Афон для защиты интересов нескольких тысяч русских насельников Св. Горы и осуществления контроля над ними.

Н. В. Чарыков

В некоторой степени помощь посольству в церковных делах оказывало духовенство русской посольской церкви в Константинополе, настоятелями которой были как личности вовсе бесцветные и не проявлявшие собственной инициативы, так и фигуры достаточно яркие и самостоятельные.

В 1913 г. по случаю ухода на покой многолетнего настоятеля о. Ионы (Вуколова) посол М. Н. Гире пишет о значении духовного лица при посольстве:

«По своему положению, представитель Св. Синода в Константинополе должен бы быть моим ближайшим естественным помощником в сношениях с Вселенской патриархией, и при обладании им высокими нравственными качествами, широким духовным образованием и тактом, мог бы приобрести огромное влияние среди местного православного духовенства и оказывать неоценимые услуги вверенному мне посольству при обсуждении с патриархией многих сложных вопросов, касающихся существенных интересов православной церкви на Востоке»¹⁶³.

Всего в Константинополе в конце XIX – начале XX в. было четыре русских церкви, подведомственных российскому Св. Синоду. Две из них находились при посольстве (Св. Николая Чудотворца в Пере, устроена в 1845 г. при посланнике В. П. Титове; Свв. Константина и Елены в летней резиденции посольства в Буюк-Дере, была устроена в 1818 г. при

¹⁶³ М. Н. Гире – В. К. Саблеру. 24 января 1913 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 83. 2 отд. 3 ст. Д. 79. А. 1–2.

посланнике Строганове и возобновлена в 1867 г., при перестройке здания послом Н. П. Игнатьевым). Церковь при русской Николаевской больнице в Пангальди, каменная пятиглавая в византийском стиле с колокольной, была построена в 1875–1876 гг. и освящена Дерконским митрополитом Иоакимом. Богослужения в ней совершал помощник настоятеля посольской церкви. Трое певчих из Пантелеймонова монастыря на Афоне с 1876 г. служили псаломщиками. Церковь-усыпальница Св. Георгия в Сан-Стефано состояла из двух этажей (церковь и склеп). Построена она была в 1892–1898 гг., освящена в присутствии вел. кн. Николая Николаевича при после И. А. Зиновьеве. Богослужение в ней совершал причт посольской церкви в храмовые праздники и дни поминовения усопших¹⁶⁴. Храм был взорван вскоре после вступления Турции в Первую мировую войну, 14 ноября 1914 г. Кроме этих церквей, в Константинополе, в Галате, находились подворья русских обитателей на Афоне со своими церквями – Пантелеймонова монастыря, Ильинского и Андреевского скитов, а также некоторых наиболее крупных келлий. Братство русских келлий на Афоне содержало в Сан-Стефано школу. Настоятели афонских константинопольских подворий также находились в тесном контакте с русскими дипломатическими представителями.

В начале XX в. причт русской посольской церкви состоял из настоятеля, второго священника, диакона и псаломщика. Настоятелем посольской церкви в 1899–1913 гг. был архимандрит Иона (Вуколов)¹⁶⁵. Автор многочисленных полемических работ в защиту греческого духовенства, архимандрит Иона выступал как против русских его критиков, так и против католического прозелитизма. Такое направление не соответствовало русской прославянской политике, сторонником которой был посол в Константинополе И. А. Зиновьев и имевший большой авторитет в политических вопросах директор РАИКа Ф. И. Успенский. Различным было отношение и к русскому монашеству на Афоне со стороны посла и Успенского, с одной стороны, и архимандрит Ионы – с другой. Если первые видели в «русском Афоне» сильную опору для политического влияния России на Балканах и вообще на Востоке, то для Ионы русские афонцы представляли собой массу необразованных мужиков, которые незаслуженно владели большими материальными средствами и не желали, по своей ограниченности, употребить даже часть этих денег в помощь греческим школам. В этом смысле архимандрит Иона присоединялся к позиции греческой иерархии, обвинявшей русскую политику на Востоке в преследовании чисто политических целей под прикрытием помощи православию.

В 1908 г. он опубликовал брошюру против католического прозелитизма. В последнее время, писал автор, много говорится о соединении церквей. Ватикан действует на Востоке различными способами. Так, французская графиня Рианкур, филэллинистка, живущая в Афинах, пишет сочинения о соединении, жертвует деньги в пользу Иерусалимского патриархата и афонских монастырей. Она уступает православным во всех вопросах, но упорно отстаивает идею папизма. 18 марта 1907 г. два латинских монаха в одежде греческих священников в притворе одного из константинопольских храмов раздавали листовки с призывом к единению с католичеством. Посещение саксонского принца Макса в сентябре 1907 г. тоже способствовало католической пропаганде. Католикам, говорит архимандрит Иона, следует

¹⁶⁴ Ведомость о русских православных церквях в Константинополе за 1900 год // РГИА. Ф. 797. Оп. 71. 2 отд. 3 ст. Д. 13. Л. 51-52об.

¹⁶⁵ Уроженец Орловской губернии. В 1882 г. окончил курс Орловской семинарии, в 1882-87 гг. был сельским учителем в Орловском уезде. Священником стал в 1887 г., а затем, овдовев, в 1893 г. принял монашество. В 1894 г. он окончил курс Киевской духовной академии, после чего занимал посты инспектора, затем ректора Петербургской семинарии, ректора Екатеринославской и Владимирской семинарий. 17 февраля 1899 г. назначен настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. В 1900 г. избран действительным членом общества церковного пения в Константинополе, а в 1912 г. получил от патриарха Иоакима III титул Великого архимандрита Вселенского Апостольского престола. 30 ноября 1912 г. Иерусалимский патриарх Дамиан пожаловал ему золотой крест с частицей Честнаго Древа.

совершенно отказаться от идеи прозелитизма; диалог необходим на уровне предстоятелей церквей, но высокомерие Ватикана делает его невозможным¹⁶⁶.

Русский храм-памятник в Сан-Стефано

Вскоре после избрания на патриарший престол Иоакима III в 1901 г. архимандрит Иона выступил посредником между ним и российским Св. Синодом по вопросу о распространении официального органа Вселенского патриархата еженедельного журнала *ἡ κλησιαστικὴ ἀλήθεια* (Церковная истина) в библиотеки всех семинарий России. В России, писал Иона, 58 семинарий и 4 академии.

Он рекомендовал Св. Синоду выписать его в количестве 62 экземпляров, что послужило бы, на его взгляд, существенной материальной поддержкой патриархату. Ходатайство патриарха было принято, и по настоянию К. П. Победоносцева, *ἡ κλησιαστικὴ ἀλήθεια* по цене 25 франков за номер была выписана для 57 духовных семинарий России¹⁶⁷. Пользуясь случаем, архимандрит Иона привлек внимание и к своей деятельности на пользу православия в Константинополе. В соседнем с Сан-Стефано селении Галатария, писал он, католики устроили часовню, в которой служат по праздникам, ходят по домам православных жителей и приглашают их детей в школу. Архим. Иона перекупил арендуемый католиками дом и намеревался устроить в нем школу. Далее в том же письме он выступил с предложением изымать ежегодно у богатых русских обитателей на Афоне некоторую сумму на поддержание греческих школ на Востоке¹⁶⁸.

В 1903 г. о. Иона создал в Галатарии, при храме-памятнике в Сан-Стефано, школу для 60 православных детей, которая размещалась в специально приобретенном им доме. «Ввиду большой опасности, какая в настоящее время угрожает от латинской пропаганды бедным детям православных греческих селений, находящихся вблизи русского Сан-Стефанского храма [...], желательно и весьма полезно было бы открыть здесь русскую школу для этих

¹⁶⁶ Иона, архим. К вопросу о соединении церквей. Письмо из Константинополя. СПб., 1908 (оттиск: РГИА. Ф. 796. Оп. 187. VI отд. 1 ст. Д. 7078. Л. 22а-22 м).

¹⁶⁷ Иоаким III – митрополит Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. 28 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4456. Л. 2; К. П. Победоносцев – Св. Синоду. Предложение. 2 марта 1902 г. № 6123 // Там же. Л. 7-7об.; Благодарственное письмо Иоакима III – митрополиту Антонию. 5 апреля 1902 г. // Там же. Л. 9. Рус. пер. Л. 10.

¹⁶⁸ Иоаким III – митрополит Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. 28 декабря 1901 г. // Там же. Л. 2; Архим. Иона – В. К. Саблеру. 17 января 1902 г. // Там же. Л. 4-5об.

детей», – писал архимандрит Иона митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию. Помощником о. Ионе и учителем в школе был назначен иеромонах Павел (Вильковский), выпускник Киевской духовной академии, хорошо владевший греческим языком и уже два года живший в Константинополе¹⁶⁹. На содержание ее отпускалось по 700 рублей в год из доходов от бессарабских имений¹⁷⁰. В том же 1903 г. архимандрит Иона обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию с новой просьбой об увеличении субсидии на содержание школы до 1000 р., а также о назначении ему второго помощника для научных занятий в константинопольских церковных книгохранилищах, грека Аристотеля Мейдриноса, окончившего курс Санкт-Петербургской духовной академии в 1901 г., с жалованием в 1000 рублей в год¹⁷¹. Иона предполагал, чтобы Мейдринос работал при нем в качестве секретаря и переводчика и помогал ему в написании полемических статей, опровергающих клевету на Россию, которая появляется в иезуитских и греческих периодических изданиях. Однако посол И. А. Зиновьев не считал целесообразным удовлетворение этой просьбы архимандрита Ионы, и на сей раз он получил отказ¹⁷². В 1903 г. о. Павел доставил серебряную раку для мощей св. вмч. Евфимии, изготовленную в Петербурге на пожертвование митрополита Антония (Вадковского); 12 ноября 1903 г. мощи были торжественно переложены в храме св. Георгия в Фанаре¹⁷³. В благодарность о. Павел получил от патриарха частицу раки, в которой мощи лежали до тех пор¹⁷⁴.

Рака с мощами Св. Евфимии в храме Св. Георгия в Фанаре (современная фотография)

Следует предполагать, что И. А. Зиновьев выражал недовольство самостоятельностью о. Ионы и его прогреческой позицией в церковных делах. 29 января 1906 г. Иона обратился к митрополиту Антонию с просьбой не переводить его на другое место. «Мое здоровье, не выносящее сурового климата и какой-либо систематической работы, моя деятельность в основанной мною школе и по изданию полезных книг на греческом языке, поддерживаемые мною отличные и дружеские отношения с греческой иерархией – все это дает мне смелость надеяться на милостивое внимание Вашего Высокопреосвященства к моей просьбе», – писал он¹⁷⁵. Неблагополучно складывались и отношения архимандрита Ионы с иеромонахом Павлом, которые постепенно перешли в открытый конфликт. О. Павел, в лице которого Иона

¹⁶⁹ Иером. Павел (Вильковский), выпускник Киевской духовной академии, 16 ноября 1900 г. командирован в РАИК для ученых занятий с назначением 600 рублей в год. 30 июля 1903 г. назначен учителем и заведующим школой в Сан-Стефано.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 184. VI отд. 1 ст. Д. 5263.

¹⁷¹ Там же. Д. 5236. Л. 1-1об.

¹⁷² МИД – в Канцелярию Св. Синода. 22 августа 1907 г. № 5320 // Там же. Л. 11.

¹⁷³ Там же. 1904. № 51–52. С. 2132–2135.

¹⁷⁴ АПК КПА. Кы5. 965. No. 7396. 15 ноября 1904 г.

¹⁷⁵ Архимандрит Иона – митрополиту Антонию 29 января 1906 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 187. VI отд. 1 ст. Д. 7087. Л. 2–3.

ожидал преданного послушника, секретаря и помощника, проявлял в своей деятельности большую самостоятельность, чем вызвал негодование своего властного начальника. В том же письме следуют жалобы на о. Павла, который, по словам о. Ионы, уже в течение пяти месяцев отсутствует, в последние два года не помогает ему в его литературных занятиях и мало полезен для школы, а вместо того занимается без ведома начальника сбором денег, скрывая от него сборные книги и отчеты. В заключение он просит удалить о. Павла и передать заведование школой ему самому. Поскольку эта просьба была оставлена без внимания, 27 сентября 1908 г. архимандрит Иона снова обращается к митрополиту Антонию с жалобой на о. Павла, деятельность которого, по его словам, вредна для дела и «огорчительна для меня лично». По сообщению о. Ионы, иеромонах Павел без его ведома занимался сбором денег на Константинопольскую патриархию, чем ставил его в неловкое положение. «Увлеченный денежными операциями, иер. Павел задумал без моего ведома скупать священные реликвии, продаваемые здесь некоторыми недобросовестными людьми. У одного расстриженного монаха-грека из Иерусалима он купил часть Животворящего Креста, которая была препровождена им в Воскресенский монастырь Новгородской губернии, место прежнего жительства иер. Павла, где была принята с большими торжествами. Но вскоре между продавцом и покупателем возник денежный спор, приведший к суду у патриарха и у г. посла [...]. Соблазн от этой торговли вышел большой»¹⁷⁶. В этом же письме архимандрит Иона с раздражением пишет о двух школах в Сан-Стефано, которые содержатся русскими афонскими келлиотами (монашеской и женской). О. Павел стал преподавать и в них, чем вызвал негодование своего начальника.

Донос о. Ионы возымел свое действие: 2 декабря 1908 г., даже не попытавшись разобраться в ситуации, Синод постановил возвратить о. Павла в Воскресенский монастырь¹⁷⁷. Далее бюрократическая машина начала действовать, и 11 сентября 1909 г. был издан указ хозяйственного управления при Синоде о прекращении высылки ему пособия¹⁷⁸.

О. Павел нашел защитника в лице посла И. А. Зиновьева, который признавал образ действий о. Ионы неправильным. По рекомендации Ф. И. Успенского о. Павел был назначен преподавателем закона Божия в русском коммерческом училище. И. А. Зиновьев также предложил ему совершать в Сан-Стефанском храме богослужения на греческом языке для местного населения. Все обязанности о. Павел выполнял, по словам посла, «с примерной добросовестностью». Удаление его, таким образом, «крайне невыгодно отразилось бы на деятельности учебных учреждений»¹⁷⁹. Письмом от 9 июня 1909 г. о. Павел лично обратился к митрополиту Антонию Санкт-Петербургскому с просьбой об оставлении в Константинополе¹⁸⁰.

Назначение нового посла в Константинополе Н. В. Чарыкова было с большим удовлетворением встречено архимандритом Ионой, который, наконец, избавился от строгого надзора не благоволившего к нему И. А. Зиновьева. «Новое направление русской политики в церковных делах Востока, – писал он, – произвело отрадное впечатление на всех восточных христиан. Заявление нового посла России г. Чарыкова, сделанное Вселенскому патриарху, что Россия возвращается к своей традиционной политике покровительства православным всех племен, имеет весьма серьезное значение»¹⁸¹. Недавно, продолжал Иона, впервые за 10 лет патриарх удостоился в посольстве подобающего его высокому положению почетного

¹⁷⁶ Там же. Л. 8-9об.

¹⁷⁷ Выписка из определения Св. Синода 2 декабря 1908 г. // Там же. Л. 10-10об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 18.

¹⁷⁹ И. А. Зиновьев – митрополиту Антонию. 7 марта 1909 г. // Там же. Л. 12-15об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 16–17.

¹⁸¹ Архимандрит Иона – митрополиту Антонию. 12 сентября 1909 г. // Там же. Л. 20-21об.

приема. Далее начинается уничтожающая критика в адрес политики И. А. Зиновьева. «Я помню случай, – продолжает автор письма, – когда Вселенский патриарх во время визита в русское посольство чуть-чуть не был выгнан из комнаты. Я знаю случаи, когда по тайному требованию русского посла греческие митрополиты были отправляемы продажной турецкой администрацией в ссылку. [...] Я помню, как мне рассказывали, что вследствие задержки денег из России учителя Халкинской богословской школы и чиновники патриархии по многим месяцам не получали жалования. Да, это было время настоящего похода против православия, и, как показали обстоятельства, на пользу Ватикана. Вся деятельность г. Зиновьева, казалось, была направлена к тому, чтобы озлобить против России всю греческую иерархию и вызвать церковную схизму». В упрек Зиновьеву о. Иона ставит молчание при заключении Митилинского договора Франции с Турцией, когда католикам было предоставлено преимущество в открытии школ и учреждений на территории Турции. Скандальным представлялось отсутствие посла и Ф. И. Успенского на празднике Торжества православия в Фанаре, при том что в тот же день в РАИКе была назначена лекция монаха-ассомпциониста¹⁸².

Между тем Св. Синод, верный принятому решению, 6 февраля 1910 г. снова решительно потребовал возвращения иеромонаха Павла в Россию. Приехав в Петербург, о. Павел вновь обратился за помощью к И. А. Зиновьеву, теперь состоявшему членом Государственного совета, и тот 5 июня 1910 г. написал обер-прокурору С. М. Лукьянову письмо в его защиту¹⁸³. В своем обращении к обер-прокурору о. Павел характеризует действия о. Ионы как «самоуправное, посредством обмана начальства, лишение меня должностей и службы»¹⁸⁴.

15 июня 1910 г. о. Павел обращается к С. М. Лукьянову с новым пространственным письмом, в котором высказывает свои соображения по вопросу русской церковной политики на православном Востоке. «Есть в нашей церковной жизни одно явление, в высшей степени печального свойства – это все более и более возрастающее обособление, отчуждение нашей церкви от церковной жизни православного Востока, с которым – между тем – мы связаны таким глубоким духовным родством – единством веры и общением благодати. Говорим не об оскудении у нас симпатий „к грекам" к чему весьма многие насмешливо готовы иногда свести дело, а о равнодушии и холодности, проявляемой, по-видимому, в самой церкви, к судьбам православия, и даже христианства на Востоке, по отношению к которым тщательно стараемся держаться в стороне»¹⁸⁵. Далее автор письма снова поднимает многократно обсуждавшийся вопрос о назначении представителя Русской церкви в Константинополь. «Наша церковь и церковное правительство, – продолжает он, – не имеют на православном Востоке ни лиц, ни учреждений даже просто для того, чтобы через них обстоятельно и своевременно знать о происходящих там событиях и переменах в церковной жизни, не говоря уже о лицах и учреждениях, уполномоченных развивать какую-либо деятельность от имени русской Церкви и в ее интересах». Такое положение дел, по мнению о. Павла, совершенно ненормально и лишает Русскую церковь возможности осуществлять непосредственные контакты с Константинопольским патриархатом и влиять на положение дел в нем. В качестве примера он указывал на возникший незадолго до того кипрский церковный вопрос, когда патриархат сам проявил инициативу обратиться к Русской церкви с вопросом об избрании Кипрского архиепископа. «Ясно, что и церкви нашей необходимо иметь на Востоке свои органы, с помощью которых совершалось бы дело правильного осведомления ее относительно тамошней церковной жизни, а затем – и соответствующая деятельность на пользу наших церковных

¹⁸² Там же. Вероятно, речь идет об известном французском византинисте Луи Пти.

¹⁸³ И. А. Зиновьев – С. М. Лукьянову. 5 июня 1910 г. // Там же. Л. 27-27об.

¹⁸⁴ Иером. Павел – С. М. Лукьянову. 3 июня 1910 г. // Там же. Л. 28-29об.

¹⁸⁵ Иером. Павел – С. М. Лукьянову. Санкт-Петербург, 15 июня 1910 г. // Там же. Л. 30-31об.

интересов. Словом, необходимо учреждение на православном Востоке русской церковной миссии. Эта необходимость, созданная некогда, вызвала к жизни так называемую духовную нашу миссию в Иерусалиме. К сожалению, с течением времени иерусалимская миссия, совершенно затертая деятельностью Палестинского общества и по другим причинам, превратилась в простое общежитие монахов-требоисполнителей. А кроме того, Иерусалим хотя и важный, но не самый выдающийся центр церковной жизни на православном Востоке. Таким является – Константинополь, столица, местопребывание „вселенского" патриарха, турецкого парламента, послов великих держав». В заключение он предлагает свою кандидатуру в качестве представителя Русской церкви в Константинополе¹⁸⁶.

Но и на этот раз Св. Синод остался глух к его воззваниям. 19 июля 1910 г. о. Павел назначается смотрителем Торопецкого духовного училища¹⁸⁷, а 19 августа вышел приказ о прекращении переписки о дозволении о. Павлу возвратиться в Константинополь¹⁸⁸. Таким образом, из-за личной ревности и мелких материальных соображений со стороны непосредственного начальника, по одному непроверенному доносу, этот несомненно талантливый и подготовленный для службы на Востоке человек был отстранен от деятельности в Константинополе. Данный случай в истории Русской церкви, к сожалению, не был единичным. Противостояние архимандрита Ионы послу И. А. Зиновьеву, исполненное ссор и обид на личной почве, является отражением как несогласованности позиций МИДа и Св. Синода, так и противоборства двух направлений русской политики – прославянской и русской имперской со стороны посла и Ф. И. Успенского и прогреческой в лице о. Ионы. По-разному понимаемый интерес России на православном Востоке приводил к печальным недоразумениям и открытым конфликтам. Таким образом, очередная возможность сближения России с греческим духовенством была упущена, равно как и очередная попытка учреждения постоянного духовного представительства в османской столице.

После ухода на покой 26 июля 1913 г. архимандрит Иона поселился в своем доме в Галатарии, вблизи храма-памятника в Сан-Стефано. Русское правительство назначило ему пенсию в размере 1000 рублей в год¹⁸⁹. На его место был назначен ректор Тверской семинарии архимандрит Ювеналий (Машковский).

---

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸⁸ Там же. Л. 34-34об.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 83. 2 отд. 3 ст. Д. 79. Л. 15-18об.

Может ли русский архиерей служить в Константинополе? Один канонический казус начала XX века

В 1907 г. по ходатайству российского посла в Риме Муравьева Св. Синодом была учреждена викарная Кронштадтская епископская кафедра для заведования русскими церквами Западной Европы. 28 июня 1907 г. на эту кафедру был назначен епископ Владимир (Путята). Согласно инструкции от 31 июля 1907 г., ему были подчинены все заграничные русские церкви за исключением Константинополя и Афин; мотивом такого исключения было наличие в этих городах древних православных епископских кафедр. Однако по определению Св. Синода от 2/24 сентября 1908 г. еп. Владимиру была дана новая инструкция о включении в сферу его деятельности также Константинополя и Афин. В конце 1908 г. он хотел посетить Афины с целью инспекции русской церкви, но это вызвало большое недовольство со стороны греческого духовенства; в результате поездка не состоялась¹⁹⁰.

Поездка еп. Владимира в Константинополь была запланирована на 1909 г. Поначалу патриарх Иоаким III благосклонно отнесся к этому намерению. Русский посол в Константинополе Н. В. Чарыков высказал мнение, что посещение еп. Владимиром русского храма в принципе возможно, но только при условии соблюдения канонических норм и тех форм, которые считаются патриархией достаточными для предотвращения недоразумения¹⁹¹. Напротив, настоятель русской посольской церкви в Константинополе архимандрит Иона (Вуколов) не находил посещение еп. Владимира целесообразным. Дело в том, писал он, что вопрос обсуждался на заседании патриаршего Синода, и митрополиты Ксанфийский и Писидийский были против допущения Владимира к служению в Константинополе. Они высказывали опасения, что русские хотят поставить в Константинополе экзарха наподобие болгарского, а поминовение еп. Владимира на богослужении противоречит церковным канонам. «Настроение тревожное и опасное», – так резюмировал ситуацию архимандрит Иона; ради церковного мира от посещения нужно отказаться¹⁹². По материалам дипломатической переписки митрополит Санкт-Петербургский Антоний уже подготовил письмо к патриарху Иоакиму III с просьбой о разрешении еп. Владимиру служения в русской церкви, однако в ходе дальнейшего обсуждения возникли разногласия¹⁹³. С одной стороны, в МИДе высказывались мнения, что поскольку русские посольские церкви подчиняются митрополиту Санкт-Петербургскому, а посольства, как и все дипломатические учреждения, пользуются правом экстерриториальности, то никакого разрешения Константинопольского патриарха на служение еп. Владимира вовсе не требуется. Более того, испрашивать подобное разрешение расценивалось как принижение достоинства России¹⁹⁴. Противники этой точки зрения стояли за соблюдение буквы канонов и прав Константинопольского патриаршего престола.

Для того, чтобы решить это недоразумение, при Св. Синоде было созвано особое совещание «для обсуждения вопроса о том, может ли епископ Русской церкви совершать

¹⁹⁰ Там же. Оп. 190. VI отд. 1 ст. Д. 351. Л. 26–27.

¹⁹¹ Письмо от 13 декабря 1909 г. № 92 // Там же. Л. 29.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Письмо митрополита Антония отправлено так и не было. Проект письма: там же. Л. 5–6; чистовой оригинал: там же. Л. 12–12об.

¹⁹⁴ «Русские церкви в Константинополе пользуются вземельностью, и охранение этого порядка представляется с политической точки зрения необходимым. Поэтому является желательным установить: не может ли сказанный принцип быть в некоторой степени нарушен упоминанием в послании митрополита Санкт-Петербургского просьбы Св. Синода о преподании патриархом благословения преосв. Владимиру на совершение богослужения» (А. П. Извольский – С. М. Лукьянову. 31 декабря 1909 г. № 1232 // Там же. Л. 7–8).

богослужение в русском храме, находящемся в епархии греческого епископа, без его разрешения». Во главе совещания был поставлен архиепископ Ярославский Тихон (Беллавин), будущий патриарх – членами его были назначены чиновники Св. Синода В. И. Яцкевич, Н. Ф. Марков, профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. И. Соколов и канонист С. В. Троицкий. Заседание совещания состоялось 25 января 1910 г. За исключением С. В. Троицкого, все высказались за необходимость получения еп. Владимиром разрешения на служение от Иоакима III.

В качестве аргументов приводились примеры из недавнего прошлого: случаи служения русских духовных лиц на Востоке без получения соответствующего благословения, которые неизменно заканчивались более или менее конфликтными ситуациями. Так, настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме митрополит Кирилл (Наумов) в 1857 г. служил в Константинополе в болгарской церкви, что было воспринято в патриархате как нарушение канонов. В 1907 г. случился инцидент при освящении храма Св. Георгия в Мерсинджике близ Смирны. Чесменский митрополит Феоклит не признавал церковь русской, ни разу не помянул на богослужении имени российского императора и пытался отстранить настоятеля посольской церкви о. И. Говядовского от участия в освящении. Причиной этого недоразумения было отсутствие канонической грамоты к Вселенскому патриарху¹⁹⁵. В. И. Яцкевич указал также на другие случаи подобного рода из истории русского духовенства в Иерусалиме. При назначении начальника Русской духовной миссии архимандрита Рафаила в 1894 г. отсутствие канонической грамоты от Российского Св. Синода вызвало большие затруднения при его представлении патриарху и осложнило налаживание между ними хороших отношений.

Аналогичные требования выдвигались и с русской стороны при назначении представителей восточных патриархатов в Москву. В 1898 г. Иерусалимский патриарх Дамиан возвел в сан архиепископа Неаполийского настоятеля Иерусалимского патриаршего подворья в Москве архимандрита Арсения. По этому поводу К. П. Победоносцев писал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу (письмо от 28 ноября 1898 г.), что «такое назначение, состоявшееся без предварительного сношения с императорским правительством и с Св. Синодом, представляется [...] назначением донныне небывалым и весьма неудобным». До тех пор настоятелями подворий назначались только архимандриты. В результате представленные Арсением грамоты от патриарха Дамиана заслушаны не были, а сам он был отозван из Москвы¹⁹⁶.

Далее в докладе В. И. Яцкевича подробно анализируется случай с проектом посещения еп. Владимиром русской церкви в Афинах в 1909 г. Духовенство Элладской церкви утверждало, что согласно 28 правилу IV Вселенского собора один только Вселенский патриарх имеет право посылать епископов в «варварские страны»¹⁹⁷. Это правило в данном случае истолковывалось в том смысле, что один только Вселенский патриарх из всех глав автокефальных церквей может посылать епископов в чужие, неправославные края. Что касается государств православных (Россия, Сербия, Греция, Черногория и Румыния), то и сам Константинопольский патриарх не имеет права посылать в них епископов. Назначение епископа Владимира в Рим и подчинение ему русских церквей в Афинах и Константинополе, таким образом, по мнению греческого Синода, нарушает 28 правило Четвертого собора в обеих его

¹⁹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁹⁶ Там же. Л. 35об.

¹⁹⁷ «Посему токмо митрополиты областей, понтийския, асийския и фракийския, и також-де епископы у иноплеменников вышереченных областей, да поставляются от вышереченного святейшего престола святейшия константинопольския церкви». См.: Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1994. Т. 1. С. 393–394. 28-е правило Халкидонского собора знаменито тем, что приравнивает Константинопольский престол к Римскому, как престолу царствующего города.

частях. Нарушается в данном случае и правило Первого (Никейского) вселенского собора, запрещающее православному епископу осуществлять свою власть в пределах чужой епархии¹⁹⁸. Прибытие еп. Владимира в Афины является недопустимым и в силу 35 правила Св. Апостолов, которое запрещает епископу посещение чужой епархии для упорядочения церковных дел под угрозой отлучения¹⁹⁹. Национальность, а, следовательно, экстерриториальность посольских храмов канонами не признается. Митрополит Санкт-Петербургский или уполномоченный им иерарх является в отношении к русскому духовенству в Афинах лишь дисциплинарным начальником, следовательно, без права совершения священнодействия в чужой епархии. «Фактически на тайном совещании у митрополита Афинского, состоявшемся в ноябре прошлого года, приняты были [...] следующие заключения: русских зарубежных епископов, а вместе с ними и подчиненное им духовенство (в Америке и Японии) в сущности нельзя признать каноническими; исключение делается в пользу посольских принтов, которые считаются правильно поставленными; русского епископа не следует допускать в Афины «ради покоя». Окончательное гласное решение вопроса откладывается ввиду того, что Греция нуждается в поддержке России в Критском деле»²⁰⁰.

Профессор Петербургской духовной академии И. И. Соколов в своем докладе дал подробное историческое и каноническое обоснование необходимости согласования вопроса о посещении еп. Владимиром Константинополя со Вселенским патриархом. «Русский епископ не может совершать богослужение в храме русского посольства в Константинополе без разрешения патриарха Иоакима III, в епископии которого этот храм находится», – утверждал он. Каноническое обоснование этому содержится в 34 Апостольском правиле²⁰¹, 3 и 20 правилах Сардикийского собора²⁰², Номоканоне Фотия (VIII, 3)²⁰³, 32 правиле Карфагенского собора²⁰⁴ и 33 Апостольском²⁰⁵. Эти правила подтверждаются практикой на Востоке. Так, например, Неапольский архиепископ Арсений был назначен настоятелем Святогробского подворья в Константинополе только после согласования вопроса между обоими патриархами. Факты подобного рода известны начиная с XIV в. И. И. Соколов резко опровергает позицию министра иностранных дел: «Церковные каноны не знают прав экстерриториаль-

¹⁹⁸ 15 правило Первого вселенского собора запрещает епископам, пресвитерам и диаконам переходить из города в город и совершать там богослужения. См.: Правила Православной церкви... Т. 1. С. 225–226.

¹⁹⁹ «Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творити рукоположения во градах и в селах, ему не подчиненных». См.: Правила Православной церкви... Т. 1. С. 101.

²⁰⁰ Здесь В. И. Яцкевич цитирует письмо посланника в Афинах от 23 февраля 1909 г. на имя товарища министра иностранных дел. Там же. Л. 36–37об. В ходе восстания греков Крита против турецкого господства в 1905–1906 гг. на остров прибыли международные миротворческие силы (отряды Франции, Италии, Австрии и России). После проведения реформ в 1907 г. было принято решение о выводе иностранных военных сил с острова. Эвакуация продолжалась с 1 июля 1908 до января 1909 г. В 1909 г. продолжались переговоры русской дипломатии с турецкими властями об окончательном решении критского вопроса в пользу Греции. См.: *Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 140–143.

²⁰¹ «Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест, к ней прилежащих». См.: Правила Православной церкви... Т. 1. С. 98.

²⁰² «...да никто из епископов не приходит из своей области в иную область, в которой есть свои епископы, разве токмо будет позван от братьев находящихся в оной...» (Там же. Т. 2. С. 119–120). «Если каждый из нас, поставленных епископами на припутях, или на путях водных, увидев епископа, вопрошати будет о причине мимоществия, и куда направляет он путь» (Там же. Т. 2. С. 141).

²⁰³ «Епископы должны тщательно исследовать причины путешествия тех епископов, которые проходят через их страну» (Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2 / Рус. пер., предисл. и прим. В. Нарбекова. Казань, 1899. С. 28).

²⁰⁴ «Епископы не иначе да отходят за море, как по разрешению своего по каждой области епископа первого престола, то есть, взяв преимущественно от самого первенствующаго епископа так называемую отпустительную грамоту, или одобрение» (Там же. Т. 2. С. 169).

²⁰⁵ «Не принимати никого из чужих епископов, или пресвитеров, или диаконов без представительных грамоты» (Там же. Т. 1. С. 97).

ности. Этот термин политического или дипломатического происхождения и к церковным учреждениям неприменим», – заявляет он. Иного свойства права ставропигии, которые не исключают распространения церковной власти на храм. В русской посольской церкви за богослужением возносятся имена: 1) патриарха; 2) Св. Синода; 3) митрополита Санкт-Петербургского Антония. «О каком же принижении или умалении церкви, духовной власти или епископа может быть речь там, где дело идет о соблюдении церковных канонов? – восклицает Соколов. – Напротив, исполнение канонов возвысит нас, русских, в представлении греков. Что бы у нас ни говорили о греках, но они, несомненно, всегда стремятся устроить церковную жизнь по канонам, и в этом – большая их заслуга. И я полагаю, что, если пребывание русского епископа в Константинополе будет обставлено всеми каноническими условиями и требованиями, то это может принести большую пользу в отношении братского единения двух православных церквей – Русской и Константинопольской», – заключает он. В данный конкретный момент, однако, поездку следует скорее отложить ввиду происшедшего разлада между Иоакимом III и патриаршим синодом²⁰⁶.

Если В. И. Яцкевич представлял доводы церковно-политического характера, И. И. Соколов – историко-канонического, то С. В. Троицкий в своей специально подготовленной для заседания записке старался обосновать позицию, занимаемую в данном вопросе МИДом. К данному вопросу, утверждал он, нужно применять не каноны об отношении епископа чужой епархии к епископу местному, а о сообразовании церковного устройства с политическим. Русские церкви и приходы за границей являются экстерриториальными (посольскими) и не входят в состав греческих епархий и возглавляются русским же епископом, сохраняющим всю полноту своих прав, независимо от того, проживает ли он в России или за границей. Поэтому испрашивать разрешения на богослужение у местных архиереев епископы русской диаспоры не должны. Сложность, по мнению Троицкого, заключается в том, что «церковная независимость русской диаспоры не всегда ясно понимается на Востоке, и наша церковь, не заботясь иногда о выяснении своей точки зрения и в видах мира церковного соглашаясь иногда с ограничениями этой независимости, как бы признавала притязания восточных иерархов правильными». Примером подобного рода может служить, как указывал Троицкий, случай освящения храма на Шипке в Болгарии, когда епископ Старозагорский требовал участия в освящении, и русское правительство уступило²⁰⁷. «Поэтому следовало бы, – продолжал Троицкий, – не подтверждая новой уступкой несправедливых притязаний, в то же время позаботиться о том, чтобы служение русского епископа без разрешения не вызвало конфликта с местными патриархами». Для этого можно представить рекомендательные грамоты, данные епископу Кронштадтскому; предварительный разговор с патриархом может провести российский посол, имеющий на него большое влияние. Нельзя не отметить также тот факт, что настоятели греческой посольской церкви Св. Димитрия Солунского в Петербурге не испрашивают разрешения на служение у митрополита Санкт-Петербургского. «Испрашивать письменное разрешение на богослужение у патриарха от имени Св. Синода – это значит подвергать опасности самое существование русских церквей в Константинополе. Иоаким III, бесспорно, даст это разрешение, но менее благосклонный к России его преемник

²⁰⁶ Там же. Л. 31-33об. В 1908 г. в Константинополе произошел патриарший кризис. В Синоде возникли разногласия по вопросу об уставе церкви Боснии и Герцеговины (в связи с боснийским кризисом), которые явились поводом к активизации партии противников Иоакима III. И. И. Соколов говорит о том, что визит еп. Владимира в Константинополь может оказать негативное влияние на патриаршие дела, послужить дополнительным аргументом для противников Иоакима и привести к свержению патриарха-русофила.

²⁰⁷ Освящение русского храма на Шипке в 1902 г. произошло в сослужении русского духовенства с митрополитом Старозагорским Мефодием (Кусевичем). Факт сослужения русских священников со схизматическим болгарским архиереем, явившийся предметом длительной предварительной дискуссии, вызвал протест со стороны константинопольского синода, однако по политическим соображениям официальный протест из патриархата послан не был. См. подробнее об этом в соответствующей главе.

может этого разрешения и не дать не только епископу русскому, но и священникам. В каком положении будут тогда эти церкви?» – завершает свой доклад Троицкий²⁰⁸.

Заслушанная на заседании комиссии записка С. В. Троицкого подверглась критике со стороны И. И. Соколова, который находил «прочитанную С. В. Троицким записку по обсуждаемому нами вопросу [...] тенденциозной, так как автор, неправильно понимая природу канонов, извращает их подлинный смысл, подтасовывает исторические примеры, а своим заключением толкает русского епископа в какую-то авантюру»²⁰⁹. Не нашла она сочувствия и у других членов комиссии. Заключением комиссии было «признать ныне неблагоприятным посещение Константинополя преосвященным Владимиром» по двум основным причинам политического характера: эта поездка вызвала нежелательные слухи среди греческого населения; в настоящее время произошел конфликт между патриархом Иоакимом III и синодом и невозможно предвидеть, чем закончится этот кризис в патриархате. На будущее было постановлено обязательно снабдить ея. Владимира рекомендательной грамотой к патриарху, у которого он должен будет при первом же представлении по прибытии в Константинополь испросить разрешение, «хотя бы словесно», на совершение богослужения²¹⁰.

За этим совещанием последовал указ Св. Синода 12 февраля / 7 августа 1910 г. об изъятии из ведения еп. Кронштадтского русских церквей в Афинах и Константинополе, оставив их по-прежнему в ведении митрополита Санкт-Петербургского²¹¹. Наконец, указом Св. Синода от 28 февраля / 21 марта 1911 г. викарная Кронштадтская кафедра была вовсе упразднена, а епископ Владимир был переведен на Омскую кафедру. Для наблюдения за русскими церквами в Западной Европе было решено учредить, кроме существующей, еще одну должность благочинного²¹².

Данный эпизод является очередной иллюстрацией разногласия по вопросам церковной политики между российским МИДом и Св. Синодом. В напряженной ситуации на Ближнем Востоке начала XX в. традиционный для Русской церкви осторожный подход большинства членов комиссии, несомненно, предотвратил возникновение еще одной взрывоопасной ситуации между Россией и Константинополем. Позиция грубой силы, которой придерживался министр иностранных дел и С. В. Троицкий, была здесь очевидно неуместной и даже опасной.

---

²⁰⁸ Текст записки (автограф С. В. Троицкого): там же. Л. 41–46.

²⁰⁹ Там же. Л. 38об.

²¹⁰ Там же. Л. 39-39об.

²¹¹ Там же. Л. 53–55.

²¹² Там же. Л. 85-85об.

Русская школа в Константинополе

В 1889 г. в среде русского посольства возникла идея о создании в Константинополе русской школы для детей русских подданных, а также славянской молодежи столицы, Румелии и Македонии. Школа, созданная по типу реальных и коммерческих училищ, была открыта в 1891 г. с программой двухклассных городских училищ; на ее содержание МИД назначил субсидию в размере 4000 рублей в год из доходов имений монастырей в Бессарабии. В 1901 г. эта школа была преобразована в русское училище с пятилетним курсом, а субсидия была увеличена до 6000 рублей в год. Путем пожертвований было также собрано до 100 000 рублей. В 1903 г. МИД поднял вопрос о преобразовании школы, согласно местным потребностям, в русское училище с более широким курсом преподавания и с присвоением как учащим, так и учащимся в этом училище некоторых прав по государственной службе. МИД признавал за русским училищем в Константинополе «существенное политическое значение, так как оно дает возможность проживающим там русским подданным не отдавать своих детей на воспитание в многочисленные коллегии всевозможных католических братств и протестантских духовных миссий, где они подвергаются несомненной опасности сделаться жертвой инославной пропаганды». Проект школы был препровожден директору РАИКа Ф. И. Успенскому, который одобрил его с одной поправкой касательно законоучителя: последний, по мнению Федора Ивановича, должен быть из выпускников русских духовных академий и утверждаться директором РАИКа. Синод на своем заседании 14 января 1905 г. принял поправку Успенского, но оставил право утверждения кандидатуры законоучителя за митрополитом Санкт-Петербургским²¹³. По рекомендации Ф. И. Успенского в 1906 г. законоучителем в коммерческое училище был назначен иеромонах Павел (Вильковский).

Другим русским заведением, носившим в значительной степени благотворительный характер для местного населения независимо от национальности и вероисповедания, был русский Николаевский госпиталь в Константинополе, основанный в 1875 г. и существовавший до начала Первой мировой войны. Для беднейших больных здесь производилась бесплатная выдача лекарств и прием врачей. Количество больных в 1890-е гг. колебалось от 400 до 450 чел., а приходящих на прием было более 8000 в год²¹⁴.

---

²¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 185. VI отд. 1 ст. Д. 5930.

²¹⁴ Хохлов А. Н. Документы русского госпиталя в Константинополе. Из истории русско-османских гуманитарных связей во второй половине XIX – начале XX в. // Османский мир и османистика. Сборник статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 177–194.

Россия и Константинопольский патриархат. Церковная политика 1901–1914 гг.

Константинопольский патриархат при Иоакиме III (второе патриаршество, 1901–1912)

Патриарх Константин V (1898–1901) занимал по отношению к России сдержанную, почти враждебную позицию²¹⁵. Поэтому русская дипломатия ждала очередного патриаршего кризиса, чтобы поддержать избрание на престол Иоакима III, который в первое свое патриаршество (1878–1884) зарекомендовал себя как сторонник гибкой политики в национальном вопросе и друг России²¹⁶. Основания для таких ожиданий были: 6/19 октября 1900 г. посол И. А. Зиновьев докладывал о шаткости положения Константина V. 7 из 8 членов Смешанного совета и 8 из 12 членов Синода обвиняли его в равнодушии к церковным делам и бездействию в вопросе захвата турками монастырских имуществ. Главным оппонентом патриарха был митрополит Каллиник Дерконский, который не выступал против него открыто только из опасения возведения на патриарший престол Иоакима III. Члены Синода боялись твердого характера Иоакима, поэтому, как опасался Зиновьев, в случае новых патриарших выборов трудно было ожидать его избрания²¹⁷. Патриарший кризис наступил несколько позднее, в марте 1901 г. Иоакимисты ждали Пасхи, чтобы начать действия по свержению Константина. Они хорошо знали, что Иоаким не пользовался доверием Абдул-Гамида, но надеялись, что султан уступит единодушному желанию греков, если российское посольство окажет им поддержку. На заявления оппозиции Зиновьев уклончиво отвечал, что не считает возможным вмешиваться во внутренние дела греков, но готов оказать им поддержку, если она понадобится для обеспечения интересов православной церкви²¹⁸. 27 марта 1901 г. 8 членов патриаршего Синода и 6 членов Смешанного совета составили постановление о низложении патриарха Константина; он отказался подчиниться этому решению. Противники Константина рассчитывали на помощь со стороны русского посольства: в тот же день к Зиновьеву по поручению членов Синода прибыл митрополит Леросский Иоанн, который передал от имени Синода просьбу о посредничестве перед султаном. «Положение дела весьма щекотливо, почему мне приходится действовать с большой осмотрительностью», – писал Зиновьев²¹⁹.

²¹⁵ О нем см.: Σταυρίδου Β. Θ. Οι Οικουμενικοί πατριάρχαι 1860-σήμερον. Θεσσαλονίκη, 1977. Σ. 378–419; Μαυροπούλου Δ. Πατριарχικά σελίδες. Αθήνα, 1960. Σ. 32–44; Παπαδοπούλου Γ. Η σύγχρονος ιεραρχία της Ορθοδόξου Ανατολικής Εκκλησίας. Σ. 442–450; Герд Л. А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке. 1878–1898. М., 2006. С. 87–91.

²¹⁶ Об Иоакиме III и борьбе партии иоакимистов за его вторичное избрание на патриарший престол см.: Σταυρίδου Β. Θ. Οι Οικουμενικοί πατριάρχαι 1860-σήμερον. Σ. 228–292; Σπανούδη Κ. Π. Ιστορικά σελίδες. Ιωακείμ ο Γ΄. Θεσσαλονίκη, 2002; Νικολάου Η. Εκ του αρχείου Στεφ. Δραγούμη: άγνωστη αλληλογραφία περί του Οικουμενικού Πατριάρχου Ιωακείμ Γ΄ // Δημητρία ΚΖ΄. Επιστημονικό συμπόσιο Χριστιανική Μακεδονία. Ο απο Θεσσαλονίκης Οικουμενικός Πατριάρχης Ιωακείμ Γ΄ ο Μεγαλοπρεπής. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 213–221.

²¹⁷ РГИА. Ф. 797. Он. 70. 2 отд. 3 ст. Д. 18. Л. 159-162об.

²¹⁸ Дешча И. А. Зиновьева 23 марта/5 апреля 1901 г. № 67 // РГИА. Ф. 797. Оп. 71. 2 отд. 3 ст. Д. 133. Л. 2-4об.

²¹⁹ Секр. телегр. И. А. Зиновьева. 28 марта 1901 г. // Там же. Л. 5.

Патриарх Иоаким III

В отличие от 1880-х гг., когда Иоаким III имел в Греции открытого противника в лице премьер-министра Х. Трикуписа, в начале XX в. партия противников патриарха уступила место движению в пользу его избрания. Греческий министр иностранных дел заявлял русскому посланнику в Афинах М. К. Ону о том, что он всегда был поклонником Иоакима и радовался бы его возвращению на патриарший престол.

Тем не менее, греческое правительство предписало своему представителю в Константинополе держаться в стороне от агитации, сопровождающей патриаршие выборы. Русское посольство со своей стороны не могло не приветствовать нейтральную позицию Афин²²⁰.

Итак, перевес партии иоакимистов был очевиден. Оставалось только обеспечить согласие Порты – существовали серьезные опасения, что турецкое правительство могло вычеркнуть его имя из избирательных списков²²¹. В этом вопросе поддержку Иоакиму III оказало русское посольство. За несколько дней до начала выборов поверенный в делах посольства Ю. Н. Щербачев встретился с великим визирем, министром иностранных дел и первым секретарем султана, «чтобы еще раз привлечь их внимание на опасения здешних греков относительно возможности исключения Портой из списка кандидатов имени Св. Иоакима»²²². Вмешательство посольства возымело свое действие: Иоаким из списков исключен не был, и уже 27 мая 1901 г. представитель патриарха в Москве архимандрит Иаков докладывал К. П. Победоносцеву о вторичном избрании Иоакима III на Константинопольский патриарший престол²²³.

С избранием Иоакима III совпало посещение Болгарии и Константинополя великим князем Александром Михайловичем. Визиты членов императорской фамилии всегда имели положительное значение для укрепления связей России с восточной иерархией. На этот раз греческое духовенство также воспользовалось случаем для выражения симпатий представителю русского царствующего дома. Греческий митрополит Анхиальский Василий, не имея возможности лично поздравить князя с прибытием в Болгарию, отправил к нему депу-

²²⁰ Деша М. К. Ону. Афины, 18 апреля 1901 г. № 18 // Там же. Л. 13–14.

²²¹ Деша Ю. Н. Щербачева 12/25 мая 1901 г. № 121 // Там же. Л. 18-18об.

²²² Деша Ю. Н. Щербачева 26 мая/7 июня 1901 г. // Там же. Л. 28–32.

²²³ Там же. Л. 26-26об.

тацию из двух священников и одного мирянина. В Константинополе Иоаким III принес ему поздравление с благополучным прибытием через депутацию из митрополитов; личная встреча с патриархом, правда, не состоялась из-за краткости пребывания Александра Михайловича в османской столице²²⁴.

Российский МИД возлагал на избрание Иоакима большие надежды. После русско-турецкой войны Иоаким был единственным патриархом, который, не будучи открытым русофилом, твердо и последовательно проводил удобную для России наднациональную церковную политику, направленную на примирение враждующих православных народов Балкан²²⁵. Вместе с тем он отличался твердым характером и пользовался авторитетом как у греческого населения, так и у турецкого правительства. Избравшиеся после него патриархи не были такими яркими личностями; некоторые из них (Иоаким IV (1884–1886), Дионисий V (1887–1890), Константин V (1898–1901)) придерживались открыто антирусских позиций, а в целом благоприятно настроенный к России Неофит VIII (1891–1894) был патриархом слабым и бесхарактерным. В результате их управления произошло дальнейшее ослабление позиций православной церкви в Османской империи, самые насущные церковные вопросы не находили разрешения. Контакты русского правительства и церкви с Константинопольской патриархией были эпизодическими и сводились к минимуму. Россия была скована и фактически лишена возможности воздействовать на балканскую политику официальным путем, через церковную иерархию. Тем не менее, как русская дипломатия, так и сам Иоаким III понимали, что ситуация к началу XX в. изменилась, и выполнение главной задачи патриарха – «возвести Церковь на должную высоту», – встретит многочисленные затруднения²²⁶.

Первым значительным актом, знаменовавшим восшествие на престол Иоакима III, было его окружное послание 30 июля 1902 г. к поместным православным церквям. В этом послании патриарх призывал весь православный мир сообща решить важнейшие догматические и церковные вопросы настоящего момента. Самым важным пунктом для обсуждения Иоаким считал налаживание постоянных контактов между церквями. Кроме того, ставились на обсуждение вопросы отношений с католиками и протестантами, старокатоликами и введение нового (григорианского) календаря²²⁷. В депеше поверенного в делах константинопольского посольства Щербачева говорилось, что вопрос о замене юлианского календаря григорианским в последние годы неоднократно обсуждался в Константинополе и составил предмет целой серии публичных лекций, прочитанных в «Эллинском силлоге» членом болонской академии наук Тондини ди Кваренги. Греческая печать Константинополя также не раз ставила этот вопрос на очередь, причем высказывалась в пользу принятия нового стиля²²⁸.

В своем ответе Русская церковь поддержала инициативу более тесного общения между церквями. В отношении католиков и протестантов Св. Синод призывал проявлять бдитель-

²²⁴ Церковные ведомости. Прибавления. 1901. № 38. С. 1397–1398.

²²⁵ В 1880–90-е гг. противники Иоакима часто обвиняли его в русофильстве и даже измене греческим национальным интересам. Эти обвинения были, как правило, безосновательны. См.: Κυρμελής Γ. Ἦτο πράγματι ρωσόφιλος ὁ Ἰωακείμ Γ' // Δημητρία ΚΖ'. Επιστημονικό συνέδριο Χριστιανική Μακεδονία. Ο αὐτοῦ Θεσσαλονίκης Οἰκουμενικός Πατριάρχης Ἰωακείμ Γ' ο Μεγαλόπρεπτης Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 201–210; Герд Л. А. Был ли русофилом Константинопольский патриарх Иоаким III? // XXI богословская конференция ПСТГУ. Москва, 17–23 ноября 2010 г. Материалы. Т. I. М., 2011. С. 172–181.

²²⁶ Депеша И. А. Зиновьева. 5/18 июня 1901 г. № 146. Л. 35–36об.

²²⁷ Оригинал послания Иоакима III российскому Св. Синоду. № 3636. 30 июля 1902 г., с подписями патриарха и членов Синода // РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 1–5об. Русский перевод: там же. Л. 6–10об. Предложения Иоакима по календарному вопросу и ответы на них глав автокефальных церквей использовались И. И. Соколовым в его докладе «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря», предложенном для обсуждения на 71 заседании поместного собора Русской церкви 1917–1918 гг. (27 января 1918 г.). См.: Календарный вопрос. Сборник статей / Сост. А. Чхартишвили. М., 2000. Приложение (=Материалы Всероссийского Поместного собора // Богословские труды / Изд. А. Г. Кравецкий. 1998. № 34).

²²⁸ Депеша Ю. Н. Щербачева 19 июля/1 августа 1902 г. № 161 // РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 12–13об.

ность ввиду их активного прозелитизма на Востоке. Несколько иным образом, говорилось в ответном послании, относятся к православию англикане. За редкими исключениями, они не стремятся обращать православных христиан, признают Восточную церковь хранительницей отеческих преданий. Поэтому есть некоторая надежда на возможность церковного единения с ними в будущем. Что касается старокатоликов, то в России была учреждена комиссия, изучавшая возможность единения с ними²²⁹. Однако старшие деятели этого движения уходят из жизни, а младшие не столь тверды в церковности и склонны к протестантскому образу мыслей. Вот почему Русская церковь «начинает с некоторой тревогой смотреть на будущее этого движения: устоят ли старокатолики в своем первоначальном решении принадлежать только подлинной Вселенской церкви и стремиться к единению с ней» или же создадут свою собственную церковь. Что касается нового стиля, то для исследования этого вопроса в России также работали две комиссии: ученая и церковная. «Применение нового стиля в одном гражданском летосчислении, без изменения Пасхалии и без передвижения церковных праздников и с одним переименованием чисел применительно к новому стилю... конечно, особенно не затронет церковных интересов, так как в церковной практике останется во всей силе календарь Юлианский». Тем не менее, авторитетные ученые считают юлианский календарь более осмысленным и состоятельным; поэтому духовное ведомство поддерживает его сохранение²³⁰. В заключение обращается внимание на оскудение любви внутри православной Церкви. В ней происходят раздоры и «разделение, иногда доходящее до разрыва церковного общения». Далее звучит определенный призыв к патриарху преодолеть болгарскую схизму. Нужно снова привлечь в лоно Церкви этих людей, близких по культуре, нравам, обычаям, складу церковной жизни и благочестия²³¹.

²²⁹ Указом Св. Синода от 15 декабря 1892 г. в Петербурге была образована комиссия под председательством архиепископа Финляндского Антония для выяснения условий и требований, какие могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами, ищущими общения с православной восточной церковью. Заключение комиссии в 1894 г. было проведено утрехтскому архиепископу Гулю и рассмотрено в Роттердаме на конференции старокатолических епископов. Мнение «Роттердамской комиссии», принятое в 1896 г. на конференции в Бонне, вызвало в 1897 г. ответы Санкт-Петербургской комиссии, в которых высказывалось пожелание скорейшего осуществления сближения церквей. Окончательного соглашения не было выработано ни в тот момент, ни в ходе дальнейших переговоров 1900-х годов. См.: Старокатолический вопрос в новейшее время. Казань, 1899; *Красножен М.* Происхождение старокатолицизма и IV старокатолический интернациональный конгресс в Вене. Юрьев, 1898.

²³⁰ В 1899 г. при Астрономическом обществе работала комиссия по вопросу о реформе календаря в России, в состав которой входили Д. И. Менделеев и В. В. Болотов. «Принимая во внимание, что 1) в 1830 г. ходатайство Императорской Академии наук о введении в России григорианского календаря было отклонено императором Николаем I и что 2) православными государствами и всем православным населением Востока и Запада отвергались попытки представителей католицизма ввести в России григорианский календарь, комиссия единогласно постановила отклонить все предложения о введении в России григорианского календаря и, не стесняясь выбором реформы, остановиться на той, которая совмещала бы в себе идею истины и возможной точности, как научной, так и исторической, применительно к христианскому летосчислению в России». См.: Русское астрономическое общество. Постановления комиссии по вопросу о реформе календаря в России. СПб., 1900. С. 3; Календарный вопрос. Сборник статей / Сост. А. Чхартишвили. М., 2000.

²³¹ Копия ответного послания российского Св. Синода патриарху Иоакиму III. РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 29-34об.

Константинопольский патриархат. Храм Св. Георгия

Сербская, Черногорская и Румынская церкви отправили свои ответы после получения текста ответа Русской церкви, чтобы по возможности согласовать свои ответы с ним или, по крайней мере, не противоречить ему. Тем более интересны предварительные соображения по поводу ответа, которые высказывались первоиерархами соответствующих церквей до составления официальных текстов ответов. В ответах автокефальных церквей на энциклику Иоакима III проявилось как их отношение к Константинопольскому патриархату, так и к Русской церкви. Ответ Черногорской церкви, как и следовало ожидать, полностью повторял точку зрения Русского Св. Синода. Черногорский митрополит Митрофан, как писал российский посланник в Цетинье, ставил свой ответ Иоакиму III «совершенно согласно с тем, какой был дан Его Святейшеству нашим Св. Синодом»²³².

Несколько сложнее обстояло дело с Сербской церковью. Мнение Сербской церкви в этом вопросе было для России тем более важным ввиду того, что сербское православие являлось на тот момент единственной признаваемой Константинополем опорой для русского влияния на Балканах. Сербская церковь, писал П. Б. Мансуров, «питается духовно из русских источников, русские порядки для нее являются авторитетными, в русских учебных заведениях получают или доканчивают свое образование высшие представители Сербской церкви. Таким образом, в наших руках находятся могущественные средства влияния на народные понятия и душу сербского народа в самой их глубине, и на нас ложится известная доля ответственности за направление, в котором это воздействие проявляется»²³³. Однако проавстрийская политика правительства Милана Обреновича была направлена на ограничение самостоятельности Церкви, в результате чего она не имела того влияния на народ, какое было бы желательно, да и уровень духовенства оставлял желать лучшего. Кроме того, как и у других балканских народов, в Сербии православие отождествлялось с национальной идеей и служило знаменем борьбы за национально-церковную самостоятельность, что заранее обрекало на неуспех любые попытки межцерковного диалога с греками. Страх перед опасностью католической пропаганды, за которой стояла Австро-Венгрия, не позволял Сербской церкви даже ставить вопрос о контактах со старокатоликами, а опасение внутренних смут заставляло проявлять крайний консерватизм во всех других вопросах, в том числе реформы календаря. Сербский митрополит Иннокентий, хотя и ориентированный на мнение Рос-

²³² Деша А. Н. Щеглова. Цетинье, 23 июня/6 июля 1903 г. № 45 // РГИА. Ф. 797. Оп. 72.2 отд. 3 ст. Д. 26. С. 51.

²³³ Деша П. Б. Мансурова. Белград, 13 августа 1902 г. № 76. // РГИА. Ф. 797. Оп. 72. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 77-77об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 16-16об., 18-18об.; Записка о положении православной церкви в Сербии. Л. 19–24.

сии, имел по поводу предложений Иоакима III некоторые особые суждения, высказанные им еще до составления официального текста ответа в частной беседе П. Б. Мансурову. Относительно старокатоликов митрополит Иннокентий высказал мысль, что в этом вопросе необходима большая осторожность, так как он подозревает, что старокатолическое движение, быть может, является «измышлением, посредством коего Римская церковь желает уловить Православную». Касательно календаря митрополит заявил, что в Сербии он уже служил предметом работы двух комиссий— духовной и ученой. Любые изменения в этом отношении могут производиться, на его взгляд, с большой осторожностью как в России ввиду старообрядцев, так и в Сербии из-за опасения смущения в народе. Наибольший скепсис проявил митрополит в вопросе возможности активизации межцерковных контактов. Высказанное Иоакимом III пожелание большего взаимного общения в среде самой православной Церкви, на его взгляд, является набором бессодержательных фраз. Вся новейшая история Сербской церкви направлена на развитие ее самостоятельности, в чем она полагает свою гордость. Наступившее затем снижение ее культурного уровня и уровня религиозности народа не дает ей чувствовать вреда для нее самой. «Вряд ли поэтому, – с сожалением комментировал Мансуров, – возвышенные стремления Св. Иоакима встретят в ней, без внешнего указания, не только благоприятную оценку, но и простое понимание»²³⁴. Тем не менее, после ознакомления с посланием Русской церкви, сербский архиерейский собор счел необходимым согласовать с ним свой ответ. Сербская церковь заявляла о желательности присоединения старокатоликов к православной церкви; в вопросе календаря сербские архиереи воздерживались от высказывания определенного мнения и предоставляли его компетенции ученых и специалистов. «Нельзя не отметить, – с удовлетворением писал по этому поводу русский поверенный в делах в Белграде, – что взгляды сербских архипастырей в этом случае проникнуты большой терпимостью и просвещением»²³⁵.

Митр. Иннокентий (1898–1905) не вызывал симпатий ни у русского правительства, ни у своего народа. В 1904 г. недовольство его управлением перешло в открытые призывы с требованием отставки. «Нынешний сербский митрополит, – писал по этому поводу русский посланник в Белграде К. А. Губастов, – далек от того идеала, к которому должен стремиться иерарх его положения. Не особенно образованный, хотя и окончивший Киевскую духовную академию, он всегда отличался слабоволием, пристрастием к придворной жизни и оппортунистическими наклонностями в сфере политической, вследствие чего нередко, при постоянных переменах в сербских режимах и программах деятельности, вытекали не особенно достойные и тактичные последствия». С таким мнением соглашался и министр духовных дел Николич²³⁶. «Смерть этого иерарха не вызвала сожаления в стране», – писал Губастов по поводу кончины Иннокентия²³⁷.

Нежелание вступить в более тесные контакты с Константинополем проявил и румынский архиерейский Синод, который, по сути, отказался обсуждать вопросы патриарха. «Если Синод не желает распространения католичества в Румынии, то тем более ему неуместно давать повод к усилению антирелигиозных чувств в народе, возбуждая в нем сомнения совершенно лишними прениями и разговорами». Что касается реформы календаря, то, по мнению румынских архиереев, «в Румынии все свыклись с Юлианским счислением и

²³⁴ Деша П. Б. Мансурова. Белград, 13 августа 1902 г. № 75 // РГИА. Ф. 797. Оп. 72. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 75-75об.

²³⁵ Донесение А. Муравьева-Апостола-Коробина // Там же. Л. 54-54об. Текст ответного послания Сербского архиерейского собора Вселенской патриархии. Там же. Л. 55-58об.

²³⁶ Донесение К. А. Губастова. 14 декабря 1904 г. № 89 // РГИА. Ф. 796. Оп. 186. VI отд. Ст. Д. 5786. Л. 2-3об.

²³⁷ Деша К. А. Губастова. 31 мая 1905 г. № 29 // РГИА. Ф. 796. Оп. 186. VI отд. 1 ст. Д. 5902. Л. 2–3.

неудобства, происходящие от этого, ничтожны сравнительно с вредом, могущим последовать для Церкви от неосторожного перехода к Грегорианскому календарю»²³⁸.

Ожиданием положительных шагов в деле примирения с болгарами и проведения более согласной с видами русского правительства политики, по-видимому, следует объяснить еще один небольшой акт помощи Вселенской патриархии, относящийся к середине 1903 г. 1 мая 1903 г. Иоаким III обратился к российскому Св. Синоду с просьбой разрешить строительство часовни для совершения молебнов при подворье Константинопольского патриархата в Москве²³⁹. Первая реакция Синода была отрицательной – в подворье имеется храм, а в Москве и без того существует много часовен и церквей. Окончательное решение было вынесено в пользу удовлетворения прошения патриарха²⁴⁰. Однако надеждам русского правительства не было суждено сбыться.

12 мая 1904 г. Иоаким III обратился к автокефальным церквам с новым окружным посланием. В нем опять шла речь о необходимости тесного общения церквей-сестер. Под влиянием разных пропаганд возбуждается дух недоразумений, несогласий и «разделение и раздробление единой и вселенской Христовой церкви на части по племенным свойствам и особенностям языка». Этот дух, губительный и заразительный, «служит мирским целям и в ограде Церкви Божией посеивает зачатки проявления светских начал в отношении предметов и дел церковных». Борьба с этим духом, по словам патриарха, требовала совместных усилий. К старокатоликам и англиканам патриарх призывал проявлять большую заботливость. В послании выдвигалось предложение устраивать каждые три года совместные богословские совещания под председательством Константинопольского патриарха. Что касается реформы календаря, то она признавалась преждевременной и излишней. В Церкви в такой реформе нет нужды, а наука еще окончательно по этому вопросу не высказалась²⁴¹.

Константинопольский патриархат. Храм Св. Георгия

Ответ российского Св. Синода был отправлен 18 марта 1905 г. В нем говорилось о том, что Св. Синод приветствует церкви-сестры, откликнувшиеся на призыв Иоакима III, – Сионскую, а также Элладскую, Румынскую, Сербскую и Черногорскую. Далее выражалось сожаление о том, что не все православные церкви ответили на послание патриарха. Нет среди «хора сестер, открывших свой слух на отеческий призыв» Иоакима III, престолов Алексан-

²³⁸ Деша Гирса. Бухарест, 22 мая 1903 г. № 35. Л. 38–39.

²³⁹ Письмо Иоакима III (оригинал) // РГИА. Ф. 796. Оп. 184. VI отд. 1 ст. Д. 5373. Л. 3–3 об. Русск. пер. Л. 4-4об.

²⁴⁰ Выписка из определения Св. Синода 30 января 1904 г. Л. 11-11об.

²⁴¹ Послание Иоакима III 12 мая 1904 г. Оригинал с подписями патриарха и членов Синода // РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 39-41об. Русский перевод: л. 42-47об.

дрии, Антиохии, Кипра и Синая, православных церквей Австрии и других стран. Особенно неприятным для России было отсутствие Болгарской церкви: «Не могут и, увы, может быть еще и не вполне прониклись желанием принять участие в общем хоре и чада церковные в Болгарии»²⁴². Развивая эту мысль, члены Св. Синода выражали свое прискорбие по поводу того, что «в последнее время церковные дела и нужды часто [...] являются лишь прикрытием и оправданием вожделений мирских и средством к достижению целей и замыслов национальных, сказываясь у сильных стремлением к господству и преобладанию, а у слабых к свободе и независимости и ослабляя, таким образом, закон братства и взаимной любви»²⁴³. Большую озабоченность высказал российский Синод по поводу роста национализма. Желание национального обособления, говорилось в послании, «само по себе мирское и не считающееся всегда с нуждами и даже канонами церкви, иногда заводит народы весьма далеко и угрожает их церковному бытию, равно как и неприкосновенности и целостности вселенской Церкви». Поэтому цели пастырей и предстоятелей Церкви должны быть выше интересов и пользы лишь данного времени и данной обстановки; нужно суметь «найти в себе силы стоять выше племенных пристрастий». «Особое пробуждение национального духа, замечаемое в наши дни, как и все в мире, есть явление временное и преходящее, не раз уже бывшее в истории и также неоднократно сходявшее с мировой арены. [...] Это лишь прилив, за которым не замедлит во время, указанное Зиждителем неба и земли, последовать такой же сильный и планомерный отлив: воскресшие для своей национальной жизни и развившиеся в ней народы потом тем живее почувствуют потребность в общечеловеческом и общецерковном, и тем сильнее возжадут более полного и совершенного единения со всеми во Христе братьями. И тогда они облобызают и прославят свою общую Матерь, не отвергшую их из-под своих крыльев за их временное влечение и немощь»²⁴⁴.

По вопросу об отношении к старокатоликам и их тяготению к православной Церкви говорилось, что в настоящее время специальная комиссия занята подготовлением ответов на вопросы старокатоликов. Работа комиссии имеет характер подготовительный и богословский и отнюдь не является переговорами о соединении старокатолических общин с православной Церковью. Создание междуцерковной комиссии можно только приветствовать. Такие же соображения высказывались в отношении Англиканской церкви. Касательно римско-католической и протестантских Церквей мнение Синода было определенным – никакой речи о соединении с ними в ближайшее время быть не могло; из соображений политических вряд ли возможен и диалог по догматическим вопросам.

Российский Синод присоединялся также к предложению об учреждении периодических (раз в три года) собраний представителей поместных православных церквей для обсуждения вопросов веры и благочестия. «Имея в составе своем представителей всех... поместных церквей, но не будучи в собственном смысле собором, не налагая на всех своего решающего слова (что на первых порах было бы, может быть, одним из оснований, препятствующих открытию собраний), собрания эти, тем не менее, окажутся живым звеном, фактически связующим поместные православные церкви в единый братский союз, новым и действенным средством духовного их общения и взаимного ознакомления». Таким образом может быть постепенно восстановлено «то начало вселенского соборного управления, которое составляло золотой век православия»²⁴⁵.

²⁴² Выписка из определения Св. Синода 23 февраля/10 марта 1905 г. № 1021 // РГИА. Ф. 797. Оп. 72. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 70об.-71.

²⁴³ Там же. Л. 71об.-72.

²⁴⁴ Копия ответа Св. Синода Иоакиму III // РГИА. Ф. 796. Оп. 183. VI отд. 1 ст. Д. 4589. Л. 58-62об.

²⁴⁵ Там же. Л. 59об.-60.

При всем тождестве тематики обоих посланий (1902 и 1904 гг.) и поднимаемых в них вопросов, нетрудно заметить различие в тоне как посланий патриарха, так и особенно ответов Русской церкви. Первое послание Иоакима III является программным документом, заявляющим основные тенденции нового управления Церковью, которые Россия не могла не поощрить, особенно принимая во внимание ту поддержку, которая была оказана русской дипломатией при патриарших выборах. Второе послание написано двумя годами позднее, когда наступило уже определенное разочарование в политике Иоакима III. В чрезвычайно обострившейся политической и национальной атмосфере на Балканах в начале XX в. он уже не мог проводить ту примиряющую линию, которую ожидало от него русское правительство. Волей-неволей Иоаким был вынужден поддерживать греческий элемент и соответственно выступать против славянского населения в стремительно нарастающих межэтнических конфликтах. Не устраивало Россию направление Константинопольской патриархии ни в антиохийском вопросе, ни в греко-болгарском. При той фактической изоляции, в которой Россия находилась на Балканах в это время, новая политика Иоакима III разрушала возникшие было надежды на оказание влияния посредством Вселенской патриархии. Раздражение сквозит в ответном послании российского Синода на энциклику 1904 г.: тон ответа холодный и настаивательный, а высокие идеи, высказанные в нем, явно не соответствовали взрывоопасной ситуации в восточно-средиземноморском регионе в данный момент.

Во время обсуждения текста послания патриарха Иоакима, 1 июля 1904 г., представитель Константинопольского патриархата в Москве архимандрит Иаков по поручению патриарха подал митрополиту Антонию докладную записку о бедствиях греческого населения в Македонии и Фракии, страдающего от разбоя болгарских комитетов. В ней приводились жалобы греческих архиереев этих епархий на насилия, грабежи и разбой со стороны четников, которые насильно заставляют жителей подписывать прошения о переходе к экзархии. Отдельно подчеркивалась якобы неблагоприятная роль русской жандармерии, которая, по условиям Мюрцштегского договора 1903 г., должна была способствовать умиротворению края. В докладной записке приводилась обширная цитата из донесения Боденского митрополита Стефана, в котором говорилось, что русские офицеры, прибыв в Воден, не посетили греческой митрополии, зато проследовали в губернское управление в сопровождении одного из болгар. В селах Месимерион и Владовон русские офицеры, по словам митрополита Стефана, также поощряли экзархистов и одобрили деятельность болгарского комитета²⁴⁶. Это обращение вызвало негодование со стороны российского МИДа и, разумеется, не могло послужить к сближению Русской и Вселенской церкви. Протест патриарха спровоцировал бурную реакцию в русской прессе. «Русские православные офицеры достаточно образованы и сведущи, – писал корреспондент „Московских ведомостей“, – чтобы знать, что и греческая патриархальная церковь, и экзархическая – суть в сущности две в каноническом и вероисповедном отношении одинаково православные церкви. [...] Поэтому никогда русский православный офицер не вздумает становиться на сторону той или другой иерархии; а тем менее русские офицеры сочли бы приличным открыто поддерживать своим авторитетом происки болгарской революционной организации»²⁴⁷.

Младотурецкая революция 1908 г. была с восторгом встречена христианами Турции: наблюдались массовые сцены братания, были провозглашены свобода совести и равенство

²⁴⁶ Архимандрит Иаков – митрополиту Антонию. 1 июля 1904 г. Докладная записка // РГИА. Ф. 797. Оп. 84. II отд. 3 ст. Д. 365. Л. 5–8. Аналогичные жалобы возводили на русских офицеров сербы: при посещении с. Доряне офицеры поселились в болгарском доме. Сербский консул советовал жителям по-прежнему относиться к русским дружелюбно (Московские ведомости. И сентября 1904 г. № 251).

²⁴⁷ Petrus. Новый фазис македонского вопроса // Московские ведомости. 5 (18) декабря 1904 г. № 336; 7 (20) декабря № 338; 8 (21) декабря № 339. Этот комментарий интересен тем, что в официальной газете славянофильского направления открыто высказывалось пренебрежение к факту существования болгарской схизмы.

всех перед законом. Патриарх Иоаким, однако, не спешил с оптимистическими выводами. Действительно, новая власть, проповедовавшая пантюркизм и панисламизм, очень скоро показала свое истинное лицо. Более того, в это время начинается новый этап борьбы Церкви за свои права и прономии. В отличие от более ранних этапов развития этого вопроса в 1880-е гг., теперь он приобретает ярко выраженную национальную окраску. Главным поводом для протестов со стороны патриархии являются уступки турецкого правительства болгарской экзархии в Македонии и Фракии. Эта сторона вопроса подробно рассматривается нами в соответствующей главе; здесь же остановимся на других, более общих, аспектах борьбы Церкви за свои права.

Константинопольский патриархат

Одним из первых камней преткновения стала обязательная воинская повинность для всех граждан Турции. При этом молодые люди-христиане подвергались унижениям – им не разрешали молиться, принуждали праздновать пятницу и работать в воскресенье; иногда предпринимались попытки их насильственного обращения в ислам. В сентябре 1909 г. патриарх обратился с окружным посланием о военной службе христиан. Со стороны властей, писал он, необходимы гарантии – запрет перехода в другую веру, наличие своих полковых священников, соблюдение постов. Было бы удобно, по мнению Иоакима III, формирование отдельных полков из солдат-христиан²⁴⁸. В январе 1911 г. патриарх подал новый такрир турецкому правительству, в котором требовал уменьшения срока военной службы для христиан, особенно во флоте, опубликования военных законов на греческом языке и освобождения от службы единственных сыновей в семье; если сыновей двое, то призыву должен подлежать только один из них. Правительство оставило этот протест без внимания²⁴⁹.

В течение 1909 г. Иоаким III неоднократно обращался с меморандумами в Порту по разным поводам – касательно преследования греков Македонии и Фракии в связи с хранением ими антитурецких книг и греческого флага, о выдаче новых бератов архиереям с гарантией их прав в конституционном государстве. Особое внимание уделял патриарх вопросу о ставритах – тайных христианах Халдейской, Трапезундской и Родопольской епархий, кото-

²⁴⁸ Церковный вестник. 1909. № 41. С. 1275–1277.

²⁴⁹ Там же. 1911. № 7. С. 213–215.

рые в глазах турецкого правительства являлись мусульманами и не имели права менять свою веру²⁵⁰.

В начале 1911 г. патриарх подал такрир правительству по вопросу народного образования христиан в Турции, в котором он выступал против контроля над школами со стороны правительства. Денежные поступления на школы должны передаваться духовным властям епархий; кроме того, патриарх выступил против удаления из школ учителей-иностранных подданных²⁵¹. После очередного безрезультатного протеста Иоакима III министру юстиции по вопросу просвещения и военной службы в конце 1911 г. был впервые подан такрир Порте с подписями глав всех христианских народностей (Иоакима III, двух армянских патриархов, болгарского экзарха и представителя халдейского патриарха) против произвола властей. Русская периодическая печать приветствовала это событие, отмечая, что на почве политического объединения христианских иерархов может произойти их церковное сближение²⁵². Турецкое правительство пошло на уступки. «Ответ (Порты. – А. Г.) исполнен уступчивости и удовлетворяет в очень широкой мере желаниям просителей не только в области учебного дела, но и отбывания христианами воинской повинности. Солдатам-христианам обеспечивается полная свобода при исполнении обрядов и запрещается переход в мусульманство во время их нахождения на службе. Допускается назначение полковых священников; христианам – нижним чинам дозволяется приносить жалобы на начальство». Облегчался также доступ христиан в ряды офицеров, они теперь могли сдавать экзамены на родном языке. За патриархией и митрополиями сохранялось право разрабатывать и утверждать программы национальных училищ, которые освобождались от ежегодной правительственной проверки; донесения правительственных инспекторов согласовывались с церковной властью. Учителя-иностранные подданные в школы также допускались. Дипломы национальных школ писались на своих языках и приравнивались к дипломам правительственных школ²⁵³.

Покушения и убийства православных архиереев и священников ко второй половине 1911 г. стали обычным делом; особенно много таких случаев было в охваченной партизанской войной Македонии, где был убит Гревенский митрополит Эмилиан, повешен игумен монастыря Предтечи близ Серр, совершено покушение на Ардамерийского епископа Иоакима; регулярно отмечались случаи исламизации девиц и детей. «Вообще, страдания турецких христиан и теперь весьма велики и доказывают, что их положение в конституционной империи не только не лучше, но гораздо хуже, чем было при „кровоавом“ султана Абдул-Гамиде II», – комментировал эти события И. И. Соколов²⁵⁴.

В одном из последних номеров «Церковного вестника» за 1911 г. И. И. Соколов выступает с обширной статьей, в которой подводит итоги прошедшего года в жизни Константинопольской церкви и намечает перспективы русской политики на православном Востоке в условиях режима младотурок и готовящейся коалиции христианских народов Балкан. Отмечая конкретные случаи регулярного нарушения прав христиан в Турции (многочисленные насилия над христианами, запрет бить в колокола на о. Митилина, вопрос ставритов), профессор переходит к теме подготовки балканской коалиции. Желая успеха этому «крестовому походу», Соколов отмечает, что мусульмане ответят на него яростной анти-коалицией, и потому помощь со стороны является весьма желательной и необходимой. Только Россия может встать во главе православного мира – таков основной тезис статьи²⁵⁵.

²⁵⁰ Там же. 1909. № 37. С. 1147–1150; № 45. С. 1410–1413; № 49. С. 1544–1546.

²⁵¹ Там же. 1911. № 3. С. 89–91.

²⁵² Там же. 1911. № 32. С. 1001.

²⁵³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3475. Л. 4-5об.

²⁵⁴ Церковный вестник. 1911. № 48. С. 1516–1518.

²⁵⁵ И. И. Соколов. Христиане в Турции // Церковный вестник. 1911. № 51–52. С. 1608–1615.

Кроме вопросов церковно-политического свойства, Иоаким III считал необходимым советоваться с Русской церковью по чисто каноническим проблемам. Так, в начале 1910 г. он обратился с вопросом о степенях родства, являющихся препятствием к заключению брака. Согласно церковным правилам византийского времени, запрещались браки до 7 степени кровного родства и 6 степени духовного родства. В своем ответе на имя Константинопольского патриарха от 13 марта 1910 г. митрополит Санкт-Петербургский писал, что в Русской православной церкви браки в кровном родстве по прямо восходящей и нисходящей линии запрещаются безусловно, по боковым же линиям запрещаются только в первых четырех степенях, а в пятой допускаются только с разрешения епархиального архиерея. В духовном родстве запрещаются браки между родителями крещаемого и восприемниками. В двухродном свойстве запрещены браки в первых четырех степенях, но после издания указа 17 апреля 1905 г. «об укреплении начал веротерпимости» в западных областях империи стали делаться исключения из этого правила, чтобы удержать население от перехода в католичество²⁵⁶.

В 1910 г. Карловацкий архиепископ Лукиан обратился к Вселенской церкви с вопросом касательно второго брака вдовых священников. Прошение о разрешении было подписано почти всеми клириками Карловацкой и Буковинско-Далматинской епархий и поддержано известным канонистом, епископом Далматинско-Истрийским Никодимом. Сербский национально-церковный конгресс на заседании в Карлсрухе 20 декабря 1906 г. постановил рекомендовать это прошение архиерейскому Синоду, который, в свою очередь, на заседании 12 мая 1907 г. принял решение спросить мнение всех автокефальных церквей. 4 декабря 1910 г. Иоаким III, как посредник в переговорах, переадресовал вопрос российскому Св. Синоду. Ответ Синода был отрицательным: «разрешение вступления в брак после хиротонии оказалось бы в явном противоречии с канонами Святой Вселенской церкви. [...] Частичное в поместных церквях ослабление этого запрещения или допущение исключений из оногo епископской диспенсацией неизбежно повлекут за собой справедливые упреки в нарушении [...] заветов Святой Церкви Православной и создадут опасный повод к возможному разрыву доселе существующего братского общения с теми Православными поместными церквями, которые дерзнут на сие». В этом смысле и были составлены ответы архиепископа Лукиану и Иоакиму III²⁵⁷.

---

²⁵⁶ Копия послания митрополита Санкт-Петербургского на имя Константинопольского патриарха 13 марта 1910 г. № 3554 // РГИА. Ф. 797. Оп. 80. 2 отд. 3 ст. Д. 134. Л. 2–4.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. VI отд. 1 ст. Д. 183а. Л. 1–3; Архиеп. Лукиан – Св. Синоду. 1 мая 1910 г.; Л. 12-12об. Иоаким III – Св. Синоду. № 11078. 4 декабря 1910 г. Л. 21-25об.; Выписка из определения Св. Синода. 29 марта 1911 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.